

РОБЕРТ
МАККАММОН

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ

Роберт
Маккаммон
создает
собственный
литературный
жанр.

*Wall Street
Journal*

The Big Book

Роберт Маккаммон

Лебединая песнь

1987

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Маккаммон Р.

Лебединая песнь / Р. Маккаммон — 1987 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-19705-3

Впечатляющая история, в которой конец света – это только начало финальной битвы между добром и злом, создана Робертом Маккаммоном, одним из величайших мастеров хоррора в мировой литературе. Книга четыре недели продержалась в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс», первое издание разошлось почти миллионным тиражом. После ядерного удара Америка превращается в мертвую пустыню, где древнее зло бродит в поисках жертвы – демонический человек с алым глазом, собирающий под своей властью темные силы, жаждет уничтожить ребенка, обладающего даром жизни. Но на защиту девочки по прозвищу Сван, что значит Лебедь, встают те, кто полон решимости сражаться за этот мир и за свои души. От исхода сражения зависит судьба человечества... Ранее роман издавался под названиями «Песня Сван», «Наслаждение смертью».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19705-3

© Маккаммон Р., 1987

Содержание

Книга 1	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	28
Часть вторая	36
Глава 6	36
Глава 7	39
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	54
Глава 11	59
Часть третья	65
Глава 12	65
Глава 13	71
Глава 14	74
Глава 15	77
Глава 16	84
Глава 17	91
Глава 18	94
Часть четвертая	103
Глава 19	103
Глава 20	106
Глава 21	110
Глава 22	112
Глава 23	119
Глава 24	122
Глава 25	125
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Роберт Маккаммон

Лебединая песнь

*Посвящается Салли, чей внутренний мир так же прекрасен, как и
ее лицо.
Мы пережили комету!*

Robert McCammon
SWAN SONG

Copyright © 1987 by the McCammon Corporation
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© О. Э. Колесников, перевод, 1993

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Книга 1

Последняя война

Часть первая

Точка невозврата

Глава 1

Однажды

16 июля, 22:27 (восточное летнее время)

Вашингтон, округ Колумбия

«Когда-то давным-давно нам понравилось играть с огнем», – чиркнув спичкой, подумал президент Соединенных Штатов.

Собираясь разжечь трубку, он уставился на ожившее между пальцами пламя, зачарованный его цветом. Пока оно разгоралось, ему привиделась пылающая башня высотой в тысячу футов. Она вихрем кружилась над любимой им страной, уничтожая на своем пути большие и малые города, испаряя реки, разметая в руины фермы и вздымая в черное небо пепел семидесяти миллионов человеческих тел. Завороженный страшной картиной, президент смотрел, как пламя охватывает спичку, и сознавал, что в этой миниатюре заключена двойная сила – созидания и разрушения. Огонь мог варить пищу, освещать темноту, плавить железо – и обращать в пыль человеческую плоть. В центре пламени открылось нечто, похожее на маленький немигающий алый глаз, и президент едва не закричал. Этой ночью он очнулся в два часа от кошмара – приснилось сожжение жертв; он заплакал и не мог остановиться. Первая леди пыталась успокоить его, но он продолжал дрожать и всхлипывать, как ребенок. До рассвета он снова и снова просматривал в Овальном кабинете карты и сверхсекретные донесения, однако все они говорили об одном: первый удар...

Пламя обожгло пальцы. Он потряс спичкой и бросил ее в пепельницу, украшенную рельефом президентской печати. Тонкая струйка дыма закрутилась по направлению к вентиляционной решетке.

– Сэр? – сказал кто-то.

Президент поднял взгляд на группу незнакомцев, сидевших в так называемой Ситуационной комнате Белого дома, увидел перед собой подробную карту мира на экране компьютера и множество телефонов и мониторов, расположенных полукругом, как на пульте управления истребителем. Ему очень захотелось, чтобы Бог посадил на его место кого-нибудь другого, а он снова стал бы просто сенатором и не знал всей правды о реальности.

– Сэр?

Он провел ладонью по лбу. Кожа оказалась липкой.

«Хорошо бы погрипповать», – подумал он и чуть не засмеялся от этой абсурдной мысли.

«У правителей не бывает отпуска по болезни, – напомнил ему внутренний голос, – ведь считается, что они не болеют».

Попытавшись сфокусировать взгляд на гостях за овальным столом, он высматривал, кто же обратился к нему. Все наблюдали за ним. Вице-президент, нервный и стеснительный. Адмирал Нэрремор, прямой как шомпол, в форме, украшенной на груди пригоршней наград. Генерал Синклер, резкий и настороженный, с глазами, похожими на два кусочка голубого стекла

на грубо вылепленном лице. Министр обороны Хэннен, похожий на добродушного дедушку, но известный и пресс-службе, и своим помощникам как Железный Ганс. Генерал Чивингтон, ответственный сотрудник военной разведки по вопросам военной мощи Советов. Председатель Комитета начальников штабов Бергольц, со стрижкой ежик, подтянутый, как обычно в темно-синем костюме в полоску. Плюс несколько других военных чиновников и советников.

– Да? – спросил президент Бергольца.

Хэннен потянулся за стаканом воды, отпил из него и сказал:

– Сэр, я спрашивал, могу ли продолжить.

Он постучал пальцем по странице раскрытого доклада, с которым выступал.

– Ах... – выдохнул президент. «Моя трубка погасла, – подумал он. – Разве я ее только что не раскурил?»

Посмотрев на лежавшую в пепельнице обугленную спичку, он не смог вспомнить, как она туда попала.

На мгновение он мысленно узрел лицо Джона Уэйна в сцене из старого черно-белого фильма, который видел в детстве. Герцог говорил что-то о точке невозврата.

– Да, – одобрил президент, – продолжайте.

Хэннен бросил быстрый взгляд на сидевших вокруг стола. Перед каждым лежала копия доклада, а также сводки шифровок, только что поступивших по каналам связи от НОРАД¹ и САК².

– Меньше трех часов назад, – сообщил Хэннен, – последний из наших действующих спутников типа «Небесный глаз» был поврежден над территорией СССР. Мы потеряли все наши оптические датчики и телекамеры и, как в случаях с шестью предыдущими спутниками, полагаем, что этот был уничтожен наземным лазером, расположенным, вероятно, около Магадана. Через двадцать минут после того, как был ослеплен «Небесный глаз – семь», мы применили лазер «Мальмстрем», чтобы вывести из строя советский спутник, пролетавший над Канадой. По нашим данным, у них все еще остаются два исправных: один в данный момент находится над северной частью Тихого океана, а другой – над ирано-иракской границей. НАСА пытается восстановить второй и третий «Небесный глаз», а остальные – уже просто космический утиль... Все это означает, сэр, что приблизительно три часа назад по восточному времени, – Хэннен поглядел на электронный циферблат, украшавший серую стену кабинета, – мы ослепли. Последние фотографии поступили в восемнадцать часов тридцать минут, когда спутники были над Елгавой.

Он включил микрофон и сказал:

– «Небесный глаз – семь», запись шестнадцать, пожалуйста.

Возникла трехсекундная пауза – информационный компьютер выполнял запрос. Карта мира на большом экране потемнела и уступила место изображению, переданному спутником с большой высоты. В центре участка густой советской тайги виднелось скопление булавоочных головок, связанных тонкими линиями дорог.

– Увеличить в двенадцать раз, – приказал Хэннен.

Картинка на мгновение отразилась в стеклах его роговых очков.

Изображение многократно росло, и наконец сотни бетонных бункеров межконтинентальных баллистических ракет стали просматриваться так ясно, будто настенный экран Ситуационной комнаты был просто видом из окна. По дорогам шли грузовики, их колеса вздымали пыль, а около ракетных установок и тарелок радаров были даже заметны солдаты.

¹ НОРАД (NORAD) – Объединенное командование воздушно-космической обороны Северной Америки. – *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

² САК (SAC) – Стратегическое командование ВВС США.

– Как видите, – продолжал Хэннен спокойным, почти беспристрастным тоном профессионального оратора – до этого он преподавал военную историю и экономику в Йельском университете, – русские к чему-то готовятся. Предполагаю, они устанавливают больше радаров и снаряжают боеголовки. Только в этом подразделении мы насчитали двести шестьдесят три бункера, в которых, вероятно, находится более шестисот ракетных зарядов. Через две минуты после данной съемки «Небесный глаз» был выведен из строя. Но разведка только подтверждает то, что нам уже известно: Советы объявили высокую степень боевой готовности и не хотят, чтобы мы видели, как они разгружают новое оборудование. Это подводит нас к докладу генерала Чивингтона. Генерал?

Чивингтон сломал печать на лежавшей перед ним зеленой папке. Другие сделали то же самое. Внутри лежали листы документов, графики и карты.

– Джентльмены, – начал генерал хриплым голосом, – советская военная машина за последние девять месяцев увеличила свою мощь не менее чем на пятнадцать процентов. Нет нужды напоминать вам об Афганистане, Южной Америке или Персидском заливе, но я бы хотел привлечь ваше внимание к документу с пометками: «Дубль-шесть», «Дубль-три». Это график, показывающий объем поставок в русскую систему гражданской обороны. Вы можете увидеть своими глазами, как он резко вырос за последние два месяца. Наши советские источники сообщают, что больше сорока процентов городского населения сейчас либо покинули мегаполисы, либо нашли пристанище в бомбоубежищах...

Пока Чивингтон рассказывал о гражданской обороне, мысли президента вернулись на восемь месяцев назад, к последним страшным дням Афганистана с их нервно-паралитическими газовыми атаками и тактическими ядерными ударами. Через неделю после падения Афганистана в жилом доме Бейрута было взорвано ядерное устройство мощностью двенадцать с половиной килотонн, превратившее этот измученный город в лунный пейзаж из радиоактивного мусора. Почти половина населения погибла на месте. Множество террористических групп с радостью приняли ответственность на себя, обещая карающую месть Аллаха.

Со взрывом этой бомбы открылся ящик Пандоры, наполненный ужасами.

Четырнадцатого марта Индия атаковала Пакистан, применив химическое оружие. Пакистан ответил ракетным ударом по Джайпуру. Три индийские ядерные ракеты накрыли Карачи, и война в пустыне Тар заглохла.

Второго апреля Иран осыпал Ирак дождем советских ядерных ракет, и в заваруху оказались втянуты американцы, поскольку они воевали, сдерживая иранцев. Советские и американские истребители сражались над Персидским заливом, и весь регион в любую минуту мог взлететь на воздух.

Северную и Южную Африку трясло от пограничных стычек. Мелкие государства истощали свои богатства ради приобретения химического и ядерного оружия. Альянсы менялись каждый день, некоторые под давлением силы, другие из-за выстрелов снайперов.

Четвертого мая меньше чем в двенадцати милях от Ки-Уэста пилот американского истребителя F-18 вцепил ракету класса воздух – земля в борт поврежденной русской подлодки. Тут же с советской военной базы на Кубе, завывая, прилетели скоростные МиГ-23 и сбили этот самолет плюс два других, примчавшихся ему на помощь из эскадрильи.

Спустя девять дней в Арктике при игре в кошки-мышки столкнулись советская и американская подлодки. Через два дня после этого радары на канадской дальней линии раннего предупреждения показали черточки двадцати приближающихся самолетов. Все базы ВВС на Западе приготовились дать отпор, но вторгшиеся в воздушное пространство противника истребители повернули и уклонились от встречи.

Шестнадцатого мая на американских военно-воздушных базах была объявлена боевая готовность номер один. Советы в течение пары часов отреагировали соответственно. Усиленная напряженность, в тот же день на производстве «Фиат» в Милане сработало ядерное устрой-

ство. Ответственность за эту акцию взяла на себя коммунистическая террористическая группа под названием «Красная звезда свободы».

Стычки между кораблями, подлодками и самолетами продолжались в северной части Атлантики и Тихого океана весь май и июнь. Когда по неизвестной причине в тридцати морских милях от побережья Орегона взорвался и затонул крейсер, американские военно-воздушные силы перешли в боевую готовность номер два. Появление советских подлодок в территориальных водах Штатов повысило драматизм ситуации, и американские субмарины отправились на проверку русских оборонительных систем. Деятельность советских установок с межконтинентальными баллистическими ракетами была засечена спутниками «Небесный глаз» прежде, чем их ослепили лазерами, и президенту стало известно, что русские заметили активность на американских базах до того, как были испорчены их собственные сателлиты-шпионы.

Тридцатого июня «мрачного» лета, как его окрестили газеты, туристическое судно «Тропическая панорама», на котором с Гавайев в Сан-Франциско направлялись семьсот пассажиров, радировало, что его преследует неизвестная подлодка. Это было последнее сообщение с лайнера.

С того дня американские военные корабли патрулировали Тихий океан, готовые к пуску ядерных ракет с борта.

Президент вспомнил фильм «Великий и могучий» – о самолете, который попал в критическую ситуацию и чуть не разбился. Пилота играл Джон Уэйн по прозвищу Герцог. Он рассказывал команде о точке невозврата – рубеже, после пересечения которого аэробус не может повернуть назад, а должен продолжать лететь вперед во что бы то ни стало. Воображение президента задержалось на этой точке, он представил себе, как, пытаясь увидеть огни с земли, управляет самолетом с отказавшим двигателем над черным недружелюбным океаном. Но приборы дают неправильные показания, машина все теряет высоту, и в голове звенят крики пассажиров.

«Хочу снова стать ребенком, – подумал он, в то время как люди за столом смотрели на него. – Боже милостивый, я больше не хочу ни за что отвечать».

Генерал Чивингтон закончил речь.

Президент поблагодарил его, хотя не понял точно, что именно сказал докладчик. Он ощущал на себе взгляды этих людей, ждавших, чтобы он заговорил, начал движение или сделал еще что-нибудь. В свои почти пятьдесят лет он был темноволос и привлекателен суровой красотой. Он и сам был летчиком, пилотировал шаттл «Олимпиец» и одним из первых вышел в космос с реактивной установкой. Вид с орбиты огромного, подернутого облаками земного шара тронул его до слез, а его возглас по радио: «Думаю, я знаю, как должен чувствовать себя Бог!» – более всего остального помог ему победить на президентских выборах.

Но он унаследовал ошибки своих предшественников и был до смешного наивен в представлениях о мире накануне двадцать первого века.

Экономика, пережившая подъем в середине восьмидесятых, вышла из-под контроля. Темпы роста преступности ужасали, тюрьмы были переполнены убийцами. Сотни тысяч бездомных – «нация оборванцев», как назвала их «Нью-Йорк таймс», – скитались по дорогам Америки, не способной обеспечить кров бродягам или справиться с их напором. Военная программа «Звездных войн», стоившая миллиарды долларов, обернулась несчастьем, потому что была освоена слишком поздно и машины могли функционировать не лучше, чем человек, а сложность орбитальных платформ потрясала воображение и была по бюджету. Торговцы оружием поставляли сырую, неотработанную ядерную технологию странам третьего мира и их лидерам, рвущимся, как бешеные псы, к власти на соблазнительной и нестабильной глобальной арене. Двенадцатикилотонные бомбы, соотносимые по мощности с той, что разрушила Хиросиму, теперь стали такой же обыденностью, как ручные гранаты, и их можно носить в дипломате. В результате возобновившихся прошлой зимой выступлений в Польше и стычек на варшавских улицах отношения между Соединенными Штатами и Советами оказались полно-

стью заморожены. И незамедлительно последовал упадок духа, выразившийся в национальном позоре – заговоре ЦРУ с целью уничтожения лидеров польского освободительного движения.

«Мы подошли к точке невозврата», – подумал президент.

Он почувствовал приступ истерического смеха, но заставил себя плотно сжать губы. Его разум боролся с туманной паутиной докладов и мнений, подталкивающих к страшному выводу: Советы готовят первый удар, который несет неслыханные разрушения Соединенным Штатам Америки.

– Сэр? – нарушил тяжелое молчание Хэннен. – Следующий доклад адмирала Нэрремора. Адмирал?

Распечатали еще одну папку. Нэрремор, худой, костлявый на вид человек лет шестидесяти пяти, начал продираться через засекреченные сведения:

– В девятнадцать часов двенадцать минут британские вертолеты с борта корабля противоракетной обороны «Флейта» сбросили в море шумопеленгаторы, которые подтвердили в семидесяти трех милях к северу от Бермуд присутствие шести неопознанных подлодок, держащих под прицелом триста градусов по окружности. Если эти подлодки нацелены на северо-восток, то они уже находятся на расстоянии ракетного удара по Нью-Йорку, военно-воздушным базам на Восточном побережье, Белому дому и Пентагону.

Адмирал поднял на президента взгляд дымчато-серых глаз из-под густых седых бровей.

Белый дом находился в пятидесяти футах над их головами.

– Если были обнаружены шесть лодок, – продолжил Нэрремор, – можно ручаться, что у Ивана там по меньшей мере раза в три больше. Они могут доставить к цели несколько сотен боеголовок в течение пяти-девяти минут после пуска. – Он перевернул страницу. – По данным часовой давности, двенадцать советских подлодок класса «Дельта-2» все еще находятся на позиции в двухстах шестидесяти милях к северо-западу от Сан-Франциско.

Президент почувствовал изумление, как будто все это было сном наяву.

«Думай! – приказал он себе. – Думай, черт тебя побери!»

– А где наши подлодки, адмирал? – услышал он собственный голос, прозвучавший словно чужой.

Нэрремор вызвал на большой экран другую компьютерную карту. На ней высветилась линия мерцающих точек на расстоянии около двухсот миль к северо-востоку от Мурманска. Следующая схема изображала Балтийское море и скопление подлодок северо-западнее Риги. На третьей карте виделись восточное русское побережье и линия подлодок в Беринговом море между Аляской и советским материком.

– Мы взяли Ивана в железное кольцо, – пояснил Нэрремор. – Только скажите – и мы потопим все, что попытается прорваться.

– Думаю, картина предельно ясна. – Голос министра обороны Хэннена был спокоен и тверд. – Мы должны опередить Советы.

Президент молчал, пытаясь выстроить логическую цепь. Ладони его вспотели.

– Что, если они не планируют первый удар? – спросил он. – Верят, будто это мы?.. Если мы продемонстрируем силу, не подтолкнет ли их это переступить черту?

Хэннен достал сигарету из серебряного портсигара и закурил. Взгляд президента вновь оказался прикован к пламени.

– Сэр, – ответил Железный Ганс мягко, словно разговаривал с неразвитым ребенком, – если Советы что-нибудь уважают, так это силу. Вам это известно не хуже, чем любому из присутствующих здесь, особенно после инцидента в Персидском заливе. Им нужна территория, и ради нее они готовы уничтожить нас и понести свою долю потерь. Черт, ведь их экономика слабее нашей. Они собираются провоцировать нас, пока мы не сломаемся или не ударим. А если мы промедлим, то сломаемся... Боже, помоги нам!

– Нет, – мотнул головой президент. Советники повторяли эти доводы много раз, и они надоели ему до тошноты. – Нет, мы не нанесем удар первыми.

– Советы, – терпеливо продолжал Хэннен, – понимают дипломатию кулака. Я не говорю, что мы должны уничтожить Советский Союз. Но я искренне верю: сейчас самое время решительно сказать им, что нас не задвинешь и мы не позволим их ядерным подлодкам осаждать наши побережья в ожидании сигнала к пуску.

Президент устался на свои руки. Галстук казался ему петлей висельника, под мышками и на пояснице выступил пот.

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

– Нужно немедленно перехватить эти чертовы подлодки. Мы уничтожим их, если они не уберутся. Мы приведем в наивысшую боевую готовность все наши базы ВВС и ракетные установки.

Хэннен быстро оглядел сидящих за столом, чтобы оценить, кто за его предложение. Только вице-президент отвел взгляд, но министр знал, что это слабый человек и его мнение не имеет веса.

– Мы можем перехватить любое советское судно с ядерным оружием, выходящее из Риги, Мурманска или Владивостока. Мы снова возьмем моря под контроль, и если это означает локальную ядерную войну, пусть будет так.

– Блокада... – сказал президент. – А не захочется ли им воевать еще сильнее?

– Сэр, – генерал Синклер говорил по-виргински неторопливо и выражался просто, – я думаю, объяснение таково: Иван должен поверить, что мы рискуем задницами ради того, чтобы он слетал в ад и обратно. Честно говоря, сэр, я не думаю, что здесь есть хоть один человек, который будет сидеть сложа руки, позволяя Ивану спокойно забрасывать нас ракетно-ядерным дерьмом, не отвечая ударом на удар. При этом потери не имеют значения.

Он наклонился вперед и уставился на президента сверлящим взглядом:

– Я могу привести САК и НОРАД в состояние полной боевой готовности через две минуты после вашего одобрения. Я могу переслать эскадрилью «В-1» прямо к границам Ивана за час. Просто слегка намекнуть Советам, понимаете...

– Но... они подумают, что мы атакуем!

– Они поймут, что мы не боимся.

Хэннен стряхнул истлевший столбик сигареты в пепельницу и продолжил:

– Да, это безумие. Но, Бог свидетель, русские уважают безумие больше, чем страх. Если мы дадим им подвести ядерные ракеты, направленные на наши побережья, и даже не пошевелим при этом пальцем, то подпишем смертный приговор Соединенным Штатам Америки!

Президент закрыл глаза. И тут же резко открыл их. Ему привиделись горящие города и обуглившиеся темные предметы, которые когда-то были телами людей.

– Я не хочу быть человеком, начавшим Третью мировую войну, – с усилием произнес он. – Вы это можете понять?

– Она уже началась, – заговорил Синклер. – Черт, весь этот проклятый мир воюет, и все ждут, чтобы или Иван, или мы нанесли нокаутирующий удар. Может, будущее планеты зависит от того, кто решится стать самым безумным! Я согласен с Гансом. Если мы в ближайшее время не сделаем шаг, на нашу жестяную крышу прольется мощный стальной дождь.

– Они будут отброшены, – решительно сказал Нэрремор. – Их отбрасывали и раньше. Если мы пошлем группы охотников-убийц к подлодкам и те взлетят на воздух, то русские узнают, где проходит линия. Итак, будем сидеть и ждать – или покажем зубы?

– Сэр? – Хэннен глянул на часы: без двух минут одиннадцать. – Думаю, теперь решение за вами.

«Я не хочу его принимать!» – чуть не закричал президент.

Ему нужно время, нужно уехать в Кэмп-Дэвид или на одну из долгих рыбалок, которые он так любил, будучи сенатором. Но сейчас времени не осталось. Он сцепил пальцы. Лицо так напряглось, что он испугался, как бы оно не треснуло и не распалось на куски, словно маска. Ему не хотелось бы узнать, что под нею.

Когда президент поднял глаза, смотревшие на него энергичные мужчины все еще были тут. Все чувства, казалось, унеслись от него прочь.

«Решение. Должно быть принято решение. Прямо сейчас».

– Да! – Это слово никогда прежде не звучало так страшно. – Хорошо. Мы приведем... – Он запнулся, сделал глубокий вдох. – Мы приведем войска в полную боевую готовность. Адмирал, поднимите спецподразделения. Генерал Синклер, я хочу, чтобы ваши «В-1» ни на дюйм не влезали на русскую территорию. Вам ясно?

– Мои экипажи могут пройти по этой линии даже во сне.

– Запускайте коды.

Синклер принялся набирать команды на клавиатуре, потом по телефону дал устное подтверждение военачальникам стратегической авиации в Омахе и воздушно-космической обороны в подземной крепости на горе Шайенн в штате Колорадо. Адмирал Нэрремор взял другую телефонную трубку, и его немедленно соединили со штабом военно-морских сил в Пентагоне.

Через несколько минут американские авиабазы и флот засуетятся. Шифрованные команды о полной боевой готовности прошелестят по проводам. Будут выполнены все подтверждающие действия на радарном оборудовании, системах слежения, мониторах, компьютерах и сотнях других элементов высокотехнологичной военной машины. Так же четко среагируют десятки крылатых ракет и тысячи ядерных боеголовок, скрытых в бункерах по всему Среднему Западу, от Монтаны до Канзаса.

Президент оцепенел. Решение принято.

Председатель Комитета начальников штабов Бергольц попрощался с собравшимися и, проходя мимо президента, тронул его за плечо и выразил одобрение столь правильной и твердой позиции. Военные советники и чиновники покинули Ситуационную комнату и двинулись к лифту в ближайшем вестибюле.

Глава государства остался в одиночестве. Трубка его погасла, но он никак не мог прийти в себя и снова разжечь ее.

– Сэр?

От неожиданности он вздрогнул и повернулся на голос. Около двери стоял Хэннен.

– Все в порядке?

– А... да, – слабо улыбнулся президент.

Перед ним промелькнули воспоминания о славных днях астронавта.

– Нет. Господи Иисусе, я не знаю. Думаю, да, – засомневался он.

– Вы приняли верное решение. Мы оба это понимаем. Советы должны осознать, что мы не боимся.

– Зато я боюсь, Ганс! Я чертовски боюсь!

– И я тоже. Все боятся, но нами не должен править страх.

Министр обороны подошел к столу и перелистал некоторые папки. Через минуту молодой сотрудник ЦРУ явится и уничтожит все эти документы.

– Полагаю, вам лучше отправить Джулиану и Кори в бункер сегодня же вечером, как только они соберут вещи, – предложил Хэннен. – А мы что-нибудь придумаем для прессы.

Президент кивнул. Бункер представлял собой подземное укрытие в Делавэре, где первая леди и их семнадцатилетний сын вместе с членами кабинета и другим персоналом могли быть защищены, как они надеялись, от всего, кроме разве что прямого попадания ядерной боеголовки весом в мегатонну. С тех пор как новости о тщательно сконструированном убежище для правительства распространились в обществе, по всей стране стали появляться подобные

укрытия, некоторые даже в заброшенных шахтах и внутри горных пещер. Бизнес под условным названием «Остаться в живых» процветал как никогда прежде.

– Нам надо кое-что обсудить, – сказал Хэннен.

В стеклах его очков президент увидел отражение своего лица – уставшего, с ввалившимися глазами.

«Неразыгранная карта», – подумал он.

– Еще не время. – У него свело живот. – Рано.

– Самое время! Думаю, вам будет безопаснее в центре стратегического авиационного командования. Одной из первых мишеней станет крыша Белого дома. Я собираюсь послать Паулу в бункер, и, как вам известно, вы можете направить туда любого на ваше усмотрение. Но если позволите, я хотел бы сопровождать вас в штабе.

– Да, конечно. Вы со мной.

– Там будет офицер военно-воздушных сил с дипломатом, прикованным наручниками к запястью, – продолжил Хэннен. – Вы знаете свои коды?

– Знаю.

Индивидуальные коды состояли в числе первых вещей, которые президент изучил, вступив в должность. Он почувствовал напряжение, словно его шею охватил железный обруч.

– Но... мне ведь не придется их использовать, правда, Ганс? – почти умоляюще спросил он.

– Наиболее вероятно, что нет. Но если вы сделаете это – если понадобится, – я хочу, чтобы вы помнили: к тому времени Америка, которую мы любим, будет уже мертва; но мы не допустим ни сейчас, ни в будущем, чтобы нога захватчика ступила на нашу землю.

Он протянул руку и отеческим жестом сжал плечо собеседника.

– Точка невозврата, – сказал президент. Его остекленелый взгляд блуждал где-то далеко.

– Что? – не понял Хэннен.

– Мы готовы пересечь точку невозврата. Может быть, уже сделали это. Может быть, теперь слишком поздно и ничего нельзя исправить. Помоги нам Бог, Ганс. Мы летим в темноте и не знаем, куда, черт возьми, направляемся.

– Как только окажемся на месте, разберемся с этим. Мы всегда так делали.

– Ганс? – Голос президента стал жалким, как у ребенка. – Если... если бы вы были Богом... вы бы уничтожили этот мир?

Мгновение Хэннен раздумывал. Потом ответил:

– Полагаю... я бы подождал и посмотрел. Я имею в виду, если бы я был Богом.

– Подождал и посмотрел на что?

– Кто победит. Хорошие парни или плохие.

– А между ними есть какая-нибудь разница?

Выдержав паузу, Хэннен попытался объяснить, но понял, что не может.

– Я вызову лифт, – не в тему сказал он и вышел из Ситуационной комнаты.

Президент разжал ладони. Падавший сверху свет сверкнул на запонках, украшенных печатью правителя США.

«Я в норме, – подумал он про себя, – все системы работают».

Но внутри у него что-то сломалось, он чуть не плакал. Ему хотелось домой, а дом был далеко-далеко от этого кресла.

– Сэр? – позвал его Хэннен.

Медленно и скованно, словно старик, президент встал и вышел навстречу будущему.

Глава 2

Сестра Жуть

23:19 (восточное летнее время)

Нью-Йорк

Крак!

Она почувствовала, как кто-то пнул ее картонную коробку, и машинально вцепилась в свою тряпичную сумку. Она устала и хотела покоя.

«Чтобы быть красивой, девушке нужно выспаться», – подумала она и снова закрыла глаза.

– Я сказал, вон отсюда!

Чьи-то руки схватили ее за лодыжки выше грязных кед и грубо выволокли из коробки на мостовую. Она негодуя закричала и начала бешено лягаться:

– Ты, сукин сын, мерзавец, оставь меня в покое, негодяй!

– Черт, ты только глянь! – сказала одна из двух фигур, стоявших над ней на Западной Тридцать шестой улице, освещенной красными лампами вывески вьетнамского ресторанчика напротив. – Да это баба!

Другой, тот, кто вытащил ее наружу, прорычал хриплым голосом:

– Баба не баба, а я надеру ей задницу.

Она села и крепко прижала к груди холщовую торбу, набитую немислимыми вещами.

В потоке неона на скуластом крепком лице стали видны глубокие морщины и уличная грязь. Водянистые голубые глаза, обведенные фиолетовыми кругами, светились страхом и злобой.

На голове бродяжки была бирюзовая шапочка, найденная днем раньше в опрокинутом мусорном бачке. Гардероб состоял из грязной серой набивной блузки с короткими рукавами и мешковатых коричневых мужских брюк с заплатами на коленях. Она была ширококостной, плотной женщиной, ее живот и бедра выпирали из грубой ткани брюк. Одежда, как и холщовая хозяйственная сумка, попала к ней от доброго служителя Армии спасения. Из-под шапочки на плечи неряшливо падали каштановые с проседью волосы, местами обкромсанные – там, где удалось достать ножницами.

Сумку в неопишемом беспорядке наполняли самые разные предметы: катушка рыболовной лески, проеденный молью ярко-оранжевый свитер, пара ковбойских сапог со сломанными каблуками, ржавый церковный поднос, бумажные стаканчики и пластмассовые тарелки, журнал «Космополитен» годичной давности, обрывок цепочки, несколько пачек «Джуси фрут» и многое другое, о чем владелица уже и позабыла.

Пока напавшие разглядывали ее, один из них – угрожающе, она все крепче сжимала сумку. Левый глаз женщины заплыл, скула была ободрана и вздулась, а ребра болели: три дня назад по милости злобной оборванки в христианском приюте ей пришлось пересчитать ступеньки. Она приземлилась на площадке, поднялась по лестнице и точным свинцовым ударом правой вышибла той тетке пару зубов.

– Ты залезла в мою коробку, – сказал хриплый мужик.

Он был бородат, с мутными глазами, высокий и костлявый, одет лишь в голубые джинсы, грудь блестела от пота. Второй – ниже ростом и тяжелее, в пропотевшей рубашке и зеленых армейских штанах, карманы которых были набиты окурками, – тряс сальными темными волосами и все время чесал в паху.

Тощий пнул ее в бок носком ботинка, и она поморщилась от боли в ребрах.

– Оглохла? Я сказал, ты залезла в мой чертов ящик!

Картонная коробка, в которой она спала, валялась на боку посреди целого острова смердящих мусорных мешков, за две с лишним недели забивших тротуары и стоки Манхэттена, – дворники объявили забастовку. При удушающей жаре – почти сорокаградусной днем и тридцатипятиградусной ночью – пакеты раздувались и лопались. Для крыс наступил праздник: горы мусора лежали неубранными, перекрывая на некоторых улицах движение.

Бездомная невидяще глядела на мужчин – содержимое половины бутылки «Красного кинжала» всасывалось в стенки ее желудка. Последнее, что она ела, были куриные кости и остатки из консервной банки.

– А?

– Моя коробка! – заорал бородатый прямо ей в лицо. – Это мое место. Ты сумасшедшая или как?

– Она безмозглая, – сказал другой, – ненормальная, как черт.

– И страшная, как черт. Эй, что там у тебя в торбе? Дай-ка посмотреть.

Он ухватился за ткань и дернул, но женщина громко заорала и не отпустила торбу, только вытаращила глаза от страха.

– У тебя там деньги? Выпивка? Давай сюда, дура!

Мужик почти вырвал сумку у нее из рук, но бродяжка захныкала и повисла на ней. Красным сверкнуло украшение на ее шее – маленькое дешевое распятие, прикрепленное к ожерелью из полированных камешков.

– Э! – сказал второй. – Смотри-ка! Я ее знаю. Я видел, как она побиралась на Сорок второй улице. Она думает, что с понтом святая, все проповедует. Ее зовут Сестра Жуть.

– Да? А может, мы тогда заложим эту безделушку?

Он потянулся сорвать распятие, но женщина резко отвела голову в сторону. Схватив ее за шею, он зарычал и замахнулся другой рукой, чтобы ударить.

– Пожалуйста! – стала умолять она, готовая заплакать. – Пожалуйста, не бейте меня. У меня для вас кое-что есть! – И стала рыться в сумке.

– Давай сюда и проваливай! Башку бы тебе расшибить за то, что спала в моей коробке.

Он отпустил ее голову, но кулак держал наготове. Несчастная копалась в торбе и непрерывно всхлипывала.

– Тут у меня кое-что есть, – бормотала она, – где-то тут...

– Выкладывай давай, – он подтолкнул ее ладонью, – и тогда, может, я не надеру тебе задницу.

Ее рука нащупала то, что искала.

– Нашла, – сказала она. – Ага, вот оно.

– Ну, давай сюда!

– Хорошо.

Всхлипывания прекратились, и голос ее стал тверд, как металл. Незаметным плавным движением она вытащила бритву, со щелчком раскрыла ее и, взмахнув, полоснула по голой руке бородатого.

Из раны струей брызнула кровь. Лицо мужчины побледнело. Он схватился за запястье, рот его округлился, и раздался вскрик, похожий на подавленный кошачий вой.

Бродяжка тут же вскочила и, держа перед собой холщовую сумку как щит, снова замахнулась лезвием на обоих мужиков, которые повалились друг на друга, поскользнувшись на захлавленной мостовой. Бородатый, по руке которого струилась кровь, поднялся и двинулся на нее, вооружившись деревяшкой с торчащими ржавыми гвоздями. Глаза его сверкали яростью.

– Я тебе покажу! – вопил он. – Я тебе сейчас покажу!

Он кинулся на нее, но она пригнулась и опять ударила его бритвой. Он отпрянул и замер, тупо уставившись на струйку крови, стекавшую по его груди.

Сестра Жуть не медлила: повернулась и побежала. Поскользнулась в гнилой луже, но удержала равновесие. За ее спиной раздавались крики.

– Я тебя поймаю! – угрожал бородатый. – Подожди, я найду тебя! Стой!

Она не стала его ждать и кинулась наутек, шлепая кедами по мостовой. Достигнув барьера из тысяч драных мусорных мешков, она перебралась через него, на ходу подняв и засунув в сумку несколько интересных вещей вроде треснутого шейкера и размокшего экземпляра «Нэшнл джиографик». Уже недостигаемая для преследователей, она все же продолжала идти. Ее дыхание болезненно отдавалось в легких, все тело дрожало.

«Они были близко, – думала она. – Демоны чуть не схватили меня. Но, слава Иисусу, все обошлось, и когда Он прилетит на своей летающей тарелке с планеты Юпитер, я буду там, на золотом берегу, целовать Ему руки».

На углу Тридцать восьмой и Седьмой авеню она остановилась, стараясь отдышаться и глядя, как поток машин проносится мимо, будто охваченное паникой стадо. Желтое марево помойных испарений и автомобильных выхлопов стояло в воздухе, как дымка над заболачивающимся прудом, влажный пар действовал на Сестру Жуть угнетающе. Капли пота проступали на лбу и стекали по щекам, одежда промокла. Бедняжке так не доставало дезодоранта, но остатки «Секрета» закончились. Оглядывая лица незнакомцев, окрашенные сиянием неона в цвет сырого мяса, она не знала, куда идет, и едва ли понимала, где была. Но осознавала, что не может торчать на этом углу до утра, – стоять под открытым небом значило привлекать дьявольские рентгеновские лучи, бьющие по голове с целью выковырять твой мозг. Она пошла на север, в сторону Центрального парка. Голова ее тряслась в такт шагам, плечи понуро опустились.

Ей никак не удавалось успокоиться после стычки с двумя безбожниками, которые хотели ее ограбить.

«Кругом грех! – думала она. – На земле, в воде и в воздухе – мерзкий, черный, злой грех!»

Он читался и на лицах прохожих. О да! Видно было, как грех наползает на них, словно капюшоном закрывая им глаза и заставляя рты хитро кривиться. Этот мир и демоны делают простых людей безумцами, она это знала. Никогда раньше бесы не работали так усердно и не проявляли такую жадность до невинных душ.

В ее памяти всплыло волшебное местечко на пути к Пятой авеню, и глубокие морщины тревоги смягчились. Она часто ходила туда любоваться изящными вещицами в витринах. Они обладали властью успокаивать ее душу. Охрана у двери не позволяла ей войти, но бродяжка довольствовалась тем, что просто стояла снаружи и смотрела. Ей припомнился выставленный там однажды стеклянный ангел – впечатляющая фигура: длинные волосы откинuty назад и подобны блестящему огню, крылья готовы отделиться от сильного стройного тела, а на прекрасном лице сияют многоцветными чудесными огоньками глаза. Целый месяц Сестра Жуть ежедневно ходила созерцать ангела, пока его не заменили стеклянным китом, который выпрыгивал из бурного сине-зеленого моря. Конечно, на Пятой авеню имелись и другие места с сокровищами, и женщина знала их названия: «Сакс», «Фортунофф», «Картье», «Гуччи», «Тиффани». Но ее тянуло к статуэткам в витрине магазина хрусталя Штойбена, к волшебному месту мечтаний, успокаивающих душу, где шелковистое сияние полированного стекла под мягким светом заставляло ее думать, как прекрасно должно быть на небесах.

Что-то вернуло ее к реальности. Она заморгала от яркого, кричащего неона. Надпись рядом гласила: «Девушки! Живые девушки!»

«Как будто мужчинам нужны мертвые девушки», – удивленно подумала она.

Киноафиша зазывала: «Рожденный стоя». Надписи выскакивали из каждого углубления и дверного проема: «Порножурналы!», «Сексуальная помощь!», «Кабина для желающих быстро разбогатеть!», «Оружие боевых искусств!» Из дверей бара доносился грохот басов. Его дополняли другие бессвязные ритмы, извергаясь из громкоговорителей, установленных вдоль

шеренги книжных лавочек, баров, стриптиз-шоу и порнотеатров. В половине двенадцатого ночи Сорок вторая улица около Таймс-сквер представляла парад человеческих страстей.

Юный латиноамериканец, подняв руки, заманивал:

– Кокаин! Опиум! Крэк! Прямо здесь!

Неподалеку конкурирующий продавец наркотиков распахнул пальто, чтобы показать прицепленные к подкладке пластиковые мешочки, и вопил:

– Только вдохните – и полетите! Дышите блаженством – почти задарма!

Другие торговцы кричали вслед автомашинам, которые медленно проезжали вдоль Сорок второй. Девушки в топах, джинсах, брючках в обтяжку или кожаных лосинах стояли у двери каждой книжной лавочки и кинотеатрика и соблазняющими знаками предлагали тем, кто за рулем, сбавить скорость. Некоторые уступали, и Сестра Жуть наблюдала, как юные девчонки уносились в ночь с незнакомцами. Шум почти оглушал. А через улицу на тротуаре перед «пип-шоу» сцепились двое молодых черных парней. Зеваки окружили их кольцом, смеялись и подзадоривали на более серьезную драку. Возбуждающий аромат гашиша плавал в воздухе – фимиам убежища от жизни.

– Кнопочные выкидные ножички! – горланил еще один продавец. – Кому ножички!

Сестра Жуть продолжала идти. Ее взгляд устало скользил с одного на другое. Она знала эту улицу, это пристанище демонов. Много раз она приходила сюда проповедовать. Но ее поучения никогда не имели действия, голос тонул в громе музыки и криках торговцев.

Она споткнулась о тело негра, распростертое на мостовой. Глаза его были открыты, из ноздрей натекала лужица крови.

Ослепленная неоновым светом, Сестра Жуть все шла, натываясь на людей. Ее отталкивали с бранью. Она увещевала:

– Спасайте свои души! Конец близок! Бог милостив!

Но никто, казалось, не замечал ее. Она вклинилась в месиво тел и внезапно лицом к лицу столкнулась со сгорбленным стариком в испачканной на груди рубашке. Он обругал ее, вцепился в сумку, выхватил несколько вещей и убежал прежде, чем она смогла хорошенько треснуть его.

– Чтоб тебе сгореть в аду, сукин сын! – крикнула она.

Но вдруг ее прошила волна ледящего страха, и она вздрогнула.

На миг ей показалось, что на нее летит товарный поезд. Она не увидела, как ее сшибает, просто почувствовала это. Жесткое костлявое плечо швырнуло ее на проезжую часть с такой легкостью, будто ее тело превратилось в соломинку. И в ту же секунду в мозгу возникла яркая картина: гора растерзанных, обугленных кукол. Нет, не кукол – она осознала это, как только ее бросило на мостовую: у кукол не бывает внутренностей, вылезающих сквозь ребра, не бывает мозгов, вытекающих из ушей, не бывает зубов, которые торчат в застывших гримасах. Сестра Жуть зацепилась ногой за каменный бордюр и упала. Такси вильнуло, чтобы не наехать на нее, водитель кричал и давил на гудок. Женщина оказалась цела, только от падения свело судорогой боковой бок. Она с трудом поднялась на ноги, желая узнать, кто же так сильно ударил ее, но никто не обращал на нее никакого внимания. Несчастная застучала зубами от холода, охватившего ее, несмотря на духоту жаркой полночи. Она пощупала рукой плечо, там, куда этот подонок толкнул ее и где, она знала, будет черный синяк.

– Ты, безбожное дерьмо! – завопила она на кого-то неизвестного.

Видение горы тлеющих трупов все качалось перед ее взором, а в живот когтями вцепился страх.

«Так кто же это шел вдоль края тротуара? – недоумевала Сестра Жуть. – Что за чудовище в человеческом обличье?»

Она увидела перед собой постеры боевиков: «Лики смерти, часть четвертая» и «Мондо бизарро». Подойдя ближе, она прочла, что обещала афиша: «Сцены со стола вскрытия! Жертвы автокатастрофы! Смерть в огне! Неурезанные и без цензуры!»

От закрытой двери кинотеатра веяло прохладой. «Входите! – гласила надпись. – У нас кондиционер!» Но это было нечто большее, чем просто терморегулятор. Прохлада была влажная и зловещая, прохлада тени, в которой росли ядовитые мухоморы, их румяные краски зазывали дитя подойти и попробовать сладкое.

Сестра Жуть стояла у самого входа; озноб поубавился, смешиваясь с пахучей жарой. Возлюбленный Иисус был ее призванием, и она знала, что Он защитит ее. Но и за бутылку «Красного кинжала», нет, даже за две полные бутылки она не смогла бы переступить порог этого кинотеатра.

Она попятилась от двери, наткнулась на кого-то, кто обругал и оттолкнул ее, а потом опять пошла, куда – ей было безразлично. Щеки ее горели от стыда. Несмотря на то что милостивый Иисус был на ее стороне, она испугалась, не решилась взглянуть злу в лицо. Она опять согрешила страхом.

Пройдя два квартала, она увидела черного мальчишку, который запихивал пивную бутылку в переполненный мусорный контейнер, стоявший в подворотне какой-то развалюхи. Притворившись, будто что-то ищет в сумке, она потопталась, пока он не прошел мимо, а потом завернула во двор и стала шарить в поисках бутылки. В горле у нее пересохло, и требовался хоть поток, хоть капелька жидкости...

По ее рукам бегали крысы, но она не обращала на них внимания: она видела их каждый день, причем гораздо крупнее. Одна тварь сидела на краю контейнера и свирепо пищала. Сестра Жуть швырнула в нее лежавшей средихлама теннисной туфлей, и крыса пропала.

От мусора несло гнилью, давно протухшим мясом. Наконец женщина откопала пивную бутылку и в тусклом свете с радостью увидела, что на дне еще осталось несколько капель. Она быстро поднесла ее к губам, языком пытаясь ощутить вкус напитка.

Не реагируя на досаждавших крыс, Сестра Жуть прислонилась спиной к шершавой кирпичной стене и оперлась рукой о землю, чтобы усесться поудобнее, но тут же коснулась чего-то мокрого и мягкого. Она посмотрела туда, а когда поняла, что это такое, то прижала ладонь ко рту, чтобы заглушить вскрик.

Оно было завернуто в несколько газетных листов, но крысы прогрызли их и занялись плотью. Женщина не могла сказать, какого оно возраста и было ли оно девочкой или мальчиком, но глаза на крошечном лице были полуоткрыты, как будто дитя сладко дремало. Оно было голенькое, кто-то подбросил его в скопление мусорных баков, мешков и гниющих на жаре отбросов, словно сломанную игрушку.

– Ох! – прошептала она и подумала о промытом дождем шоссе и небесном свете.

Далекий мужской голос произнес:

– Дайте ее мне, леди. Вы должны дать ее мне.

Сестра Жуть подняла мертвого младенца и стала укачивать его. Издалека доносились грохот бессмысленной музыки и крики продавцов с Сорок второй улицы, а женщина приглушенно напевала колыбельную:

– Баю-баю, баю-бай, детка-крошка, засыпай...

Она никак не могла вспомнить продолжение.

Голубой небесный свет и мужской голос наплывали сквозь время и расстояние:

– Дайте ее мне, леди. «Скорая помощь» сейчас прибудет.

– Нет, – прошептала Сестра Жуть.

Ее невидящие глаза были широко раскрыты, по щекам текли слезы.

– Нет, я не дам... ее...

Она прижала младенца к плечу, и крошечная головка поникла. Тельце было холодным. Вокруг в ярости визжали и прыгали крысы.

– О боже! – услышала она себя.

Потом подняла голову к полоске неба и почувствовала, как лицо исказила злоба, переполнив ее так, что она закричала:

– Где же Ты?

Голос эхом отозвался по всей улице и потонул в веселой суете в двух кварталах отсюда.

«Милостивый Иисус опоздал, – подумала она. – Он опоздал, опоздал, опоздал на очень важное свидание, свидание, свидание!»

Она истерически хихикала и рыдала, пока из ее горла не вырвался звук, похожий на стон раненого животного.

Прошло много времени, прежде чем Сестра Жуть поняла, что должна двигаться дальше и что не может взять дитя с собой. Она заботливо укутала его в оранжевый свитер из своей сумки, а затем опустила на дно одного из помойных баков и, как могла, завалила сверху мусором. Большая серая крыса приблизилась к ней вплотную, осердив зубы, и женщина изо всей силы ударила ее пустой бутылкой из-под пива.

Не найдя сил встать на ноги, она выползла за ворота, понунив голову. Горючие слезы позора, отвращения и ярости текли по лицу.

«Я не могу так больше, – сказала она себе. – Я не могу больше жить в этом темном, мрачном мире! Дорогой, любимый Иисус, спустись на своей летающей тарелке и забери меня отсюда!»

Она уткнулась лбом в тротуар. Ей хотелось умереть и попасть на небеса, где все грехи будут начисто смыты.

Что-то музыкально звякнуло рядом о тротуар. Она подняла помутневшие, распухшие от слез глаза, но увидела лишь, как от нее кто-то удаляется. Фигура завернула за угол и исчезла.

Сестра Жуть заметила несколько монет, лежавших на мостовой поблизости от нее: три четвертака, два десятицентовика и цент. Кто-то решил, что она побирается, поняла она; ее рука метнулась вперед, чтобы подобрать мелочь, пока это не сделал другой.

Она старалась придумать, что же дальше делать. Чувствовала себя больной, слабой и усталой, но боялась спать на улице.

«Нужно найти, куда спрятаться, – решила она. – Отыскать нору и укрыться в ней».

Ее взгляд остановился на подземном переходе через Сорок вторую улицу, являвшемся одновременно спуском в метро.

Она и раньше спала в подземке и не сомневалась, что полицейские выгонят ее со станции или, еще хуже, опять упекут в кутузку. Но она знала и то, что в метрополитене есть уйма вспомогательных туннелей и незавершенных переходов, которые ответвлены от главных маршрутов и ведут глубоко под Манхэттен – так глубоко, что ни один демон в человеческом облике не найдет ее. Там можно свернуться в темноте клубочком и забыться. В руке она сжимала деньги: этого будет достаточно, чтобы пройти через турникет, а потом она сможет оторваться от грешного мира, которого избегает любимый Иисус.

Сестра Жуть встала, добралась до перехода через Сорок вторую улицу и спустилась в подземный мир.

Глава 3

Черный Франкенштейн

22:22 (центральное летнее время)

Конкордия, штат Канзас

– Убей его, Джонни!

– Разорви его на куски!

– Вырви ему руку и забей ею до смерти!

Стропила прокуренного гимнастического зала Конкордской старшей школы звенели от криков четырехсот с лишним человек, а в центре двое – один белый, другой черный – вели схватку на ринге. В этот момент белый борец, местный парень по имени Джонни Ли Ричвайн, швырнул на канаты гиганта, известного как Черный Франкенштейн, и молотил его ударами дзюдо, а толпа криками требовала крови. Но Черный Франкенштейн, ростом шесть футов четыре дюйма, весом больше трехсот фунтов, носивший резиновую маску, покрытую красными кожаными «шрамами» и резиновыми «шишками», выставил вперед гороподобную грудь, издал громовой рев и перехватил в воздухе руку Джонни Ли Ричвайна, потом выкрутил ее, и парень упал на колени. Черный Франкенштейн зарычал, ударил его ботинком пятидесятого размера в висок и кинул плашмя на пол.

Судья без толку крутился рядом, а когда предупреждающе поднес палец к лицу темнокожего борца, то чудовище отшвырнуло его с легкостью, с какой щелчком сбивают кузнечика. Черный Франкенштейн встал над поверженным соперником и дубасил его по груди и голове, обходя кругом, как маньяк, в то время как толпа ревела от ярости. На ринг полетели смятые стаканчики от напитков и пакеты из-под попкорна.

– Вы, безмозглые ослы! – орал монстр. Его громовой бас перекрывал шум толпы. – Смотрите, что я делаю с вашим фермером!

Он бодро молотил по ребрам Джонни Ли Ричвайна. Юноша скорчился, на лице отразилась сильнейшая боль. Рефери пытался растащить дерущихся. Одним махом Черный Франкенштейн забросил его в угол, где тот осел на колени. Толпа вскочила в едином порыве, швыряя пластиковую посуду и мороженое, а местные полицейские, согласившиеся подежурить на борцовской арене, нервно переминались около ринга.

– Хотите увидеть кровь канзасской деревенщины? – гремел Черный Франкенштейн, заноса ботинок, чтобы сокрушить череп соперника.

Но Джонни цеплялся за жизнь. Он ухватился за лодыжку чудовища и лишил его равновесия, потом выбил из-под него другую ногу. Размахивая толстыми руками, Черный Франкенштейн рухнул на мат с такой силой, что пол в зале задрожал и от дружного рева толпы чуть не обрушилась крыша.

Темнокожий громила съезился на коленях, заломив руки и взывая к жалости: парень взял над ним верх. Джонни повернулся помочь судье, но, пока зрители орали от восторга, Черный Франкенштейн подпрыгнул и кинулся на противника сзади, сцепив громадные ручищи, чтобы нанести оглушающий удар.

Испуганные возгласы болельщиков заставили Джонни Ли Ричвайна увернуться в последнее мгновение, и он ударил чудовище в пласт жира на животе. Воздух, вырвавшийся из легких Черного Франкенштейна, прозвучал как гудок парохода. Шатаясь на нетвердых ногах в середине ринга, гигант пытался избежать своей участи.

Джонни Ли Ричвайн поймал его, пригнул и поднял на «мельницу». Зрители на мгновение замерли, пока эта махина отрывалась от мата, потом заорали, когда Джонни начал крутить монстра в воздухе. Черный Франкенштейн вопил, как отшлепанный ребенок.

Раздался щелчок, похожий на ружейный выстрел. Джонни Ли Ричвайн вскрикнул и стал валиться на мат. Ноги его подкосились, и человек по прозвищу Черный Франкенштейн уловил момент, чтобы соскочить с плеч молодого соперника. Он слишком хорошо знал звук ломающейся кости. И он был против того, чтобы парень крутил его, как лопасти мельницы, но Джонни хотел потрясти своих болельщиков. Черный Франкенштейн упал на бок, а когда сел, то увидел, что молодой местный борец лежит в нескольких футах от него, сжимая колено, и стонет, на этот раз от неподдельной боли.

Судья стоял, не зная, что делать. Распростертым полагалось лежать Черному Франкенштейну, а Джонни Ли Ричвайну следовало выиграть главную схватку. Именно так значилось в сценарии, и до сих пор все шло прекрасно.

Черный гигант поднялся. Он знал, что парень испытывает сильную боль, но должен был выдерживать образ. Подняв руки над головой, он прошел через ринг под прицельным градом стаканчиков и пакетов из-под попкорна, а когда приблизился к ошеломленному рефери, сказал тихим голосом, совсем не похожим на его злодейское пустозвонство:

– Дисквалифицируйте меня и отправьте парня к врачу.

– А?

– Сделайте это немедленно.

Судья, местный житель, владелец скобяной лавки в соседнем Бельвилле, наконец показал руками крест-накрест, что означало дисквалификацию Черного Франкенштейна.

Громадный борец прыжками показательной ярости с минуту демонстрировал свое недовольство, а публика освистывала и поносила его. Потом он быстро вышел с ринга и под эскортом взвода полицейских отправился в раздевалку. На этом длинном пути спортсмену пришлось выдержать летевшие ему в лицо попкорн и мороженое, а также плевы и непристойные жесты от детей и взрослых. Особенно он боялся старых благообразных леди, потому что год назад в Уэйкроссе, штат Джорджия, одна из таких напала на него со шляпной булавкой, к тому же попыталась пнуть его в пах.

В раздевалке, которой служили скамейка и шкафчик в комнате футбольной команды, он постарался, насколько возможно, расслабить мышцы. Некоторые растяжения и ушибы уже стали хроническими, плечи свело, они казались кусками окаменевшего дерева. Он расшнуровал кожаную маску и стал разглядывать свое отражение в маленьком треснувшем зеркальце, висевшем в шкафу.

Едва ли его можно было назвать симпатичным. Голова обрита наголо, чтобы лучше надевалась маска, лицо в шрамах – следах множества схваток на ринге. Он точно помнил, откуда у него появился каждый шрам: нерассчитанный удар в Бирмингеме, слишком энергичный бросок стула в Уинстон-Сейлеме, столкновение с углом ринга в Су-Фолсе, встреча с цементным полом в Сан-Антонио. Ошибки в согласованности действий в профессиональной борьбе приводят к реальным травмам. Джонни Ли Ричвайн не смог сохранить равновесие, необходимое, чтобы выдержать большую тяжесть, и расплатился за это ногой. Черному Франкенштейну было жаль парня, но поделаться он ничего не мог. Представление должно продолжаться.

Ему было тридцать пять лет. Последние десять из них он провел на борцовском ринге, колеся по шоссе и сельским дорогам между городскими спорткомплексами, университетскими залами и сельскими ярмарками. В Кентукки его знали как Молнию Джонса, в Иллинойсе – как Кирпича Перкинса, и в дюжине других штатов – под подобными же устрашающими кличками. По-настоящему его звали Джошуа Хатчинс, и в этот вечер он оказался далеко от своего дома в Мобиле, штат Алабама.

Широкий нос Хатчинсу ломали трижды, и это было заметно. Последний раз Джош даже не стал пытаться исправлять его. Под густыми черными бровями сидели глубоко запрятанные светло-серые глаза. Вокруг ямочки на подбородке, как перевернутый вопросительный знак, загнулся еще один маленький шрам, а резкие черты лица и морщины делали Хатчинса похожим на африканского короля, перенесшего многие сражения. Он был настолько огромен, что казался чудом. Когда он шел по улице, на него глазели любопытные. Бугры мышц округляли его руки, плечи и ноги, но живот был вялым и слегка висел – результат слишком большого количества глазированных пончиков, съеденных в одиночных номерах мотелей. Однако, даже нагуляв лишний жир, Джошуа Хатчинс, похожий на раздутый резиновый баллон, двигался с силой и изяществом, создавая впечатление туго скрученной пружины, готовой мгновенно распрямиться. Это все, что осталось от той взрывной энергии, которая бурлила в нем, когда он играл полузащитником у «Нью-Орлеан сэйнтс».

Джош принял душ и смыл пот. Завтра вечером ему предстояло бороться в Гарден-Сити, на другом конце штата Канзас, куда придется добираться пыльной дорогой. И жаркой, потому

что несколько дней назад в машине сломался кондиционер, а он не мог себе позволить его отремонтировать. Деньги он получит лишь в конце недели в Канзас-Сити, где должен участвовать в борьбе против семи произвольных соперников.

Хатчинс вышел из душа, вытерся и оделся. Когда он уже собирался уходить, в раздевалку заглянул организатор матча и сказал, что Джонни Ли Ричвайна увезли в больницу и с ним все будет в порядке, но Джошу нужно быть поосторожнее на выходе из гимнастического зала – местные могут устроить потасовку. Джош спокойно поблагодарил его, затянул молнию на сумке и попрощался.

Его побитый серый «понтиак», купленный шесть лет назад, был припаркован на стоянке круглосуточного супермаркета «Продуктовый гигант». По опыту, стоившему ему множества проколотых шин, Хатчинс знал, что нельзя оставлять автомобиль близко к спортивному клубу. Он вошел в торговый зал и через несколько минут вернулся с упаковкой глазированных пончиков, несколькими пирожными и пакетом молока. Сев в машину, он взял курс на юг по восьмидесятой первой дороге к мотелю «Отдохни».

Арендованная комната выходила окнами на шоссе, и грохот проезжающих грузовиков напоминал в темноте рычание зверей. Джош включил телешоу «Сегодня вечером» и намазал плечи разогревающим кремом «Бенгей».

Он давно уже не тренировался в спортзале, хотя не переставал твердить себе, что снова собирается начать ежеутренний бег трусцой. Пресс у Джоша был слабоват. Борец знал, что его можно здорово отделать, если бить по животу и не затягивать удары. Но он решил, что займется этим завтра – всегда есть в запасе завтра, – надел ярко-красную пижаму и лег на кровать, чтобы поужинать и поглядеть телек.

Великан уже расправился с половиной пончиков, когда праздную болтовню прервал выпуск новостей Эн-би-си. На фоне Белого дома появился мрачный диктор и начал говорить о «встрече первостепенной важности», которую президент провел с министром обороны, председателем Комитета начальников штабов, вице-президентом и рядом советников, и о том, что встреча касалась САК и НОРАД, и близкие к правительственным кругам источники подтвердили эти сведения.

«Американские базы ВВС, – серьезно сказал диктор, – могут перейти в состояние повышенной боевой готовности. По мере поступления новостей будут сделаны дополнительные сообщения».

– Не взрывайте мир хотя бы до воскресенья, – пробурчал Джош, прожевывая пончик. – Сначала дайте мне получить чек.

Каждый вечер информационные выпуски полнились фактами или слухами о войне. Джош регулярно смотрел новости и читал газеты, где бы они ему ни попадались, и понимал, что государства стали страшно самолюбивы, до паранойи, но не мог вникнуть, почему трезво-мыслящие лидеры не поднимут телефонные трубки и не поговорят друг с другом. Что в этом трудного?

Джош верил, что политика подобна профессиональной борьбе: сверхдержавы натянули маски и грузно ступают, извергая угрозы и неистово замахиваясь друг на друга, но все это лишь игра, надувательство с серьезным видом. Он не мог вообразить, во что превратится мир после того, как упадут ядерные бомбы, но достаточно хорошо знал, что в пепле ему не найти пончиков с глазурью. Тогда ему точно их не видать, и он станет скучать по любимому лакомству.

Он принялся за пирожные. Взгляд его упал на телефон возле кровати, и он подумал о Розе и мальчиках. Жена развелась с ним, когда он покинул профессиональный футбол и стал борцом, под ее опекой находились двое их сыновей. Они все еще жили в Мобиле, Джош навещал их всегда, когда бег по кругу приводил его туда. У Розы имелась хорошая работа секретаря юриста, а в последнюю их встречу она сказала, что помолвлена с чернокожим адвокатом и свадьба в конце августа. Джош редко видел сыновей и очень скучал по ним. Иногда в толпе

вокруг арены он мельком замечал похожие лица, но эти парни всегда орали и глумились над ним. Не стоит слишком много думать о тех, кого любишь, нет смысла лелеять обиды. Он желал Розы добра и иногда испытывал желание позвонить ей, но боялся, что ответит мужчина.

«Ну что ж, – подумал он, надкусывая еще одно пирожное и стараясь поскорее добраться до крема, – мне не судьба быть семейным человеком, как ни крути. Нет, сэр! Я слишком люблю свободу и, клянусь Богом, имею то, чего хочу!»

Он устал. Тело его болело, а завтра будет долгий день. Может, стоит перед отъездом зайти в больницу и узнать насчет Джонни Ли Ричвайна? Сегодняшний бой добавит парню ума.

Джош оставил телевизор включенным – ему нравились звуки человеческих голосов – и расслабился. Пакет пирожных мерно вздымался на его животе.

«Завтра большой день, – думал борец сквозь полудрему. – Нужно быть снова здоровым и сильным».

Потом он уснул, и в его сне продолжала бушевать враждебно настроенная толпа.

Затем пришло умиротворение. Министр выступал за то, чтобы перековать мечи на орала. Звездно-полосатый флаг трепетал над величественными, покрытыми снегом горами, необъятными просторами волнующихся полей пшеницы и кукурузы, текущими реками, зелеными лесами и огромными городами. В завершение было дано изображение американского флага, развернутого и неподвижного, на штоке, погруженном в поверхность Луны.

Картинка замерла, продержалась несколько секунд, а потом на экране замелькал серый «снег»: местная телестанция закончила передачу.

Глава 4

Дитя-привидение

23:48 (центральное летнее время)

Близ Уичито, штат Канзас

Они опять скандалили.

Маленькая девочка зажмурилась и накрыла голову подушкой, но голоса все равно проникали в уши, приглушенные и искаженные, почти нечеловеческие.

– Меня все это достало, женщина! Отвяжись от меня!

– А что прикажешь? Улыбаться, когда ты напиваешься и проигрываешь деньги, которые заработала я? Нужно оплатить прокат этого паршивого трейлера и купить еды, а ты – клянусь Богом, – ты идешь и выбрасываешь деньги, просто выбрасываешь...

– Отстань от меня, я сказал! Посмотри на себя! Выглядишь хуже старой потаскушки! Мне до смерти надоело, что ты вечно торчишь тут и кормишь меня все время каким-то дерьмом!

– А что мне делать? Может, сложить вещички и свалить отсюда подальше?

– Давай! Убирайся и прихвати с собой девчонку, это привидение!

– И уберусь! Думаешь, нет?!

Ругань продолжалась, голоса становились все громче и пакостнее. Девочке следовало бы выйти на воздух, но она, не открывая плотно зажмуренных глаз, погрузилась в мысли о своем садике – он располагался снаружи, прямо перед ее крошечной спальней. Люди отовсюду приходили к стоянке трейлера, чтобы посмотреть на ее палисадник и похвалить, как хорошо растут цветы. Миссис Игер, соседка, говорила, что фиалки прекрасны и она никогда не думала, что они могут цвести так поздно и в такую жару. Нарциссы, львиный зев, колокольчики тоже выросли крепкими, но в какой-то момент девочке показалось, что они гибнут. Она поливала их и рыхлила землю пальцами, сидела посреди садика на утреннем солнце и голубыми, как яйца малиновки, глазами любовалась растениями. Наконец всякие признаки увядания исчезли. Сейчас цветник представлял собой яркую картину, и даже трава вокруг трейлера стала роскошная, темно-зеленая. У миссис Игер газон уже побурел, хотя она почти ежедневно поливала

его из шланга. Девочка давным-давно слышала, что трава со временем жухнет, но не хотела говорить об этом соседке, чтобы не огорчать ее. Может быть, зелень еще поднимется, когда пойдет дождь.

Горшки с растениями в изобилии заполняли спальню, размещались на полках и вокруг кровати. В комнате держался здоровый, пьянящий аромат жизни, и даже маленький кактус в красном керамическом горшочке выпустил белый цветок. Девочка привыкла думать о садике, когда Томми и ее мать ругались. Она мысленно видела каждый бутон и лепесток, представляла их запах, ощущала мягкость земли между пальцами, и это помогало ей отключиться от голосов.

– Убери руки! – кричала ее мать. – Скотина, попробуй только еще раз ударить меня!

– Да я выдерну тебе ноги, если захочу!

Последовали звуки борьбы, ругань и, наконец, шлепок пощечины. Девочка вздрогнула, слезы потекли по ее сомкнутым белесым ресницам.

«Перестаньте драться! – с бешено колотящимся сердцем думала она. – Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, прекратите драться!»

– Уйди от меня!

Что-то ударилось о стену и разбилось. Девочка зажала уши ладонями и, съежившись, замерла в кровати, готовая закричать.

Показался свет. Мягкий свет, мерцающий через веки. Она открыла глаза и села.

На оконной шторке напротив бился пульсирующий поток, слабое желтое мерцание, похожее на тысячу маленьких свечек на именинном пироге. Свет двигался, как вихрь по раскаленной пустыне, и ребенок зачарованно уставился на него. Звуки ссоры стали затихать и совсем пропали. Свет отражался в широко раскрытых глазах девочки, скользил по ее лицу, очертаниями напоминавшему сердечко, танцевал на белокурых волосах до плеч. Вся комната наполнилась праздничной иллюминацией поблескивающих существ.

«Светлячки», – догадалась девочка.

Сотни светлячков, осевших на занавеске. Она и раньше видела их на окне, но их никогда не было так много и никогда они не сияли одновременно. Они мерцали, как звездочки, стараясь прожечь себе путь через тонкую ткань. И пока девочка смотрела на них, она не слышала ужасных голосов матери и «дяди» Томми. Жучки-фонарики завладели всем ее вниманием без остатка, их вспышки заворожили ее.

Светящийся контур изменился, мерцание приняло другой, ускоренный ритм. Девочка вспомнила зеркальный зал на ярмарке, ослепительные отражения огней в амальгаме. Сейчас она чувствовала себя словно стоящей в свете тысячи ламп, а когда ритм еще ускорился, огни, казалось, помчались вокруг нее с головокружительной быстротой.

«Они разговаривают, – подумала она. – Разговаривают на своем языке. Разговаривают о чем-то очень, очень важном...»

– Сван! Ласточка! Проснись!

«...разговаривают о чем-то, что должно случиться...»

– Ты слышишь меня?

«...что-то плохое должно случиться... очень скоро...»

– Сван!

Кто-то тряс ее. Несколько секунд девочка еще пребывала в зеркальном зале, в слепящих вспышках огоньков. Потом вспомнила, где она, и увидела, как светлячки покидают занавеску, поднимаясь в ночь.

– Проклятые мошки облепили все окно, – услышала она голос Томми.

Сван с усилием отвела от них взгляд, так что заломило шею. Над ней стояла мать. В свете, падавшем из открытой двери, Сван увидела багровый синяк, вздувшийся на правом глазу матери. Женщина была худа и всклокочена, среди ее спутанных белокурых волос проступали темные корни. Она бросала взгляды то на дочь, то на улетающих с занавески мошек.

– Что с тобой?

– Не видишь, балдеет, – сказал Томми, заслоняя дверной проем широкими плечами.

Он был грузен и неухожен, с толстыми щеками и мясистым лицом. На нем были красная кепка, футболка и комбинезон. Редкая темная борода закрывала угловатый подбородок.

– Совсем шизанутая девчонка. – Он грубо выругался и отхлебнул из бутылки.

– Мама?

Ребенок все еще грезил, перед глазами мерцали огоньки.

– Ласточка, я хочу, чтобы ты встала и оделась. Мы уезжаем из этого чертова хламовника. Сейчас же. Ты слышишь?

– Да, мама.

– Никуда вы не поедете, – ухмыльнулся Томми. – Куда вам податься?

– Чем дальше, тем лучше! Дура я была, что переехала сюда, к тебе! Ну, вставай же, ласточка. Одевайся. Мы должны уйти отсюда как можно скорее.

– Обратно к Риду Доусону намылилась? Давай-давай! Это же он вышвырнул тебя, когда я вас подобрал? Ну валяй, сходи к нему, чтобы он пнул тебя еще раз!

Мать обернулась к нему и холодно произнесла:

– Уйди с моего пути, не то – Боже, помоги мне! – я тебя убью!

Глаза Томми опасно сузились. Он еще раз глотнул пива, облизнул губы и вдруг расхохотался:

– Ну как же! – Он отступил и резко взмахнул рукой. – Проваливай! Корчишь из себя чертову королеву? Катись!

Женщина посмотрела на девочку взглядом, призывающим поспешить, и вышла из спальни.

Сван вскочила с кровати. Путаясь в чересчур длинной и просторной ночной рубашке, она поспешила к окну и высунулась наружу. В окнах трейлера миссис Игер горел свет, и девочка решила, что они, наверное, разбудили ее. Сван взглянула вверх и замерла с открытым от восхищения ртом.

Небо заполняли волны движущихся мерцающих звезд. Круги света прокатывались над трейлером сквозь тьму, и желтые вспышки зигзагами устремлялись вверх, к сиянию вокруг луны. Тысячи тысяч светлячков пролетали в вышине, похожие на движущиеся галактики, их дрожащие огоньки образовывали световые цепочки, растянувшиеся с запада на восток, насколько хватало глаз. Где-то в поселке завывала собака, за ней другая, третья, а там и все прочие, обитающие через пятнадцатое шоссе. В трейлерах зажигался свет, люди выходили наружу узнать, что случилось.

– Боже всемогущий, что за шум!

Томми все еще стоял в дверях. Он заорал:

– Да заткнитесь же!

И одним резким глотком опорожнил пивную бутылку. Затем уставился на Сван злобным взглядом помутневших глаз.

– Я рад отделаться от тебя, детка! Поглядите на эту чертову комнатку, на эти цветочки и все это дерьмо! Боже! Это трейлер, а не сад!

Он пнул горшок с геранью. Сван вздрогнула, но не двинулась с места, а, вздернув подбородок, ждала, чтобы он ушел.

– Хочешь кое-что узнать про свою мамочку? – ехидно спросил он. – Хочешь узнать про бар, где она танцевала на столах и давала мужчинам трогать себя за сиськи?

– Молчи, скотина! – закричала женщина.

Томми, вовремя обернувшись, успел перехватить ее руку и отшвырнул прочь.

– Да езжай, Дарлин! Покажи своей девчонке, из чего ты сделана! Расскажи ей про мужчин, через которых ты прошла, и – о да! – расскажи ей про папочку! Расскажи, как ты была под таким кайфом от ЛСД, или сернила, или бог знает чего еще, что даже не запомнила его имя!

Лицо Дарлин Прескотт искажилось от ярости. Когда-то она была хорошенькой, сильные скулы и темно-голубые глаза бросали сексуальный вызов не одному мужчине, но сейчас лицо ее выглядело потасканным и унылым, на лбу и в уголках губ залегли глубокие морщины. Ей было всего лишь тридцать два, но в облегающих джинсах и желтой ковбойке с блестками на плечах она выглядела на все сорок. Она отвернулась от Томми и прошла в «главную спальню» трейлера, стуча по полу ковбойскими сапожками из кожи ящерицы.

– Эй, – сказал Томми, хихикая, – не сбежишь же ты в самом деле!

Сван стала вынимать одежду из ящиков шкафа, но мать вернулась с чемоданом, набитым безвкусно-пестрыми тряпками и обувью, и запихнула в него столько вещей Сван, сколько влезло.

– Мы едем сейчас же, – сказала она дочери. – Пошли.

Девочка задержалась, оглядывая свое зеленое богатство.

«Нет! – подумала она. – Я не могу бросить мои цветы! И мой сад! Кто польет мой сад?»

Дарлин навалилась на крышку чемодана и защелкнула его. Потом взяла Сван за руку и повернулась, чтобы уйти. Девочка успела только схватить куклу, лохматого Коржика, и мать выволокла ее из комнатки.

Томми шел за ними с очередной бутылкой пива в руке.

– А, все же едете! Завтра вечером ты вернешься, Дарлин! Вот увидишь!

– Жди, как же! – ответила она и толкнула дверь.

Снаружи, в душной ночи, со всех сторон наплывал собачий вой. Полосатые знамена света пробегали по небу. Дарлин взглянула на них, но это не задержало ее на пути к ярко-красному «камаро», припаркованному на дороге позади грузового пикапа Томми. Она швырнула чемодан на заднее сиденье и села за руль. Сван, все еще в ночной рубашке, заняла пассажирское место.

– Мерзавец! – выдохнула Дарлин, пока возилась с ключами. – Ноги моей здесь не будет!

– Эй! А ну погляди! – закричал Томми.

Сван обернулась.

Она с ужасом увидела, что он приплясывает в ее садике, острыми носками ботинок разбрасывая землю, топча каблуками цветы. Она прижала руки к ушам, потому что слышала предсмертные стоны растений, похожие на звук, с которым рвутся чересчур туго натянутые струны гитары. Томми ухмылялся и дурашливо подпрыгивал, потом сорвал с головы кепку и подбросил ее в воздух. Ярость внутри Сван раскалилась добела, и она пожелала, чтобы дядя Томми умер в наказание за то, что уничтожил ее садик. Но потом вспышка гнева прошла, осталась только резь в животе. Девочка ясно увидела Томми таким, каким он был: жирный лысеющий дурак. Все его богатство составляли разбитый трейлер и тягач. Здесь он состарится и помрет и не позволит себе никого полюбить – потому что, как и ее мать, боится слишком близко сходиться с людьми. Все это она увидела и осознала за секунду. Она поняла, что, с каким бы наслаждением он ни уничтожал ее садик, закончится все как всегда: он будет на коленках мучиться в ванной над унитазом, а когда его стошнит, он уснет одиноким и проснется одиноким. А она всегда сможет вырастить еще один садик, и вырастит его – там, куда они приедут в этот раз, где бы это ни было.

– Дядя Томми?

Он перестал паясничать и скривился от злобы.

– Я прощаю тебя, – мягко сказала Сван.

Мужчина уставился на нее, как будто она ударила его по лицу.

Дарлин Прескотт закричала:

– Да пропади ты, скотина!

И мотор «камаро» загрохотал, как артиллерийское орудие.

Дарлин вдавила ногой акселератор, оставляя тридцатифутовые следы стертой резины, пока колеса не подхватили обороты мотора, и со скоростью ракеты навсегда покинула трейлерный поселок на пятнадцатом шоссе.

– Куда мы едем? – когда прекратился визг шин, спросила Сван, крепко прижимая Коржика к себе.

– Думаю, найдем какой-нибудь мотель и переночуем там. А утром съезжу в бар и попытаюсь выжать сколько-нибудь денег из Фрэнки. – Мать пожала плечами. – Может, он даст мне полсотни долларов. Может быть.

– Ты собираешься вернуться к дяде Томми?

– Нет, – твердо сказала Дарлин. – С ним покончено. Самый ничтожный человек, какого я когда-либо знала. Клянусь Богом, не понимаю, что я когда-то в нем нашла?

Сван вспомнила: мать говорила то же самое про дядю Рика и дядю Алекса. Она задумалась, пытаясь решить, спросить или нет, а потом сделала глубокий вдох и произнесла:

– А это правда, мама? Что Томми сказал, будто на самом деле ты не знаешь, кто мой отец?

– Не повторяй глупости, – раздраженно ответила Дарлин, сосредоточенно глядя на длинную ленту дороги. – Выбрось эту чушь из головы, юная леди! Я тебе сто раз говорила: твой отец – рок-звезда. У него светлые кудри и голубые, как у тебя, глаза. Голубые глаза ангела, сброшенного на землю. А может ли он играть на гитаре и петь? Может ли птица летать? Бог мой, да! Я не один раз говорила тебе, что, как только он разведется с женой, мы станем вместе жить в Голливуде. Разве это пустяки? Ты и я – в том клубе на бульваре Сансет?

– Да, мам, – равнодушно ответила Сван.

Девочка уже слышала эту историю. Все, чего ей хотелось, – жить на одном месте дольше четырех-пяти месяцев, чтобы можно было завести друзей, не боясь их потерять, и ходить весь год в одну школу. Поскольку друзей у нее не было, энергию и внимание она перенесла на цветы и растения и часами занималась созданием садиков на грубой почве трейлерных стоянок, наемного жилья и дешевых мотелей.

– Давай найдем какую-нибудь музыку, – предложила Дарлин.

Она включила радио, и из динамиков понесся рок-н-ролл. Звуки были такие громкие, что Дарлин не пришлось терзаться из-за лжи, которую она не впервые преподносила дочери. На самом деле она знала только, что отец Сван был высоким симпатичным блондином, у которого посреди акта порвалась резинка. В то время это не имело никакого значения: вечеринка шла вовсю, и в соседней комнате все стояли на ушах, а Дарлин и ее красавчик торчали на смеси ЛСД, «ангельской пыли» и «колес». Это случилось девять лет назад, когда она жила в Лас-Вегасе и работала с карточными шулерами. С тех пор они со Сван кочевали по всему Западу. Дарлин сопровождала мужчин, которые обещали радость хоть на время, или, когда удавалось найти место, нанималась танцовщицей в барах.

Теперь, однако, она не знала, куда ехать. Томми ей надоел, но внушал страх. Он был слишком дурной, слишком подлый. Вполне вероятно, он мог найти их через день-другой, если не убраться подальше. Фрэнки из салуна «Жаркий полдень», где она танцевала, мог дать ей небольшой аванс под следующий чек, но что потом?

«Домой», – подумала она.

Домом была маленькая точка на карте под названием Блейкмен на севере Роулинса в северо-западной части штата Канзас. Дарлин сбежала оттуда, когда ей было шестнадцать, после того как ее мать умерла от рака, а отец помешался на религии. Она думала, что старик ее ненавидит, и поэтому удрала. Интересно, на что теперь похож дом? Она представила, как у отца отвалится челюсть, когда он узнает, что у него есть внучка.

«К черту, нет! Я не могу вернуться туда».

Но она уже рассчитала маршрут, которым следовало ехать, реши она попасть в Блейкмен: на север по сто тридцать пятому до Салины, на запад, через бескрайние кукурузные и пшеничные поля, по семидесятой федеральной и опять на север по прямой как стрела проселочной дороге. Деньги на бензин она может взять у Фрэнки.

– Ты бы хотела отправиться с утра в путешествие? – спросила Дарлин.

– Куда? – Сван крепче прижала к себе Коржика.

– А куда-нибудь. Есть такой маленький городок под названием Блейкмен. Не слишком далеко, как мне показалось в последний раз. Может, нам удастся съездить туда и отдохнуть несколько дней. Давай подумаем вместе.

Девочка пожала плечами:

– Наверное. – Ей было все равно, куда ехать.

Дарлин приглушила радио и одной рукой обняла дочь. Поглядев вверх, она решила, что увидела на небе мерцание, но оно пропало. Она сжала плечо Сван.

– Мы одни против всего мира, – сказала она. – Ты и я. И знаешь что? Будет и на нашей улице праздник – если не складывать лапки.

Сван посмотрела на мать, и ей очень захотелось поверить.

«Камаро» продолжал двигаться в ночь по прямому шоссе, а в небесах под облаками, в сотнях футов над головами странников, соединялись живые цепочки светящихся фонариков.

Глава 5

Рыцарь короля

23:50 (горное летнее время)

Гора Голубой Купол, штат Айдахо

В шестидесяти милях к северо-западу от водопада Айдахо, на высоте одиннадцать тысяч футов над уровнем моря «форд-роумер», выкрашенный в серый металлик, взбирался по узкой извилистой дороге к вершине горы Голубой Купол. По обеим сторонам трассы к суровым скалам льнули густые сосновые леса. Фары высверливали дыры в спустившемся тумане, огоньки панели управления освещали зеленым светом усталое лицо человека средних лет, сидевшего за рулем. Рядом с ним на откинутом кресле спала его жена с картой Айдахо, развернутой на коленях.

На следующем длинном повороте свет фар уперся в придорожный щит. Люминесцентная оранжевая надпись гласила: «Частная собственность. Нарушитель будет застрелен».

Фил Кронингер сбавил скорость, но, будучи обладателем пластиковой карточки, запаянной в бумажник, не остановился и поехал вперед по горной местности.

– Они правда сделают это, папа? – пронзительным голосом спросил с заднего сиденья его сын.

– Сделают что?

– Застрелят нарушителя границы.

– А как же! Кто не здешний, тому тут шастать нечего.

Он посмотрел в зеркало заднего вида и поймал освещенное зеленым светом лицо сына, качавшееся, как маска на Хеллоуин. Отец и сын очень походили друг на друга. Оба худые и костлявые, оба в очках с толстыми линзами, у обоих тонкие прямые волосы. В заметно поредевших локонах Филя просвечивала седина, а темно-каштановые волосы его тринадцатилетнего сына были подстрижены прямой челкой, чтобы скрыть высокий лоб. Лицо мальчика состояло из острых углов, как у матери. Его нос, подбородок и скулы, казалось, могут прорезать бледную кожу, словно под лицом пряталось второе, готовое вот-вот показаться. Стекла очков слегка увеличивали светло-серые глаза подростка. На нем была рубашка с короткими рукавами защитного цвета, такие же шорты и туристские ботинки.

Элис Кронингер пошевелилась.

– Мы уже приехали? – сонно спросила она.

Путешествие из Флагстаффа было долгим и утомительным, и Фил настаивал на том, чтобы ехать ночью, потому что, по его соображениям, прохлада сберегала покрышки и снижала расход бензина. Он был расчетливым человеком и никогда не упускал случая сэкономить.

– Точно, они наблюдают за нами с помощью радара, – догадался мальчик и внимательно посмотрел на лес. – Спорим, они и вправду могут нас прощит?

– Могут, – согласился Фил. – У них есть все, что только можно придумать. Это потрясающее место, ты еще увидишь.

– Надеюсь, там будет прохладно, – раздраженно сказала Элис. – Не затем я проделала весь этот путь, чтобы готовить пищу в шахте.

– Это не шахта, – напомнил ей муж. – Во всяком случае, там не жарко и есть разные системы безопасности и очистки воздуха. Сама увидишь.

– Они наблюдают за нами. Я чувствую, что на нас смотрят, – не унимался мальчик.

Он поискал под сиденьем то, что было там спрятано, и вытащил пистолет «магнум» девятимиллиметрового калибра.

– Бах! – Он щелкнул спусковым крючком в темноту справа и еще раз – бах! – слева.

– Положи эту штуку, Роланд! – приказала ему мать.

– Положи, сынок. Не нужно, чтобы его видели.

Роланд Кронингер колебался, но затем, хитро усмехнувшись, направил пистолет в голову матери, нажал на курок и как ни в чем не бывало сказал:

– Бах. – Потом повторил: – Бах! – И пистолет сухо щелкнул возле головы Фила.

– Роланд, – теперь голос отца звучал сурово, – сейчас же перестань дурачиться. Убери пистолет.

– Роланд, – предупредила мать.

– Ну ладно-ладно. – Мальчишка засунул оружие обратно под сиденье. – Я просто хотел пошутить. Вы оба воспринимаете все слишком серьезно.

Неожиданно машину тряхнуло: Фил резко вдавил тормоз. Посередине дороги стояли двое солдат в зеленых касках и пятнистой маскировочной форме. Оба держали в руках автоматические пистолеты-пулеметы «ингрем», в кобурах на поясе висели пистолеты одиннадцатимиллиметрового калибра. «Ингремы» смотрели прямо в лобовое стекло автомобиля.

– Боже! – прошептал Фил.

Часовой знаком велел ему открыть окно. Когда Фил сделал это, солдат подошел, включил фонарик и направил на него:

– Пропуск, пожалуйста.

У солдата было молодое суровое лицо и ярко-голубые глаза. Фил вынул бумажник, раскрыл его так, чтобы был виден пропуск, и показал юноше. Тот сверил фотографию и спросил:

– Сколько человек въезжает, сэр?

– Э... трое. Я, моя жена и сын. Нас ждут.

Страж передал пропуск Фила другому военному, который отстегнул от пояса портативную рацию. Фил услышал, как он сказал:

– Центральная, это контрольный пункт. Мы задержали серый прогулочный автомобиль. Пассажиров трое, имя на пропуске – Филипп Остин Кронингер, компьютерный номер 0-671-4724. Остановлен для проверки. Жду подтверждения.

– Ух ты, – возбужденно зашептал Роланд, – точь-в-точь как в кино про войну.

– Ш-ш-ш, – прервал его отец.

Роланда восхитила военная форма. Он заметил, что ботинки охранников начищены до блеска, а на маскировочных брюках складки. На груди солдат были нашивки с кулаком, сжимающим молнию, под нашивкой – золотая эмблема с надписью: «Дом Земли».

– Хорошо, центральная, спасибо, – сказал солдат с портативной рацией и передал карточку напарнику.

Тот вернул ее Филу:

– Пожалуйста, сэр. Ваше прибытие было назначено на десять сорок пять.

– Извините. – Фил взял пропуск и убрал его в бумажник. – Мы задержались из-за ужина.

– Вам нужно прямо по дороге, – объяснил юноша. – Примерно через четверть мили увидите знак «Стоп». Постарайтесь, чтобы ваши покрышки остановились точно у черты. Хорошо? Проезжайте.

Он сделал быстрое движение рукой, и, когда второй солдат отступил в сторону, Фил отъехал от пропускного пункта. В зеркале заднего обзора он увидел, что солдаты снова вошли в лес.

– Па, а форму всем дают? – спросил Роланд.

– Нет, думаю, не всем. Только тем, кто здесь работает.

– Я даже не видела их, – сказала Элис по-прежнему нервно. – Я только подняла глаза – и вдруг они появились. И автоматы были направлены прямо на нас. А если бы один из них случайно выстрелил?

– Они профессионалы, дорогая. Если бы они не знали точно, что делают, их бы здесь не было, и я более чем уверен, они умеют обращаться с оружием. Это только доказывает, в какой безопасности мы будем ближайшие две недели. Никто не попадает сюда, если не имеет к ним отношения. Правильно?

– Правильно! – одобрил Роланд.

Он пережил минуту возбуждения, когда смотрел на стволы автоматических пистолетов-пулеметов «ингрем». «Если бы солдаты захотели, – думал он, – точно могли бы разнести нас на части одной очередью. Нажать на крючок – и готово». Ощущение изумительно взбодрило Роланда, как будто в лицо ему плеснули холодной водой.

«Это хорошо, – подумал он. – Очень здорово. Одной из доблестей королевских рыцарей было умение храбро встречать опасность».

– Приехали, – сказал Фил, когда фары осветили знак «Стоп». – Тупик.

Большой знак был укреплен на огромной выщербленной скале, в которую упиралась горная дорога. Вокруг были только темный лес и крутые каменные утесы – ничего, что указывало бы на место семейных поисков.

– Как ты попадешь внутрь? – спросила Элис.

– Увидишь. Думаю, тебе понравится – это очень изящно.

Фил побывал здесь в апреле, после того как прочитал рекламу «Дома Земли» в журнале «Солдаты удачи».

Он медленно повел «роумер» вперед. Передние шины попали в две ямки в почве и нажали на пару педалей. Почти сразу раздался глухой вибрирующий звук – шум заработавшего тяжелого механизма, шестеренок и цепей. Из щели, появившейся в основании горной стены, блеснул яркий свет. Кусок скалы плавно пошел вверх, совсем как дверь гаража в доме Кроингера.

Для Роланда это выглядело как поднятие массивных ворот древней крепости. Сердце его учащенно забилося; щель, из которой сочился яркий свет, отражавшийся в стеклах его очков, все росла, рассеивая тьму вокруг.

– Боже мой! – тихо проговорила Элис.

Скальная стена оказалась люком, который скрывал железобетонную автостоянку, заполненную разными машинами. С потолочной решетки из стальных балок свешивался ряд светильников. Ворота охранял солдат в форме, который знаком велел Филу ехать вперед. Колея направляла «роумер» по бетонному скату к стоянке. Как только колеса съехали с пружинных

педалей, ворота с урчанием начали закрываться. Солдат рукой показал Филу место парковки между джипами и провел пальцем по горлу.

– Что это означает? – с испугом спросила Элис.

Фил улыбнулся:

– Просит, чтобы мы заглушили двигатель. – Он выключил мотор. – Ну вот и приехали.

Ворота в скале закрылись с глухим стуком, и Кронингеры оказались отрезаны от внешнего мира.

– Теперь мы как в армии, – сказал Фил сыну.

Выражение на лице мальчика подтвердило, что его восхитительная мечта сбывается.

Как только они вышли из «роумера», подкатили два электромобиля. Первым управлял улыбчивый юноша с коротко подстриженными рыжеватыми волосами, в темно-голубой форме с эмблемой «Дома Земли» на нагрудном кармане. Второй электрокар – там сидели двое крепких мужчин в светло-синих спортивных костюмах – буксировал плоский багажный конвейер, похожий на те, какие используют в аэропортах.

Улыбчивый рыжеволосый парень, чьи белые зубы, казалось, отражали свет дневных ламп, проверил данные на своей табличке, чтобы убедиться в правильности фамилии.

– Привет, ребята, – ободряюще сказал он. – Миссис и мистер Филипп Кронингер?

– Правильно, – подтвердил Фил, – и наш сын Роланд.

– Привет, Роланд. Вам, ребята, пришлось проделать порядочный путь из Флагстаффа.

– Да, путь неблизкий, – согласилась Элис.

Она неуверенно прошла по автостоянке и прикинула, что здесь не меньше двухсот машин.

– Бог мой, сколько народу!

– Девяносто пять процентов заполнения, миссис Кронингер. К концу выходных ожидаются все сто процентов. Мистер Кронингер, если вы доверите ключи этим джентльменам, они привезут ваш багаж.

Фил отдал им ключи, и двое мужчин стали выгружать из «роумера» чемоданы и коробки.

– У меня есть компьютер, – сказал юноше Роланд. – Он будет здесь работать?

– Конечно будет. Прыгайте ко мне, и я отвезу вас в ваши апартаменты. Капрал Мейтис, – обратился он к одному из грузчиков, – этих в сектор С, номер шестнадцатый. Ну что, готовы?

Фил сел на переднее сиденье, а его жена и сын – на заднее. Фил кивнул, и молодой человек повез их через автостоянку в коридор со слабым уклоном. Прохладный воздух циркулировал из вентилятора на потолке, установленного на всякий случай. От главного отходили другие коридоры, отмеченные указателями: к секторам А, В и С.

– Я сержант Шорр, занимаюсь приемом клиентов.

Он протянул руку, и Фил пожал ее.

– Рад познакомиться, – сказал молодой человек. – Могу ответить на все ваши вопросы, если они есть.

– Ну, я приезжал сюда в апреле и знаю о «Доме Земли», – пояснил Фил. – Но не думаю, что моя жена и сын получили из брошюр полное представление. Элис тревожилась из-за воздуха там, внизу.

Шорр засмеялся.

– Не нужно волноваться, миссис Кронингер, – заверил он. – У нас есть две великолепные системы очистки воздуха, одна действующая, а другая резервная. Система вступает в работу в течение минуты с момента объявления военного положения, это когда мы... э-э... ожидаем нападения и запечатываем вентиляционные отверстия. Однако сейчас наши вентиляторы просто гонят воздух снаружи, и могу гарантировать, что воздух горы Голубой Купол, наверное, самый чистый, каким вам когда-либо доводилось дышать. У нас три жилых комплекса, секторы А, В и С, все – на этом уровне, а под нами – командный пункт и уровень обслуживания.

Пятьюдесятью футами ниже – генераторная, склад оружия, аварийный запас пищи и воды, пункт радарного наблюдения и жилые комнаты офицеров. Кстати, мы стараемся отбирать у прибывших оружие и хранить его на нашем складе. У вас, случайно, нет чего-нибудь?

– Мм... девятимиллиметровый «магнум», – сказал Фил, – под задним сиденьем. Я не знал ваших правил.

– Я уверен, вы просто не обратили внимания на этот пункт, когда подписывали контракт, но, думаю, вы согласитесь, что ради безопасности проживающих все оружие должно храниться в одном месте.

Он улыбнулся Филу, и тот кивнул.

– Мы зарегистрируем его и выдадим квитанцию, а когда вы будете через две недели уезжать от нас, получите его назад вычищенным и сияющим.

– А какое еще оружие у вас там есть? – спросил Роланд с горящими глазами.

– Ну, пистолеты, винтовки, автоматы, ручные пулеметы, минометы, огнеметы, гранаты, противопехотные и противотанковые мины, ракетницы – все, что только можно придумать. И конечно, противогазы и противорадиационные костюмы. Полковник Маклин уверяет, что, когда здесь в ход будет пущено все, это место станет неприступной крепостью. И он совершенно прав.

«Полковник Маклин! – подумал Роланд. – Полковник Джеймс „Джимбо“ Маклин».

Это имя было знакомо Роланду по статьям в военных журналах и изданиях для «выживальщиков», которые выписывал отец. У полковника имелся длинный послужной список: он начинал пилотом истребителя F-105D, воевал в Северном Вьетнаме, был сбит в 1971 году и до окончания войны пробыл военнопленным. Потом вернулся во Вьетнам и Индокитай вылавливать вражеских агентов и воевал с наемниками в Южной Африке, Чаде и Ливане.

– А мы увидим полковника Маклина?

– Встреча назначена ровно на восемь часов, в главном зале. Он будет там.

Они заметили надпись «Сектор С» и стрелку, указывавшую вправо. Сержант Шорр свернул из главного коридора, и шины зашуршали по кускам бетона и камням, валявшимся на полу. От падавших сверху капель натекла лужа, и их обрызгало. Шорр притормозил, оглянулся, и с его лица сбежала улыбка: он остановил электромобиль, и Кронингеры увидели, что часть потолка размером с люк отвалилась. Из дыры торчали металлические прутья и сетка.

Сержант вынул из ящика машины портативную радиостанцию, щелкнул ею и сказал:

– Это Шорр, я около стыка центрального коридора с коридором в сектор С. Тут нужно наладить откачку, вызвать бригаду уборщиков. Вы меня слышите?

– Слышу, – ответил голос, ослабленный помехами. – Опять проблемы?

– Угу... Капрал, со мной новоприбывшие.

– Извините, сэр. Бригада уже едет.

Шорр отключил связь. Улыбка снова засияла на его лице, но светло-карие глаза посе-
резнели.

– Мелкие неприятности, ребята. В «Доме Земли» первоклассная дренажная система, но иногда случаются маленькие протечки. Бригада уборщиков займется ими.

Элис показала вверх – она заметила сетку трещин и пятен на потолке.

– Не похоже, что здесь совсем безопасно. А что, если все это рухнет? – Она глядела на мужа широко раскрытыми глазами. – Бог мой! Фил! Неужели нам придется пробыть две недели здесь, под этой протекающей горой?

– Миссис Кронингер, – самым успокаивающим тоном заговорил Шорр, – «Дом Земли» не заполнился бы на девяносто пять процентов, если бы не был надежен. Я согласен, нужно доработать дренажную систему, и мы приводим ее в норму, но нет абсолютно никакой опасности. У нас есть инженеры-строители, а специалисты по нагрузкам следят за убежищем, и все

они дают ему отличную оценку. Это место совместного выживания, миссис Кронингер. Нас бы не было здесь, если бы мы не собирались выжить после надвигающегося Армагеддона.

Взгляд Элис перебегал с Фила на молодого человека и обратно. Ее муж заплатил пятьдесят тысяч долларов за участие в пользовании «Домом Земли»: каждый год по две недели, как выражалась брошюра, «в роскошнейшей крепости для выживания в горах Южного Айдахо». Конечно, она верила в то, что ядерный Армагеддон приближается. У Фила полки ломились от книг о ядерной войне. Он был убежден, что война начнется в течение года и что Соединенные Штаты будут поставлены на колени русскими захватчиками. Он хотел найти место, как он сказал ей, где можно было бы сделать «последний привал». Элис пыталась отговорить его, она твердила: биться об заклад на пятьдесят тысяч долларов, что ядерная катастрофа случится именно в эти две недели их пребывания в убежище, – это безумная игра. А он объяснил ей: предложение купить безопасную жизнь в «Доме Земли» означает, что за дополнительные пять тысяч долларов в год семья Кронингер обретает возможность получить убежище в любое время в течение двадцати четырех часов после взрыва вражеской ракеты на территории Соединенных Штатов.

– Это страхование против Армагеддона, – пояснил он жене. – Всем ясно, что бомбы полетят, это только вопрос времени.

А Фил Кронингер был очень хорошо осведомлен о важности упреждающих действий, потому что владел одним из крупнейших независимых страховых агентств в Аризоне.

– Полагаю, что так, – наконец вымолвила она.

Но ее беспокоили трещины, пятна и реденькая, хлипкая на вид стальная сетка, которая виднелась в образовавшейся дыре.

Сержант Шорр прибавил скорость. Они проехали металлический дверной шлюз по обеим сторонам коридора.

– Наверное, на строительство этого места ухлопали кучу денег, – сказал Роланд.

Шорр кивнул.

– Несколько миллионов, – уточнил он. – Не считая непредвиденных расходов. Двое братьев из Техаса вложили в это деньги, они тоже «выживальщики», а разбогатели на нефти. Раньше, в сороковых и пятидесятых, здесь был серебряный рудник, но жила истощилась, и шахта была заброшена на годы, пока Осли ее не купили. А вот мы и приехали.

Он притормозил и остановил электромобиль перед металлической дверью с номером шестнадцать.

– Ваш дом, добрый дом, на ближайшие две недели, ребята.

Шорр открыл дверь ключом, висевшим на цепочке с эмблемой «Дома Земли», вошел и включил свет.

Прежде чем последовать за мужем и сыном через порог, Элис услышала звуки капающей воды и увидела еще одну лужицу, расплывшуюся в коридоре. Потолок протекал в трех местах, там виднелась длинная зазубренная трещина шириной в два дюйма.

«Боже!» – испуганно подумала она.

Но ничего не оставалось, как войти внутрь. Первым ее впечатлением стало ощущение пустоты военной казармы. Стены из окрашенных в бежевый цвет шлакоблоков были украшены несколькими картинами маслом. Ковер был достаточно толстым и неплохого цвета, красно-бурым, но потолок показался ей ужасно низким. И хотя он находился на шесть дюймов выше головы Фила, а рост Фила составлял пять футов и одиннадцать дюймов, явно недостаточная высота потолков квартиры, как это именовалось в брошюре, внушала ей такое чувство, как будто... Да, подумала она, как будто ее чуть ли не заживо похоронили. Единственное приятное впечатление оставляла дальняя стена: всю ее площадь занимали фотообои с видом на заснеженные горные вершины, что зрительно увеличивало объем помещения.

В квартире имелись две спальни и соединяющая их ванная. За несколько минут Шорр показал им все, продемонстрировал даже туалет, смыв от которого шел в специальный бак. Как пояснил сержант, «отходы поступают на уровень леса и таким образом способствуют росту растительности». Спальни тоже состояли из выкрашенных бежевым шлакоблоков, а потолок отделан пробковыми пластинами, под которыми, предположила Элис, пряталось переплетение стальных балок и арматурных стержней.

– Разве это не великолепно? – спросил ее Фил. – В этом что-то есть!

– А я все-таки сомневаюсь, – ответила она. – У меня по-прежнему ощущение, что мы в шахте.

– Ну, это временно, – дружески успокоил ее Шорр. – У некоторых новичков случались приступы клаустрофобии, но потом все проходило. Я вам вот что покажу, – сказал он, передавая Филу план «Дома Земли», на котором были обозначены кафетерий, спортзал, медчасть и большой круглый зал для игр. – Главный холл вот здесь. Это и в самом деле огромное помещение, так что там можно почувствовать себя настоящим сообществом. Я покажу вам, как добраться туда самым коротким путем.

В своей спальне, меньшей из двух, Роланд включил лампу у кровати и стал искать подходящую розетку для компьютера. Комната была крошечной, но он счел ее вполне удобной. Тут царила нужная ему атмосфера, а кроме того, он предвкушал обещанные в брошюрах семинары на темы «Искусство применения оружия», «Живущие не на Земле», «Управление в условиях хаоса» и «Тактика партизанской войны».

Он нашел хорошую розетку достаточно близко к кровати, чтобы, удобно устроившись на подушках, играть на компьютере в «Рыцаря Короля».

«На две следующие недели, – подумал он, – можно будет окунуться в фантазию с подземельями и бродящими по ним чудовищами, от которых бросает в дрожь даже такого эксперта, как сам Рыцарь Короля, хотя он и в латах».

Роланд подошел к шкафу и открыл его, чтобы посмотреть, уместятся ли там его вещи. Внутри были дешевые крашенные стенки, на перекладине – несколько проволочных вешалок. Вдруг с задней стенки шкафа вспорхнуло что-то маленькое и желтое, похожее на осенний лист. Роланд инстинктивно бросился к нему и поймал. Потом прошел к свету и осторожно раскрыл ладонь.

Это оказалась хрупкая желтая бабочка с крылышками, усеянными зелеными и золотыми пятнышками. Глаза у нее походили на темно-зеленые булавоочные головки, сверкающие изумрудикой. Бабочка трепетала, слабая и оглушенная.

«Сколько же ты пробыла здесь?» – изумился Роланд.

Ответа не было. Наверное, попала сюда в чьем-нибудь автомобиле или на одежде.

Он поднес руку ближе к свету и несколько секунд глядел в крошечные глазки существа. А потом раздавил бабочку в руке, ощутив, как ее тельце хрустнуло у него под пальцами.

«Готова! – подумал он. – Даже более чем готова. Не затем я тащился сюда аж из Флагстаффа, чтобы жить в одной комнате с этим чертовым желтым клопом!»

Он выбросил искалеченные остатки в корзину, потом вытер испачканную желтой искрящейся пылью ладонь о брюки цвета хаки и вернулся в «гостиную». Шорр пожелал им спокойной ночи. Только что подъехали двое с багажом и компьютером Роланда.

– Встреча назначена на восемь ноль-ноль, ребята, – напомнил сержант. – Там увидимся.

– Великолепно, – возбужденно сказал Фил.

– Великолепно. – В голосе Элис прозвучал сарказм.

Сержант Шорр, улыбаясь, покинул номер шестнадцать. Но как только он сел в электрокар, улыбка исчезла и рот сержанта превратился в угрюмую, суровую полоску. Юноша развернул электрокар и заспешил обратно, туда, где на полу лежал щепень. Там он велел

бригаде уборщиков поживее замазывать трещины – и пусть пошевеливаются, пока весь этот чертов сектор не завалило.

Часть вторая Огненные копья

Глава 6 Киноман

17 июля, 4:40 (восточное летнее время)

Нью-Йорк

– Он все еще там, да? – шепотом спросила негритянка с ярко-рыжими волосами.

Стоявший за кондитерским прилавком юноша-латиноамериканец по имени Эмилиано Санчес утвердительно кивнул.

– Слышишь? – спросил он. Его темные глаза широко раскрылись.

Из-за выгоревшей красной портьеры, закрывавшей вход в зал кинотеатра «Эмпайр-стейт»³ на Сорок второй улице, послышался смех. Такой звук мог издать только человек с рассеченным горлом. Звук становился все громче и громче, и Эмилиано закрыл уши ладонями. Этот смех напоминал ему свисток локомотива и детский визг одновременно. На несколько секунд юноша вернулся в прошлое. Когда ему было восемь лет – он жил тогда в Мехико, – он видел, как его младшего брата смял и раздавил товарный поезд.

Сесиль уставилась на него. Чем громче становился смех, тем явственнее она слышала в нем девичий крик. Ей чудилось, что ей снова четырнадцать и она лежит на операционном столе после аборта. Через мгновение видение пропало, а смех стал слабеть.

– Господи Иисусе! – только и смогла шепотом выдать Сесиль. – Что этот подонок курит?

– Я слышу это с полуночи, – сообщил ей Эмилиано. Его смена начиналась в двенадцать и заканчивалась в восемь утра. – Ничего похожего я в жизни не слышал.

– Он там один?

– Ага. Несколько человек еще заглядывали, но долго не смогли выдержать. Ты бы видела их лица, когда они выходили отсюда! Мурашки по коже!

– Вот чертовщина! – сказала Сесиль. Она продавала билеты и сидела в будке снаружи. – Я бы и двух минут не смогла смотреть такое кино, всех этих покойников и прочее! Боже, я продала билет этому парню уже на третий сеанс подряд!

– Он выходил, купил у меня кока-колу и попкорн. Дал доллар на чай. Мне уже и не хотелось притрагиваться к его деньгам. Они как будто... какие-то слишком грязные, что ли.

– Подонок, похоже, развлекается там сам с собой. Наверное, разглядывает всех этих мертвецов, развороченные лица и веселит сам себя. Надо бы зайти туда и сказать ему, чтобы...

Смех опять зазвучал громче. Эмилиано вздрогнул: теперь звуки напомнили ему крик мальчишки, которого он однажды в драке пырнул ножом в живот. Смех оборвался, перейдя в клекот и затем в тихое умильное бормотание, которое напомнило Сесили бред наркоманов в одном из мест, куда она зачастила. Лицо ее застыло. Смех умолк.

– Кажется, – сказала она, – у меня и своих дел достаточно.

Сесиль торопливо ушла в кассу и заперла за собой дверь. Она решила, что в парне, который сидел в зале, есть что-то странное. Она видела его: дюжий, похожий на шведа человек с курчавыми светлыми волосами, молочно-белой кожей и глазами, похожими на сигаретные ожоги. Покупая билет, он сверлил ее взглядом, но не сказал ни слова.

³ Театр, здание которого было спроектировано в 1912 году, переименовывался, перестраивался, был превращен в кинотеатр и в рамках реконструкции улицы поменял месторасположение. В 2000 году здесь открылся 25-экранный кинотеатр «AMC Theatres 25». – *Примеч. ред.*

«Колдун», – решила она и дрожащими пальцами развернула журнал «Пипл».

«Скорее бы восемь», – молил Эмилиано.

Он еще раз посмотрел на часы. «Лики смерти, часть четвертая» должен скоро закончиться, и Вилли, старый киномеханик-пьяница, будет менять пленку на «Мондо бизарро», про рабство и все такое. Может, парень уйдет раньше, и тогда картину сразу же сменят. Эмилиано сел на табуретку и опять стал читать комикс про Конана, пытаясь заглушить страшные воспоминания, пробудившиеся от этого смеха.

Красные портьеры зашевелились. Эмилиано сгорбил плечи, как будто его хотели побить. Потом занавес раскрылся, и в темном вестибюльчике возник киноман.

«Он уходит! – От радости Эмилиано чуть не засмеялся, он застыл над комиксом. – Выходит за дверь!»

Но киноман произнес слабым, почти детским голосом:

– Пожалуйста, большую порцию кока-колы и кукурузу с маслом.

У Эмилиано заныло в животе. Не смея посмотреть этому человеку в лицо, он встал с табуретки, наполнил стаканчик напитком, достал попкорн и плеснул в него масла.

– Пожалуйста, побольше, – попросил киноман.

Эмилиано добавил еще немного масла и подтолкнул заказ по прилавку к клиенту.

– Три доллара, – сказал он.

К нему подлетела пятидолларовая бумажка.

– Сдачи не надо, – заявил человек.

В его голосе прозвучал южный акцент. Озадаченный Эмилиано взглянул на зрителя. Киноман обладал ростом около шести футов четырех дюймов, был одет в желтую рубашку с короткими рукавами и брюки цвета хаки с зеленью. Глаза его под густыми черными бровями казались гипнотически зелеными и контрастировали с янтарным оттенком кожи. Сначала, в первый раз, Эмилиано посчитал его южноамериканцем; возможно, в нем имелась капля индейской крови. Волосы черные и волнистые, гладко причесанные. Он неподвижно уставился на Эмилиано.

– Я хочу посмотреть фильм еще раз, – спокойно произнес он с легким бразильским акцентом.

– Э... Через минуту должен начаться «Мондо бизарро». Киномеханик, наверное, уже заправил первую катушку...

– Нет, – сказал киноман и едва заметно улыбнулся. – Я хочу еще раз посмотреть этот фильм. Сейчас.

– Да. Но послушайте... Я имею в виду... Я здесь не решаю. Вы же знаете? Я только работаю за прилавком и ничего не могу сказать о...

Тут любитель кино придвинулся к Эмилиано и коснулся его лица холодными жирными пальцами, отчего подбородок юноши онемел, как ото льда.

На секунду все поплыло перед глазами, и тело окаменело. Потом Эмилиано моргнул и вздрогнул: он стоял за прилавком, а киноман пропал.

«Черт! – подумал юноша. – Подонок прикоснулся ко мне».

Он скомкал салфетку и вытер лицо там, где к нему притронулись чужие пальцы, но все еще чувствовал оставшийся после них холод. Пятидолларовая бумажка лежала на прилавке. Эмилиано положил ее в карман и заглянул в зал.

На экране, расцвеченном сочными чувственными красками, лежали почерневшие трупы, извлеченные пожарными из столкнувшихся автомобилей. «Лики смерти – не шутка, – пояснял диктор. – Все, что вы увидите, произошло на самом деле. Если нервы у вас не слишком крепкие, вам лучше сейчас же уйти...»

Киноман сидел в первом ряду. Эмилиано видел его профиль на фоне экрана. Опять послышался смех, и юноша, отскочив от портьеры и поглядев на свои часы, понял, что почти

двадцать минут в его жизни стали черной дырой. Он кинулся наверх, в будку киномеханика. Вилли валялся на диванчике и читал «Хастлер».

– Эй, – сказал Эмилиано, – что происходит? Почему ты опять крутишь эту дрянь?

Вилли уставился на него поверх страницы.

– У тебя не все дома? – спросил он. – Ты же сам пришел ко мне с этим приятелем и попросил пустить картину еще разок. Не прошло и пятнадцати минут. Вот я и поставил снова. И нечего сваливать все на меня. Я со старыми извращенцами не спору.

– Старые извращенцы? О ком ты говоришь?

– О твоём дружке, – сказал Вилли. – Ему не меньше семидесяти. Бородища как у Рипа Ван Винкля. Откуда только такие берутся?

– Ты... с ума сошел, – прошептал Эмилиано.

Вилли пожал плечами и вернулся к чтению журнала.

Сесиль увидела, как юноша выбежал на улицу. Он обернулся к ней и прокричал:

– Ноги моей здесь не будет. Никогда! Хватит!

После чего кинулся по Сорок второй улице и скрылся в темноту.

Девушка перекрестилась, еще раз проверила замок на двери будки и принялась молиться до рассвета.

Сидевший в первом ряду киноман запустил руку в пакетик попкорна с маслом и набил кукурузой рот. На экране возникали изуверченные тела, извлеченные из руин лондонского здания, которое взорвали ирландские террористы. Он склонил голову набок, с интересом разглядывая кровь и переломанные кости. Видеокамера, которая передавала размытое дрожащее изображение, сфокусировалась на обезумевшем лице молодой женщины, баюкавшей мертвого ребенка.

Киноман захохотал так, словно смотрел комедию. В его смехе слышался визг напалмовых бомб, зажигательных снарядов и ракет «Томагавк». Смех эхом гулял в кинотеатре, и если бы там сидели другие зрители, каждый из них содрогнулся бы от воспоминаний об их собственных кошмарах.

В отраженном свете экрана лицо сидевшего в зале претерпело изменения. Теперь он не походил ни на шведа, ни на бразильца, исчезла и борода Рипа Ван Винкля. Его черты лица сливались во что-то одно, как будто медленно плавилась восковая маска, а кости под кожей меняли форму. Сотни лиц возникали и пропадали, как гноящиеся язвы. На экране показывали вскрытие на последней стадии, и странный зритель всплескивал руками в радостном оживлении.

«Уже пора! – думал он. – Представлению пора начаться!»

Долго же он ждал поднятия занавеса, износил много лиц и кож, и миг торжества находился не за горами. Множеством глаз он видел крен, ведущий к разрушению, он нюхал пламя, дым и кровь как смертельно пьянящие духи. Скоро пробьет час – его час!

«О да! Пора начинать представление!»

Он был терпелив, но сейчас едва мог сдержаться, чтобы не пуститься в пляс. Возможно, короткий ватуси там, в проходе, окажется кстати – тогда он раздавит этого таракана за кондитерским прилавком. Так ждешь дня рождения... и когда свечи наконец зажгутся, он откинёт голову и зарычит – так громко, что Бог содрогнется.

«Уже пора! Уже пора! Когда же?» – волновался он.

Кто же первым нажмет кнопку? Впрочем, это не имело значения. Он так и слышал, как разбивается стекло, опускается предохранительная скоба и в ракетоносителях разгорается пламя. Это была музыка Голанских высот, Бейрута и Тегерана, Дублина и Варшавы, Йоханнесбурга и Вьетнама – только на этот раз мелодия закончится последним оглушительным крещендо.

Он засунул пригоршню попкорна в рот, жадно открывшийся посреди правой щеки.

«Партия окончена!» – подумал он и захихикал с таким звуком, словно заскрипело стекло.

Прошлой ночью он сошел с автобуса из Филадельфии и, прогуливаясь по Сорок второй улице, увидел афишу. Как всегда, он не упустил возможности насладиться просмотром фильма «Лики смерти, часть четвертая». На заднем плане, как обычно, была заснята небольшая толпа, но он всегда узнавал себя – получались хорошие кадры. Он был тем человеком, который стоял над горой трупов после взрыва на футбольном стадионе в Италии, изображая соответствующее ситуации потрясение; затем он промелькнул, уже с другим лицом, в массовой резне в аэропорту Парижа.

Меняя автобусы, он путешествовал по городам, присматриваясь к Америке. В Европе действовало так много террористических групп и вооруженных банд, что помощи от него не требовалось, хотя ему и доставило удовольствие подготовить одну мощную бомбочку в Бейруте. Он ненадолго задержался в Вашингтоне, но там нигде, ни в одном кинотеатре, не показывали «Лики смерти». Тем не менее Вашингтон предоставлял широкие возможности: если потолкаться среди парней из Пентагона и членов кабинета министров на какой-нибудь из вечеринок, то каких только впечатляющих результатов не достигнешь!

Теперь все закручивалось вокруг него. Он ощущал нервные пальцы, зависшие над красными кнопками по всему миру. Пилоты реактивных самолетов готовы сражаться, командиры субмарин – вслушиваться в подводные шумы, старые львы – кусаться. И что самое изумительное – они делали это сами по себе. Сейчас он чувствовал почти полную свою ненужность, но его звездный час стремительно приближался.

Его беспокоило лишь одно: хотя молния готова была сверкнуть, она не сможет уничтожить все сразу. Возможно, еще сохранились островки жизни и маленькие городки, которые борются за существование, как крысы у взорванного фундамента. Он очень хорошо понимал, что огненные смерчи, ураганы радиации и черные дожди уничтожат большинство людей, а те, кто останется, тысячу раз пожалеют, что не погибли. И в конце концов он станцует ватуси и на их могилах.

«Пора! Тик-так, тик-так, – думал он. – Ничто не остановит время».

Он терпелив, но ждать пришлось слишком долго. Еще несколько часов лишь разожгут его аппетит, а он очень, очень голоден. Пока же он наслаждался, любуясь собой на экране.

«Занавес поднимается! – обрадовался он, и рот посреди его лба ухмыльнулся, прежде чем исчезнуть в плоти, как червь в мокрой земле. – Представление начинается!»

Глава 7

Судный день

10:16 (восточное летнее время)

Нью-Йорк

Вращался голубой огонек. Лил холодный дождь. Молодой человек в желтом дождевике протянул руки.

– Дайте ее мне, леди, – сказал он, и голос его звучал глухо, будто со дна колодца. – Давайте же. Позвольте мне забрать ее.

– Нет! – закричала Сестра Жуть, и лицо мужчины разлетелось на кусочки, как разбитое зеркало.

Она попыталась оттолкнуть его двумя руками, как вдруг поняла, что сидит. Обрывки кошмара таяли, как серебряные льдинки. Ее крик эхом бился между серыми кирпичными стенами, а она сидела, ничего не соображая, пока затихала сотрясавшая тело нервная дрожь.

«О, – подумала она, – это плохо».

Она коснулась лба, пальцы стали влажными.

«Он был рядом, – поняла она. – Юный демон в желтом дождевике опять был тут, совсем близко, и он чуть не забрал мою...»

Сестра Жуть нахмурилась. Забрал мою что? Мысль ушла. Какова бы она ни была, она пропала во мраке памяти. Женщине часто виделся во сне демон в желтом плаще, и он всегда хотел, чтобы она что-то ему отдала. В кошмаре непременно присутствовал голубой свет, больно слепивший глаза, а в лицо ей хлестал дождь. Иногда обстановка казалась ужасно знакомой, и порой Сестра Жуть почти – почти – осознавала, чего хотел от нее юноша в желтом. Она понимала, что это демон или даже сам дьявол пытается оторвать ее от Иисуса, потому что после таких кошмаров сердце у нее страшно колотилось.

Она не знала, который час, день это или ночь, но от голода у нее урчало в животе. Она вспомнила, что пыталась уснуть на скамейке в метро, но пронзительные голоса вопивших детей мешали ей, и, взяв сумку в охапку, она побрела на поиски более спокойного места. Оно нашлось под лестницей, ведущей в полутьму подземки. Тридцатью футами дальше под главным туннелем чернела дренажная труба, достаточно большая, чтобы пройти в нее, если нагнуться. Мимо кед женщины текла грязная вода. В туннеле горели редкие синие аварийные лампочки, которые высвечивали сеть кабелей и труб над головой. Туннель сотрясался от грохота поездов, и Сестра Жуть поняла, что над ней – рельсы. Но чем глубже она уходила в туннель, тем тише становился шум составов, превращаясь в едва слышный далекий рев.

Скоро она увидела свидетельства того, что это место облюбовали члены племени бездомных: старые матрасы, засунутые в норы, пара бутылок, засохшие экскременты. Она не поморщилась: приходилось видеть и похуже. Тут, на этих матрасах, она и уснула, пока кошмар с демоном в желтом дождевике не разбудил ее. Она почувствовала голод и решила вернуться на станцию, пошарить в урнах и, по возможности, найти еще и какую-нибудь газету, чтобы узнать, не появился ли Иисус, пока она спала.

Сестра Жуть встала, забросила сумку на плечо и покинула свое логово. Она двинулась назад по туннелю, освещенному синим мерцанием аварийных ламп, надеясь, что сегодня ей повезет отыскать хот-дог. Она обожала хот-доги, обильно приправленные острым горчичным соусом.

Внезапно туннель задрожал.

Она услышала треск лопнувшего бетона. Синие лампы замерцали, погасли, погрузив подземелье в темноту, потом вспыхнули вновь. Послышался шум, похожий на вой ветра или уходящего поезда. Лампы разгорались все ярче, свет их стал почти слепящим – Сестра Жуть прищурилась от их сияния. Она сделала еще три неуверенных шага вперед. Аварийные фонари начали лопаться.

Женщина вскинула руки, чтобы защитить лицо, почувствовала, как осколки стекла вонзаются в кожу, и неожиданно внятно подумала: «Кто-то мне за это ответит!»

В следующее мгновение весь туннель резко метнулся в сторону, и Сестра Жуть свалилась в поток грязной воды. С потолка сыпались обломки бетона и каменное крошево. Туннель метнулся в противоположную сторону с такой силой, что женщине почудилось, будто внутри у нее все оборвалось. Куски глины стучали по ее голове и плечам. Ноздри оказались забиты песком.

– Господь мой Иисус! – закричала она, задыхаясь. – О Господи Иисусе!

Сверху посыпались снопы искр, стал отрываться кабель. Она ощутила, что воздух насытился влажным паром, и услышала сильные удары, словно у нее над головой топал бегемот. Туннель швыряло и толкало. Сестра Жуть прижала к себе сумку, стараясь противостоять выворачивающим внутренности толчкам. Наружу сквозь стиснутые зубы рвался крик. Струя жара пронеслась мимо нее, едва не лишив дыхания.

«Боже, помоги!» – мысленно кричала она, почти задохнувшись.

Вдруг что-то хрустнуло, и она почувствовала вкус крови, потекшей у нее из носа. «Я не могу дышать, о возлюбленный Иисус! Я не могу дышать!»

Схватившись за горло, она открыла рот и услышала, как ее сдавленный крик улетает вглубь трясущегося туннеля. Наконец ее измученные легкие втянули горячий воздух, и она легла, скорчившись на боку в темноте. Тело ее сотрясали судороги, а мозг оцепенел.

Дикая тряска прекратилась. Сестра Жуть то теряла сознание, то приходила в себя. Сквозь завесу словно пробился далекий рев мчащегося подземного поезда – только небывало громкий.

«Вставай! – приказала она себе. – Вставай! Грядет Судный день, и Господь приехал на своей колеснице, чтобы забрать праведников в Царствие Божие».

Но более спокойный и ясный голос – возможно, из тьмы ее памяти – сказал: «Черт! Дело пахнет керосином!»

«Царствие Божие! Царствие! Царствие!» – мысленно твердила она, стараясь заглушить злой голос.

Сестра Жуть села, вытерла кровь и вдохнула сырой душный воздух. Шум поезда все нарастал. Она почувствовала, что вода, в которой она сидела, нагрелась. Женщина взяла сумку и медленно поднялась на ноги. Вокруг было темно; и когда она стала ошупывать стены туннеля, ее пальцы натывались на щели и трещины.

Рев еще больше усилился, воздух стал накаляться. Бетон обжигал пальцы, как горячая мостовая в августовский полдень, когда на солнцепеке можно зажарить яичницу.

В глубине прохода вспыхнул оранжевый свет, будто фары несущегося поезда. Туннель опять начало трясти. Сестра Жуть застыла, глядя вдаль, и чем ближе становился свет, тем сильнее напрягалось ее лицо. Оранжевое зарево разгоралось, из него вырывались раскаленные полосы алого и багрового.

Она поняла, что это такое, и застонала, как попавшее в капкан животное.

К ней по туннелю неслась стена огня. Женщина уже ощутила поток воздуха, засасываемого в пламя, словно в пустоту. И минуты не пройдет, как пылающий вал настигнет ее.

Оцепенение прошло. Сестра Жуть повернулась и побежала, крепко прижимая к себе сумку, шлепая по кипящей воде. Она перескакивала через лопнувшие трубы и с отчаянием обреченного расталкивала в стороны свисавшие провода. Оглянувшись, она увидела пламя. Оно выбрасывало красные щупальца, выстреливало ими в воздух, как бичами. Вакуум затягивал ее, пытаясь загнать в огонь, и, когда она кричала, воздух обжигал ей ноздри и горло.

Она чувствовала запах горящих волос, ощущала, как спина и руки покрываются волдырями. Возможно, оставалось не более тридцати секунд до ее воссоединения с Господином и Повелителем, и ее изумляло, что она к этому не готова и не хочет этого.

Издав ужасный крик, женщина внезапно обо что-то зацепилась и упала. Встав на четвереньки, она увидела, что споткнулась о решетку, в которую стекал поток грязной воды. Под сливным ограждением не было ничего, кроме тьмы. Сестра Жуть оглянулась на настигавшее ее пламя и лишилась бровей, а лицо покрылось мокрыми волдырями ожогов. Воздух нельзя было вдохнуть. Времени не оставалось, огонь ревел совсем рядом.

Ухватившись за прутья решетки, Сестра Жуть рванула ее на себя. Один из проржавевших винтов вылетел, но другой держался крепко. Языки пламени бились всего в сорока футах. Волосы женщины вспыхнули.

«Боже, помоги!» – мысленно закричала она и дернула железяку с такой силой, что руки едва не выскочили из суставов.

Второй винт выскочил.

Сестра Жуть отбросила решетку в сторону, схватила сумку и нырнула в дыру головой вперед. Она упала в яму размером с гроб четырех футов глубиной, где оказалось восемь дюймов воды.

Пламя промчалось над ее головой, высосав из легких воздух и опалив каждый дюйм незакрытой кожи. Одежду Сестры Жуть охватил огонь, и она отчаянно задергалась в воде.

На несколько секунд исчезло все, кроме рева пламени и боли, и женщина ощутила запах хот-догов, зажаренных на гриле продавца.

Стена огня двигалась вперед стремительно и неумолимо, как комета, под шипение воздуха несшего сильный запах обугленного мяса и горелого металла.

Внизу, в яме, откуда грязная вода уходила в водосток, в судорогах корчилась Сестра Жуть. Три дюйма воды поднялись туманом и испарились, уменьшив силу огня. Обожженное, истерзанное тело женщины судорожно искало воздуха, и наконец она задышала, отплевываясь. Покрытые волдырями руки все еще сжимали тлеющую холщовую сумку.

Потом Сестра Жуть неподвижно затихла.

Глава 8 Встречающий

8:31 (горное летнее время)

Гора Голубой Купол, штат Айдахо

Настойчивый звонок телефона вырвал человека из сна без сновидений.

«Отстаньте, – подумал он. – Оставьте меня в покое».

Но телефон у кровати не умолкал, и мужчина наконец медленно повернулся, включил лампу и, шурясь на свет, снял трубку.

– Маклин, – сказал он спросонья хрипло.

– Э... полковник, сэр? – Это был сержант Шорр. – Согласно моим данным, на этот час у вас назначена встреча с несколькими людьми. Они ждут вас, сэр.

Полковник Джимбо Маклин взглянул на маленький зеленый будильник возле телефона и увидел, что на тридцать минут опаздывает на запланированное мероприятие и церемонию пожатия рук.

«Пошло все к дьяволу! – подумал он. – Я поставил будильник ровно на шесть тридцать».

– Все в порядке, сержант. Прoderжите их еще пятнадцать минут.

Он повесил трубку, потом проверил будильник и увидел, что рычажок нажат. Либо он не включал звонок, либо выключил его, не просыпаясь. Он сел на край постели, пытаясь собраться с силами и встать, но чувствовал себя вялым и разбитым. Несколько лет назад, мрачно усмехнулся полковник, ему не требовался будильник, чтобы проснуться. Он мог очнуться от звука шагов по мокрой траве и вскочить – по-волчьи, в считанные секунды.

«Время идет, – подумал он. – Давно ушло».

Маклин заставил себя встать. Заставил перейти спальню (стены ее были украшены фотографиями летящих «Фантомов F-4» и «Громовержцев F-105») и войти в маленькую ванную, включить свет, открыть кран. В раковину потекла ржавая вода. Он плеснул себе в лицо, вытерся полотенцем и уставился мутными глазами на незнакомца в зеркале.

Высокий, шесть футов два дюйма. Пять-шесть лет назад его тело было поджарым и крепким, ребра покрыты мышцами, плечи сильные и прямые, грудь выпуклая, как броня на танке «Абрамс М-1». Теперь полковник обрюзг, брюшко мешало делать пятьдесят приседаний каждое утро – точнее, когда для этого находилось время. Он обнаружил, что сутулится, как будто на плечи ему давила невидимая тяжесть, волосы на груди поседели. Бицепсы, когда-то твердые как камень, одрябли. Однажды он захватом руки сломал шею ливийскому солдату. Теперь ему казалось, что у него не хватит сил молотком расколоть орех.

Он включил в розетку электробритву и стал водить ею по щетине на подбородке. Темно-каштановые волосы были острижены очень коротко, на висках виднелась седина. Под квадратной плитой лба – холодная голубизна глаз, запавших в глубокие глазницы: кусочки льда в мутной воде. Пока Маклин брился, ему пришло в голову, что лицо стало напоминать любую из сотен боевых карт, над которыми он когда-то просиживал: выступающий утес подбородка

вел к извилистому оврагу рта и дальше, к холмам точеных скул, и через крутой перевал носа – опять вниз, к болотам глаз, потом вверх, в темный лес густых бровей. И все мелкие особенности рельефа тоже имелись: например, воронки оспин – следы юношеских угрей, маленькая канавка шрама, пролегли по левой брови, – след срикошетившей пули, попавшей в него в Анголе. Через лопатку прошел более глубокий и длинный шрам от удара ножом, полученного в Ираке, а на память о вьетконговской пуле осталась сморщенная кожа на правой стороне груди. Маклину было сорок четыре года, но иногда, просыпаясь, он чувствовал себя семидесятилетним – напоминали о себе кости, сломанные в битвах на далеких берегах.

Закончив бриться, он сдвинул в сторону занавеску душа, чтобы пустить воду, но остановился: на полу маленькой душевой кабинки валялись куски потолочной плитки и щебень. Из отверстий, открывшихся в потолке, капала вода. Пока полковник смотрел на протекающий свод, понимая, что опаздывает и принять душ не придется, внезапно, как жидкий чугун в домне, в нем поднялась злоба. Он ударил кулаком по стене раз, другой. После второго удара появилась сетка мелких трещин.

Маклин наклонился над раковиной, пережидая, пока пройдет гнев, как это обычно бывало.

– Успокойся, – сказал он себе. – Дисциплина и контроль. Дисциплина и контроль.

Он повторил это несколько раз, как мантру, сделал долгий глубокий вдох и выпрямился. «Надо идти, – подумал он. – Меня ждут».

Он провел дезодорантом под мышками и пошел к шкафу в спальне, чтобы достать форму.

Полковник извлек на свет пару выглаженных темно-синих брюк, светло-голубую рубашку и бежевую поплиновую летнюю куртку с кожаными нашивками на локтях и надписью «Маклин» на нагрудном кармане. Он потянулся к верхней полке, где держал ящичек с пистолетом-пулеметом «ингрем» и обоймы к нему, бережно достал фуражку полковника ВВС, сдунул с козырька воображаемые пылинки и надел. Посмотрелся в большое зеркало на внутренней стороне дверцы шкафа: проверил, надраены ли пуговицы, наглажены ли стрелки брюк, сияют ли ботинки. Расправил воротничок и приготовился идти.

Личный электромобиль полковника был припаркован в стороне от жилья, на уровне командного центра. Маклин запер дверь одним из множества ключей, подвешенных на цепочке к ремню, сел в электрокар и поехал по коридору. Позади, за его комнатами, остались опечатанная металлическая дверь оружейного склада и помещения с аварийным запасом пищи и воды. Дальше, на другом конце коридора, за квартирами технических специалистов и наемных рабочих «Дома Земли», располагались генераторная и пульт управления системой фильтрации воздуха. Маклин проехал мимо двери пункта наблюдения за периметром, где располагались экраны портативных полевых радаров для контроля зоны вокруг «Дома Земли», а также главный экран направленной в небо радарной чаши, установленной на вершине горы Голубой Купол. В пределах пункта наблюдения за периметром находилась также гидравлическая система перекрытия воздухозаборников и освинцованных ворот в случае ядерной атаки. Экраны были под круглосуточным контролем.

Маклин повел электромобиль вверх по наклонному полу к следующему уровню, где находился главный холл. Он проехал мимо открытых дверей спортзала, где занималась секция аэробики. По коридору трусили несколько любителей утренних пробежек. Проезжая мимо, Маклин кивнул им. Отсюда он попал в более широкий коридор, который вел к главной площади «Дома Земли», соединявшей множество вестибюлей, с садом камней в центре. Повсюду располагались различные магазины «Дома Земли» с витринами, сделанные так, чтобы они внешне напоминали магазины провинциального городка. На площади имелись солярий, кино-театр, где показывали видеофильмы, библиотека, больница, штат которой состоял из доктора и двух медсестер, зал с игровыми автоматами и кафетерий. Возле него Маклин ощутил запах яичницы с беконом и пожалел, что не успел позавтракать. Он не привык опаздывать.

«Дисциплина и контроль», – подумал он. Это были две вещи, которые делали мужчину мужчиной.

Он все еще злился из-за того, что в его душевой обвалился потолок, хотя знал, что перекрытия и стены дали трещины и подались во многих местах «Дома Земли». Маклин много раз обращался к братьям Осли, но те заявили: в отчетах строителей указано, что осадка нормальная.

– При чем тут, в задницу, осадка! – вспыхнул тогда Маклин. – У нас неприятности с откачкой воды! Вода скапливается над потолком и просачивается вниз.

– Не лезьте в бутылку, полковник, – ответил ему из Сан-Антонио Донни Осли. – Если вы нервничаете, то и клиенты начинают нервничать. Нет смысла волноваться, потому что гора стоит несколько тысяч лет и никуда пока не делась.

– Дело не в горе! – рявкнул Маклин, стискивая в кулаке трубку. – Дело в туннелях! Моя бригада уборщиков каждый день находит трещины!

– Это из-за осадки. Послушайте, мы с Терри вбухали больше десяти миллионов в этот проект. Мы строили надолго! Если бы нас не держали здесь дела, мы были бы с вами. Теперь у вас там, глубоко под землей, осадка и протечки. И с этим ничего не поделаешь. Но мы платим вам сто тысяч долларов в год за то, чтобы вы поддерживали реноме «Дома Земли» и жили в нем, вы – герой войны. Так что замазывайте щели, и пусть все будут довольны.

– Нет, это вы послушайте, мистер Осли. Если через две недели не будет специалиста-строителя, я уезжаю. Плевать мне на контракт. Я не собираюсь вдохновлять людей жить в «Доме Земли», если здесь небезопасно.

– Верю, – сказал Донни, и его тон стал на несколько градусов холоднее, – но вам, полковник, лучше успокоиться. Вы что же, хотите выйти из дела? Это непорядочно. Вы только вспомните, как мы с Терри нашли вас и приняли, до того как вы совсем докатились, ну?

«Дисциплина и контроль! – подумал Маклин с заколотившимся сердцем. – Дисциплина и контроль!» И стал слушать обещания Донни Осли в течение двух недель прислать специалиста-строителя из Сан-Антонио, чтобы осмотреть убежище самым тщательным образом.

– Однако все же вы главный. У вас неприятности – разберитесь. Лады?

Разговор произошел почти месяц назад. Специалист так и не приехал.

Полковник Маклин остановил электромобиль у двойных дверей. Над ними красовалась надпись: «Главный зал», выполненная вычурными буквами под старину. Прежде чем войти, он затянул ремень еще на одну дырочку, хотя брюки успели сморщиться на поясе, втянул живот и, прямой и стройный, вошел.

В красных виниловых креслах сидело около дюжины людей. На сцене капитан Уорнер отвечал на вопросы и показывал на карте особенности «Дома Земли». Сержант Шорр, стоявший наготове на случай более трудных вопросов, увидел полковника и быстро подошел к кафедре с микрофоном.

– Извините, капитан, – сказал он, прерывая объяснение принципов герметизации и системы очистки воздуха. – Итак, позвольте мне представить всем того, кто, в общем, в этом не нуждается: полковник Джеймс Барнет Маклин.

Чеканя шаг, полковник шел по центральному проходу, а аудитория аплодировала. Он занял место на сцене, под флагами США и «Дома Земли», и оглядел аудиторию. Аплодисменты не смолкали: встал человек средних лет в камуфляжной военной куртке, за ним его жена, одетая так же, потом в порыве поднялись все. Маклин дал им поаплодировать еще пятнадцать секунд, поблагодарил и попросил сесть.

Позади полковника сел капитан Уорнер, по прозвищу Мишка Тедди, крепкий мужчина, в прошлом «зеленый берет». Уорнер потерял левый глаз при взрыве гранаты в Судане и теперь носил на лице черную повязку наискосок. Рядом с ним сел Шорр. Маклин стоял, собираясь с мыслями. Он произносил приветственную речь перед каждой партией новоприбывших в «Дом

Земли», объяснял, насколько это безопасное место и что после вторжения русских оно станет последней американской крепостью. После чего полковник отвечал на вопросы, пожимал руки и давал автографы. За это братья Осли ему и платили.

Он поглядел собравшимся в глаза. Эти люди привыкли к мягкой, чистой постели, ароматной ванне и ростбифу по воскресеньям.

«Трутни», – подумал он.

Они жили, чтобы размножаться, пить, жрать и испражняться, и полагали, будто знают все о свободе, верности и мужестве, но на самом деле им не было известно об этих качествах. Маклин окинул взглядом их лица и не увидел в них ничего, кроме трусости и слабости. Это были люди, которые думали, что жертвуют женами, мужьями, детишками, домами и всем, чем владели, ради того чтобы держать русское дерьмо подальше от своих берегов, но в действительности они не жертвовали ничем, потому что были слабы духом, а их мозги сгнили от некачественной умственной пищи. И вот они здесь, как и все другие, ждут, что он расскажет им, какие они истинные патриоты.

Маклину хотелось крикнуть, чтобы они бежали подальше от «Дома Земли», что убежище спроектировано некачественно и что им, слабовольным неудачникам, надо отправляться по домам и трястись в своих подвалах.

«Господи Иисусе! – подумал он. – Какого черта я здесь делаю?»

Но внутренний голос ожег его, как бичом: «Дисциплина и контроль! Возьми себя в руки!» Это был голос Солдата-Тени, который всегда следовал за ним.

Джимбо на секунду закрыл глаза. А когда открыл их, то взгляд его упал на худого, хрупкого на вид мальчика, сидевшего во втором ряду между отцом и матерью.

«Хороший ветер сдует его с высот на землю», – решил он, медленно вглядываясь в светло-серые глаза.

Ему показалось, что он кое-что узнает в этих глазах – решительность, хитрость, волю. Это напомнило полковнику его самого на фотографиях, сделанных, когда он был ровесником этого мальчишки – жирным неуклюжим неряхой, которого отец, капитан ВВС, лупил при каждом удобном случае.

«Из всех, кто сидит передо мной, – подумал он, – только этот тощий пацан может получить шанс. Остальные – дерьмо собачье».

Он взял себя в руки и начал вступительную речь с таким энтузиазмом, словно чистил отхожее место.

Пока полковник Маклин говорил, Роланд Кронингер с живым интересом рассматривал его. Полковник оказался несколько полнее, чем на фотографиях в «Солдатах удачи», и выглядел сонным и усталым. Роланд был разочарован. Он ожидал увидеть подтянутого, бодрого героя войны, а не продавца подержанных автомобилей, одетого в военные отрепья. Трудно было поверить, что это тот самый человек, который сбил над мостом Тханьхоа три «МиГа», прикрывая потерявший управление самолет товарища, а потом катапультировался из разваливающегося истребителя.

«Облезлый», – решил Роланд.

Полковник Маклин был облезлым. Мальчик подумал, что «Дом Земли» тоже может оказаться облезлым. Этим утром Роланд проснулся и обнаружил на подушке темное пятно от воды: потолок протекал, в нем зияла трещина два дюйма шириной. В душе не шла горячая вода, а холодная была рыжей от ржавчины. Мама закатила истерику из-за того, что не смогла помыть голову, и отец сказал, что непременно сообщит об этих неприятностях сержанту Шорру.

Роланд боялся подключать свой компьютер к сети, потому что воздух в спальне был слишком сырой. Первое впечатление о «Доме Земли» как о чистенькой средневековой крепости постепенно угасало. Конечно, он привез с собой книги, труды о деяниях Макиавелли и Наполеона и научные исследования о средневековых осадных орудиях, но ему очень не хва-

тало изучения новых подземных ходов в «Рыцаре Короля». Это было его собственное творение – воображаемый мир феодальных королевств, сотрясаемый войнами. Теперь, похоже, ему придется все время читать!

Мальчик смотрел на полковника. Глаза Маклина глядели лениво, а лицо было толстое, одутловатое. Он походил на старого быка, которого оставили пастись на лугу, потому что он ни на что больше не способен. Но когда Маклин встретился с Роландом взглядом и на пару секунд задержал на нем внимание, мальчику вспомнилась фотография, где был изображен Джо Луис в бытность его зазывалой в лас-вегасском отеле. На снимке Джо Луис казался вялым, утомленным, но его огромная рука схватила хрупкую белую руку туриста, а взгляд его черных глаз был жестким и отрешенным, словно чемпион мысленно опять вернулся на ринг, вспомнил удар, пробивший пресс соперника почти до хребта. Роланд подумал, что такое же отстраненное выражение читалось в глазах полковника Маклина. Джо Луис мог бы одним быстрым движением раздавить косточки руки того туриста; так же ясно Роланд почувствовал, что боец в Джимбо Маклине еще не умер.

Во время выступления полковника зазвонил телефон рядом с картой. Сержант подошел, несколько секунд слушал, что ему говорили, затем повесил трубку и направился через сцену к полковнику. Роланд подумал, что, пока Шорр слушал, в его лице что-то изменилось: оно слегка покраснело, а сам сержант словно постарел.

– Прошу прощения, полковник! – обратился сержант к Маклину и положил руку на микрофон.

Полковник резко повернул голову, в глазах его проступил гнев.

– Сэр, – тихо сказал Шорр, – сержант Ломбард говорит, что вы нужны в пункте наблюдения за периметром.

– Что там?

– Он не сказал, сэр. По-моему, он очень нервничал.

«Черт!» – подумал Маклин.

Ломбард впадал в панику всякий раз, когда радар засекал стаю гусей или пролетающий лайнер. Однажды они задраились в «Доме Земли» потому, что Ломбард принял группу дельтапланеристов за вражеских парашютистов. И все же следовало проверить. Он жестом велел капитану Уорнеру следовать за ним и отдал Шорру приказ закончить после их ухода вводную беседу.

– Леди и джентльмены, – сказал Маклин в микрофон. – Мне придется уйти, чтобы решить небольшую проблему, но я надеюсь увидеться с вами днем, на приеме для новоприбывших. Благодарю за внимание.

Он двинулся по проходу, за ним по пятам следовал капитан Уорнер.

Сев в электромобиль, они поехали той же дорогой, которой прибыл Маклин. Про себя полковник проклинал глупость Ломбарда.

Они вошли в помещение наблюдения за периметром и увидели сержанта, уткнувшегося в экран с эхо-сигналами от радара, установленного на вершине Голубого Купола. Рядом стояли сержант Беккер и капрал Прадос, оба тоже пожирали экран глазами. В помещении, набитом электронным оборудованием, находился также небольшой компьютер, в памяти которого хранились даты прибытия и отбытия жильцов «Дома Земли». С полки над рядом радарных экранов из коротковолнового приемника раздавался громкий голос, совершенно искаженный треском атмосферных разрядов. Голос панически захлебывался и так тараторил, что никто не мог разобрать ни слова. Он не понравился Маклину. Мышцы полковника сразу напряглись, а сердце забилося.

– Отойдите в сторону, – приказал он подчиненным и встал так, чтобы можно было хорошо видеть экран.

Во рту у него пересохло, и он услышал, как его мозговые схемы заскрежетали от усилия.

– Боже милостивый!.. – прошептал он.

Искаженный голос из приемника говорил: «Нью-Йорк получил... сметен... ракеты накрывают Восточное побережье... разрушен Вашингтон... Бостон... Я вижу огромное пламя...»

Из бури атмосферных разрядов вырывались другие голоса, обрывки информации, рассылаемой обезумевшими радиолюбителями по всем Соединенным Штатам и пойманные антеннами горы Голубой Купол.

Ворвался еще один голос с южным акцентом, он кричал: «Атланта только что перестала существовать! Думаю, Атланте конец!»

Голоса перекрывали друг друга, возникали и пропадали, смешивались с рыданиями и криками, со слабым обморочным шепотом, и названия американских городов повторялись, как плач по мертвым: Филадельфия... Майами... Ньюпорт... Чикаго... Ричмонд... Питсбург...

Но внимание Маклина было приковано к экрану радара. Не оставалось никаких сомнений в том, что там происходило. Он посмотрел на капитана Уорнера и открыл рот, но на мгновение потерял голос. Потом произнес:

– Поставьте повсюду охрану. Запечатайте ворота. Нас атакуют. Действуйте.

Уорнер вытащил портативную радиостанцию и стал энергично раздавать команды.

– Вызовите сюда Шорра, – сказал полковник.

Сержант Беккер, верный и надежный человек, служивший с Маклином в Чаде, немедленно сел к телефону и стал нажимать кнопки.

Из приемника несся дрожащий голос:

– Это Сент-Луис! Кто-нибудь, отзовитесь! Я вижу огонь в небе! Он повсюду! Боже всемогущий, я никогда не видел...

Сверлящий вой атмосферных помех и других далеких голосов заполнил тишину, воцарившуюся после сигнала из Сент-Луиса.

– Началось, – прошептал Маклин. Глаза его блеснули, лицо покрылось испариной. – Готовы мы к этому или нет, началось!

И глубоко внутри его, в колодце, куда давно не проникал луч света, Солдат-Тень завопил от восторга.

Глава 9

Подземные парни

10:46 (центральное летнее время)

Федеральное семидесятое шоссе, округ Элсуорт, штат Канзас

В двадцати четырех милях к западу от Салины потрепанный старый «пontiак» Джоша Хатчинса захрипел, как старик, больной пневмонией. Джошуа увидел, что стрелка термометра резко прыгнула к красной черте. Хотя все стекла в машине были опущены, температура внутри автомобиля соответствовала парилке. Белая рубашка и темно-синие брюки Джоша приклеились к потному телу.

«Боже упаси! – подумал он, глядя, как красная стрелка ползет вверх. – Радиатор вот-вот взорвется».

Спасение приближалось справа, где виднелись выгоревшая надпись «Поу-Поу. Бензин! Прохладительные напитки! Одна миля!» и шаржированное изображение сидящего на муле старого чудака с трубкой.

«Надеюсь, что смогу протянуть еще милю», – подумал Джош, направляя «пontiак» под желанный уклон.

Автомобиль продолжал содрогаться, а стрелка уже зашла за красное, но радиатор пока не взорвался. Джош ехал на север, следуя указателю Поу-Поу, а перед ним до горизонта про-

стирались тучные поля кукурузы в рост человека, поникшей от июльской жары. Проселочная дорога пролегла прямо через них, и не было ни ветерка, чтобы колыхнуть высокие стебли. Они неприступной стеной стояли по обеим сторонам дороги и, насколько было известно Джошу, могли тянуться на добрую сотню миль к востоку и западу.

«Понтиак» захрипел, и его встряхнуло.

– Не надо, – просил Джош, обливаясь потом. – Не надо, не отыгрывайся на мне сейчас.

Ему не хотелось топтать пешком целую милю по сорокаградусной жаре; его нашли бы на асфальте растаявшим, похожим на чернильную кляксу. Стрелка продолжала карабкаться вверх, и на щитке замигали красные аварийные лампочки.

Вдруг послышался хруст, и Джошу вспомнились рисовые хлопья, которые он любил в детстве. А затем, в одно мгновение, лобовое стекло покрылось какой-то шевелящейся коричневой массой. Джош не успел удивленно ахнуть, как в открытое окно с правой стороны ворвалось коричневое облако. На человека напали ползущие, трепещущие, шевелящиеся твари: они лезли за ворот рубашки, в рот, в ноздри и в глаза. Джош выплевывал их, стряхивал с век одной рукой, другой сжимая руль. Более тошнотворного шуршания ему не приходилось слышать: это был оглушительный скрип и треск надкрылий. Когда Хатчинс снова смог видеть, он обнаружил, что лобовое стекло и салон автомобиля заполонила саранча, переползавшая и летевшая через «понтиак» на другую сторону. Джош включил стеклоочистители, но огромная масса насекомых не давала им сдвинуться с места.

Через несколько секунд акриды начали слетать с лобового стекла по пять-шесть штук, и вдруг вся масса поднялась коричневым смерчем. Дворники со скрипом заходили туда-сюда, давя неудачников, которые слишком задержались. Затем из-под крышки вырвался пар, и «понтиак» рванул вперед. Джош посмотрел на шкалу термометра – на стекло налипла саранча, а стрелка переваливала за красную черту.

«Сегодня точно не лучший мой день», – мрачно подумал он, стряхивая саранчу с рук и ног.

Акриды пытались покинуть автомобиль и последовать за огромным облаком, которое двигалось над сжигаемыми солнцем полями на северо-западе. Одно насекомое ударило Джоша прямо в лицо, издав крыльями что-то вроде презрительного стрекота, и улетело за остальными. В салоне их осталось около двадцати штук, они лениво ползали по приборному щитку и пассажирскому сиденью.

Джош сосредоточился на дороге, молясь, чтобы мотор протянул еще несколько ярдов. Сквозь струю пара он увидел приближавшееся справа маленькое строение из шлакоблоков с плоской крышей. Перед ним под тентом из зеленого брезента стояли бензиновые колонки. На крыше строения возвышался самый натуральный старый фургон, на боку которого огромными красными буквами было написано: «Поу-Поу».

Хатчинс со вдохом облегчения свернул на засыпанную гравием дорожку, но до бензоколонки и водяного шланга не доехал. «Понтиак», чихая и стреляя, задрожал. Мотор издал такой звук, словно где-то ударили по пустому ведру, и заглох. В наступившей тишине слышалось только шипение вскипевшей воды.

«Ну, – подумал Джош, – будь что будет».

Обливаясь потом, он вылез из машины и задумчиво посмотрел на струю пара из-под капота. Потянувшись открыть его, Джош ощутил укус обжигающего металла. Он отступил. С неба, раскаленного почти добела, палило солнце. Черный гигант подумал, что его жизнь тоже достигла последней черты.

Хлопнула сетчатая дверь.

– Что, неприятности? – спросил сиплый голос.

Джош обернулся. От сооружения из шлакоблоков к нему шел маленький сгорбленный старичок в огромной засаленной шляпе, комбинезоне и ковбойских сапогах.

– Точно, неприятности, – ответил Джош.

Старичок – рост его составлял не больше пяти футов одного дюйма – остановился. Огромная шляпа с лентой из змеиной кожи и лихо торчащим орлиным пером почти скрывала голову. Лицо старика сильно загорело и цветом напоминало обожженную солнцем глину, глаза – как темные сверкающие точки.

– О-го-го-о-о! – дребезжащим голосом протянул он. – Какой вы большой! Боже, никогда не видел такого великана... с тех пор как здесь побывал цирк!

Он улыбнулся, обнажив мелкие, желтые от никотина зубы:

– Как там у вас погода?

Обливающийся потом Джош разразился смехом.

– Такая же, как здесь, – ответил он, растягивая губы в широкой улыбке. – Ужасная жара.

Старичок благоговейно потряс головой и обошел вокруг «понтиака». Он тоже попытался поднять капот, но обжег пальцы.

– Сорвало шланг, – решил он. – Да. Шланг. Последнее время так часто бывает.

– Запасной имеется? – спросил Хатчинс.

Чтобы увидеть лицо собеседника, старичок запрокинул голову. Вероятно, он еще не опомнился от потрясения – так его поразил рост Джоша.

– Не-а, – сказал он, – ни единого. Хотя для вас один достану. Закажу в Салине, его доставят сюда через... два-три часа.

– Два или три часа?! Салина всего в тридцати милях отсюда!

Старичок пожал плечами:

– Жарко. Городские не любят жары. Слишком привыкли к кондиционерам. Да, часа два-три, не меньше.

– Черт возьми! А мне еще ехать в Гарден-Сити!

– Далековато, – согласился старичок. – Хорошо бы стало чуть прохладнее. Если хотите, у меня есть чем утолить жажду.

Он знаком пригласил гостя за собой и направился к строению.

Джош ожидал увидеть горы банок с маслом, кучу старых аккумуляторов и покрышки на стенах, но когда зашел внутрь, то с удивлением обнаружил опрятный, ухоженный сельский магазинчик. У дверей лежал чистый коврик, а за прилавком с кассой находилась небольшая ниша, из которой, сидя в кресле-качалке, можно было смотреть переносной «Сони». Однако сейчас на экране рябил «снег» атмосферных помех.

– Что-то разладилось прямо перед тем, как вы подъехали, – пояснил старичок. – Я смотрел передачу про клинику и больных, которые в нее попадают. Господи боже, за такие шалости нужно сажать в тюрьму!

Он хихикнул и снял шляпу. Лоб у него был незагорелый, на голове торчали мокрые от пота клочки седых волос.

– Все остальные каналы тоже вышли из строя, поэтому, думаю, нам остается только разговаривать, – предложил он.

– Пожалуй.

Джош встал перед вентилятором на прилавке, давая восхитительно прохладному воздуху отлепить влажную рубашку от кожи.

Старичок открыл холодильник и вытащил две жестянки кока-колы. Одну он подал Джошу, тот открыл ее и жадно глотнул.

– Бесплатно, – сказал старичок. – Похоже, у вас было неважное утро. Меня зовут Поу-Поу Бриггс. Поу-Поу – настоящее мое имя. Так меня зовут мои парни. Поэтому и на вывеске так написано.

– Джош Хатчинс.

Они обменялись рукопожатием, старичок опять улыбнулся и притворился, что содрогается от хватки широкой ладони Джошуа.

– Ваши парни работают с вами?

– Нет, – тихо засмеялся Поу-Поу. – У них свое заведение, отсюда по дороге – пяток миль.

Джош был рад оказаться подальше от палящего солнца. Он походил по магазинчику, прикладывая прохладную жестянку к лицу и чувствуя, как расслабляется. Для обычного сельского магазинчика, затерянного в кукурузных полях, на полках у Поу-Поу имелось чересчур много всякого товара – белые буханки, ржаной хлеб, булочки с изюмом и рогалики с корицей, зеленый горошек, свекла, тыква, персики, ананасы и другие фрукты, около тридцати различных консервированных супов, банки с бифштексами, соленый мясной фарш, нарезанные ростбифы. Под стеклом были выставлены ножи, сырорезки, открывалки, фонари и батарейки. Целую полку занимали фруктовые соки в банках, пунши, виноградные напитки и минеральная вода в пластиковых бутылках. На стене висели лопаты, мотыги, кирки, пара садовых ножниц и шланг для полива. Рядом с кассовым аппаратом на стойке продавались журналы «Летное дело», «Американский летчик», «Тайм», «Ньюсуик», «Плейбой» и «Пентхаус».

«Да, – подумал Джош, – здесь настоящий универмаг, а не сельская лавка».

– Много людей живет в округе? – спросил он.

– Мало.

Поу-Поу стукнул кулаком по телевизору, но помехи не исчезли.

– Не слишком много, – уточнил он.

Джош почувствовал, как кто-то ползает у него под воротником, и, запустив туда руку, вытащил саранчу.

– Противные твари? – спросил Поу-Поу. – Лезут куда только могут. За последние два-три дня через поля их пролетело тысячи. Странно.

– М-да.

Держа насекомое двумя пальцами, Джош пошел к сетчатой двери, открыл ее и щелчком отправил саранчу вверх. Несколько секунд насекомое кружило над его головой, потом издало мягкий стрекот и полетело на северо-запад.

Неожиданно по дороге к бензоколонке подъехал красный «камаро». Автомобиль обогнул застрявший «понтиак» Джоша и тормознул рядом с заправкой.

– Еще клиенты, – объявил Джош.

– Ну-ну. Сегодня дело идет хорошо.

Старичок обогнул прилавок и встал рядом с Джошем. Он едва доходил великану до ключицы.

Дверцы «камаро» открылись, и оттуда показались женщина в красном открытом топе и до неприличия узких джинсах и маленькая белокурая девочка.

– Эй! – крикнула женщина в сетчатую дверь. – Здесь можно заполучить хоть немного сносного бензина?

– Конечно!

Поу-Поу вышел наружу, чтобы отпустить ей топливо. Джош допил кока-колу, смял жестянку и бросил ее в корзину для мусора. Когда он опять посмотрел сквозь сетку, то увидел девочку в небесно-голубом спортивном костюме. Она стояла прямо на солнцепеке, глядя на движущиеся тучи саранчи. Женщина – у нее были неряшливо обесцвеченные, мокрые от пота волосы – взяла девочку за руку и завела в магазин Поу-Поу. Джош посторонился, когда они вошли. Женщина – под правым глазом чернел фингал – метнула на него подозрительный взгляд и направилась к вентилятору.

Ребенок уставился на борца, как на крону высокого дерева.

«Миленькая крошка», – подумал Джош.

Глаза у нее были мягкие, лучисто-голубые. Их цвет напомнил Хатчинсу летнее небо его детства, когда все «завтра» принадлежали ему и никуда не нужно было спешить. Нежное лицо девочки формой походило на сердечко, кожа почти просвечивала.

– Вы великан? – спросила она.

– Ш-ш-ш, Сван, – вмешалась Дарлин Прескотт. – Нельзя разговаривать с незнакомцами. Но маленькая девочка продолжала глядеть на Джоша, ожидая ответа. Джош улыбнулся:

– Пожалуй, да.

– Сью Ванда!

Дарлин сжала плечо Сван и отвернула ее от Джоша.

– Жаркий денек, – сказал он. – Куда путь держите?

Мгновение Дарлин молчала, подставляя лицо под струю прохладного воздуха.

– Куда угодно, только не сюда, – ответила она, закрывая глаза и запрокидывая голову, чтобы воздух попал ей на шею.

Вернулся Поу-Поу, вытирая старым платком пот со лба.

– Заправил, леди. Пожалуйста, пятнадцать долларов семьдесят пять центов.

Дарлин стала рыться в карманах, но Сван тронула ее за локоть.

– Мне нужно срочно, – прошептала она.

Женщина выложила на прилавок двадцатидолларовую бумажку.

– У вас есть дамский туалет, мистер?

– Не-а, – ответил Поу-Поу. Он поглядел на Сван, которая явно чувствовала себя неловко, и пожал плечами. – Ну, пожалуй, можете воспользоваться моим. Подождите минутку.

Пройдя за прилавок, он отодвинул коврик, лежащий на полу. За ним оказался люк. Поу-Поу откинул засов и поднял крышку. Из проема пахло жирным черноземом. Деревянная лестница уходила вниз, в подвал. Старичок спустился на несколько ступенек, ввернул в свисавший на проводе патрон лампочку и поднялся наверх.

– Туалет направо, где маленькая дверь, – сказал он Сван. – Иди.

Девочка взглянула на мать. Та пожала плечами и согласно махнула рукой. Сван спустилась в люк. Стенки подвала состояли из плотно спрессованной глины, потолок – из толстых деревянных балок, проложенных крест-накрест. Пол был из пористого бетона. В помещении длиной около двадцати футов, шириной – десять и высотой – семь или восемь располагались диванчик, проигрыватель и радиоприемник, полка с книгами Луиса Ламура и Брета Холлидея – в мягком переплете и с загнутыми уголками. На стене висел плакат с Долли Партон. Сван нашла дверь в крошечную кабинку с раковиной, зеркалом и унитазом.

– Вы здесь живете? – спросил Джош старика, заглянув в люк.

– Конечно, здесь и живу. Раньше жил на ферме в паре миль отсюда к востоку, но продал ее, когда жена умерла. Парни помогли мне выкопать этот подвал. Не бог весть что, но все же крыша над головой.

– Фу! – сморщила нос Дарлин. – Пахнет, как в могиле.

– А почему вы не живете с сыновьями? – поинтересовался Джош.

Поу-Поу с любопытством посмотрел на него и сдвинул брови:

– С сыновьями? У меня нет сыновей.

– А я подумал, есть, раз они помогли вам выкопать подвал.

– Парни помогли, да. Подземные парни. Они сказали, что сделают мне по-настоящему хорошее место для жилья. Видите ли, они все время ходят сюда, запасаются продуктами, потому что мой магазин – ближайший.

Джош никак не мог уразуметь, о чем говорит старик, и спросил еще раз:

– Ходят сюда откуда?

– Из-под земли, – ответил Поу-Поу.

Борец покачал головой: старик сумасшедший.

– Послушайте, может, посмотрите мой радиатор?

– Сейчас-сейчас. Еще минуточку – и мы пойдем выясним, что же там.

Поу-Поу встал за прилавком, выбил чек на бензин для Дарлин и дал ей сдачу с двадцатки. По ступенькам из подвала поднималась Сван. Джош, приготовившись к удушающей жаре, вышел за порог на палящее солнце, где ждал «понтиак». Из-под капота все еще струился пар.

Джош почти дошел до машины, когда земля у него под ногами дрогнула. Он остановился, пораженный:

– Что это? Землетрясение? Да, только этого и не хватало, чтобы достойно завершить такой день!

Солнце палило нещадно. Тучи саранчи исчезли. Огромное кукурузное поле за дорогой лежало недвижно, как картина. Единственными звуками были шипение пара и равномерный стук перегревшегося мотора «понтиака».

Щурясь от резкого света, Джош поглядел на небо. Оно выглядело белым и неживым, как зеркало с облаками. Сердце его учащенно забилося. Позади стукнула сетчатая дверь, и Джош вздрогнул. Вышли Дарлин и Сван и направились к «камаро». Вдруг Сван тоже остановилась. Дарлин прошла несколько шагов и только тогда обнаружила, что ребенка рядом с ней нет.

– Сван! Пора в путь, дорогая!

Взгляд девочки был устремлен в небо.

«Оно такое спокойное, – подумала она. – Такое спокойное...»

Тяжелый воздух придавливал ее к земле, ей было трудно дышать. Весь этот длинный день девочка замечала огромные стаи улетающих птиц, лошадей, пугливо носившихся по лугам, собак, которые были на небе. Она чувствовала: что-то должно случиться, что-то очень плохое. Ощущение было то же самое, что и прошлой ночью, когда Сван видела светлячков. Все утро это ощущение крепло – с того самого момента, как они покинули мотель в Уичито, – а сейчас ее руки и ноги покрылись гусиной кожей. Она чувствовала опасность в воздухе, на земле – всюду.

– Сван! – В голосе Дарлин звучали раздражение и волнение одновременно. – Ну иди же!

Маленькая девочка не двигалась с места, глядя на побуревшие поля кукурузы, протянувшиеся до горизонта.

«Да, – подумала она. – И здесь тоже опасность. Особенно здесь».

Кровь застыла в жилах, и Сван ужасно захотелось плакать.

– Опасность, – прошептала она. – Опасность... в поле...

Земля под ногами Джоша опять дрогнула, и ему показалось, что он слышит густой низкий скрежет, будто оживает тяжелая железная машина.

– Сван! Идем! – закричала Дарлин.

«Что за черт?...» – подумал Джош.

Послышался пронзительный ноющий звук. Он быстро нарастал, и Джош закрыл ладонями уши, гадая, доживет ли до получения своего гонорара.

– Боже всемогущий! – вскрикнул Поу-Поу, стоявший в проеме двери.

Четырьмястами ярдами северо-западнее в поле взметнулся к небу столб земли, и тысячи стеблей опалило пламенем. Зашипев, как бекон на сковороде, появилось огненное копье. Оно взлетело на несколько сот футов, развернулось, описав эффектную дугу, и, взяв курс на северо-запад, исчезло в мареве. Примерно полумилей дальше из-под земли вырвалось другое огненное копье и последовало за первым. Чуть поодаль взлетели еще два. В считанные секунды они исчезли из виду. Потом огненные копья стали подниматься по всему полю, ближайшее – в трехстах ярдах от оцепеневших людей, а самые дальние – в пяти-шести милях от них. Они взлетали с невероятной скоростью, взметая фонтаны земли. Их пылающие хвосты оставляли голубые отпечатки на сетчатке глаз Джоша. Кукуруза горела, и горячий ветер, поднятый огненными копьями, сдувал пламя в сторону заведения Поу-Поу.

Волны тошнотворного жара омывали Джоша, Дарлин и Сван. Женщина отчаянными криками звала дочь в автомобиль. Парализованная ужасом девочка смотрела, как десятки огненных копий вырывались из-под земли. Почва содрогалась под ногами Джоша от ударных волн. Наконец он сообразил, что огненные копья – это ракеты, с ревом вырвавшиеся из бункеров на канзасском кукурузном поле посреди огромной пустыни.

«Подземные парни», – подумал Джош и вдруг понял, кого имел в виду Поу-Поу.

Заведение Поу-Поу стояло на краю замаскированной ракетной базы. «Подземными парнями» старик называл техников ВВС, которые сейчас сидели в бункерах и нажимали кнопки.

– Боже всемогущий! – кричал Поу-Поу, но голос его тонул в реве. – Посмотри, как они взлетают!

Ракеты все еще взмывали с поля одна за другой и исчезали на северо-западе.

«Россия! – подумал Джош. – Господи, они летят на Россию!»

Ему разом вспомнились все выпуски новостей, какие он слышал, и статьи, прочитанные за последние несколько месяцев. В этот страшный миг он понял: началась Третья мировая война.

Во вздыбленном воздухе летали горящие стебли кукурузы и дождем падали на дорогу и на крышу дома Поу-Поу. Зеленый навес дымился, а брезент на фургоне уже пылал. Вихрь горящей соломы надвигался на них через разоренное поле, а ударные волны превратили пожар в сплошную катящуюся стену огня в двадцать футов высотой.

– Поехали! – истошно закричала Дарлин, подхватив Сван на руки.

Взгляд широко раскрытых голубых глаз девочки был прикован к огненной стене. Дарлин со Сван на руках побежала к автомобилю. Но тут ударная волна сбила ее с ног, и первые красные языки пламени стали подбираться к бензоколонке.

Джош понял, что огонь вот-вот перекинется за дорогу и колонка взорвется. И тогда он снова оказался в воскресный полдень на футбольном поле перед ревущей толпой – и, как человек-танк, помчался к сбитым наземь женщине и ребенку, пока часы стадиона отсчитывали последние секунды. Ударные волны мешали бежать, горевшая солома падала на Джоша сверху, но он огромной рукой обхватил женщину за талию. Дарлин крепко прижала дочку к себе. На лице Сван застыл ужас.

– Пустите меня, – завизжала Дарлин.

Но Джош согнулся и рванулся к сетчатой двери, где Поу-Поу, раскрыв от изумления рот, наблюдал взлет огненных копий.

Хатчинс был почти у цели, когда увидел вспышку раскаленного добела воздуха, будто в одно мгновение включили сотни миллионов многоваттных ламп. Он отвел взгляд от поля, заметил свою тень на теле Поу-Поу Бриггса, и в это короткое мгновение, в эту тысячную долю секунды глаза Поу-Поу, озаренные голубым светом, лопнули. Старик вскрикнул, схватился за лицо и упал на сетчатую дверь, срывая ее с петель.

– О Господь мой Иисус! О Боже, о Боже! – лепетала Дарлин.

Ребенок молчал.

Между тем свет становился все ярче. Джош ощутил, как он омывает его спину – сначала ласково, как солнце в погожий летний день, и тут же – раскаленным дыханием печи. Прежде чем Джош добежал до двери, кожа на его спине и плечах зашипела. Сияние стало таким ярким, что он не видел, куда идет. Вдруг его лицо стало распухать – так быстро, что он испугался, как бы оно не лопнуло, словно слишком туго надутый мяч. Он споткнулся и перелетел через что-то – это было тело Поу-Поу, корчившегося в дверях от боли.

Джош чувствовал запах горящих волос и жженой кожи, и в голову ему пришла сумасшедшая мысль: «Я поджаренный сукин сын!»

Он еще мог смотреть сквозь щелки распухших глаз. Мир окрасился в колдовской бело-голубой цвет, цвет призраков. Впереди чернел раскрытый люк. Помогая себе свободной рукой,

Джош пополз до Поу-Поу, ухватил старика и вместе с женщиной и ребенком потащил его за собой к квадратному проему. От взрыва в наружную стену застучали камни.

«Бензоколонка», – понял Джош.

Кусок горячего рваного металла чиркнул по голове справа. Полилась кровь, но Джош думал только о том, как бы попасть в подвал: за спиной он слышал вой ветра, подобный хору падших ангелов, но не смел оглянуться и узнать, что же надвигается с поля. Весь домик трясся, бутылки и банки сыпались с полок. Джош сбросил Поу-Поу Бриггса по ступенькам, как мешок с зерном, и прыгнул сам, ободрив ляжку о доску, но не выпустив женщину и ребенка. Они скатились на пол. Дарлин визжала сорванным, задущенным голосом.

Джош вскарабкался наверх, чтобы закрыть люк. Он поглядел сквозь дверной проем и увидел: надвигается огненный вихрь.

Смерч заполонил все небо. Он метал изломанные красные и голубые молнии, нес в себе тонны чернозема, сорванного с полей. В этот момент Джош понял, что огненный торнадо движется на бакалейный магазинчик Поу-Поу и через несколько секунд сметет его. И тогда одно из двух: они выживут – или погибнут.

Джош закрыл люк, прыгнул со ступенек и боком упал на бетонный пол.

«Давай! – подумал он, стиснув зубы и сжав голову руками. – Давай, черт тебя возьми!»

Неземное нашествие, рев урагана, треск огня и оглушительный удар грома заполнили подвал, выметая из сознания Джошуа Хатчинса все, кроме холодного, абсолютного ужаса.

Бетонный пол внезапно содрогнулся, потом поднялся на три фута и раскололся, как фарфоровая тарелка. Неведомая неистовая сила швырнула Джоша вниз. Боль ударила в его барабанные перепонки. Он открыл рот, но, хотя знал, что кричит, не услышал своего крика. Потолок подвала прогнулся, балки захрустели, будто кости в зубах голодного зверя. Джоша ударило по затылку. Он почувствовал, что его подбросило и закрутило, как пропеллер самолета. Ноздри плотно забила мокрая вата. Ему хотелось одного: выбраться с этого чертова борцовского ринга и попасть домой.

Потом он потерял способность чувствовать.

Глава 10

Дисциплина и контроль

10:17 (горное летнее время)

«Дом Земли»

– С направления десять часов еще больше объектов! – сказал Ломбард, когда радар вернулся снова и на зеленом экране сверкнули яркие точки. – Двенадцать идут на юго-восток на высоте четырнадцать тысяч футов. Боже, поглядите на этих маток!

Через тридцать секунд вспышки ушли за радиус действия радара.

– Еще пять приближаются, полковник! – Голос Ломбарда дрожал от страха и возбуждения, лицо с тяжелым подбородком покраснелось, глаза за стеклами очков-консервов расширились. – Идут на северо-запад на семнадцати тысячах триста. Это наши. Давайте, детки!

Сержант Беккер ухнул и ударил кулаком по ладони.

– Сотрем Ивана с лица земли! – заорал он.

Позади него капитан Уорнер, попыхивая трубкой, невозмутимо наблюдал здоровым глазом за радарным экраном. Двое техников в форме управляли радаром на периметре. В глубине комнаты сержант Шорр сидел, откинувшись на спинку стула. Его остекленевший неверящий взгляд то и дело останавливался на экране главного радара и сразу же убегал к противоположной стене.

Полковник Маклин стоял за правым плечом Ломбарда, скрестив руки на груди. Все его внимание сосредоточилось на зеленых вспышках, передвигающихся по экрану. Разобрать, где

русские ракеты, не составляло труда, потому что они летели на юго-восток, по траекториям, которые вели их к среднезападным базам ВВС и зонам размещения межконтинентальных баллистических ракет. Американские ракеты неслись на северо-запад, на смертоносное randevu с Москвой, Магаданом, Томском, Карагандой, Владивостоком, Горьким и сотнями других целей: городов и ракетных баз.

Капрал Прадос ловил в наушниках слабые радиосигналы по всей стране.

– Сан-Франциско только что взлетел на воздух, – сказал он. – Последнее сообщение из Сосалито. Что-то насчет огненного шара и голубых молний – остальное не разобрать.

– На одиннадцать часов – семь объектов, – объявил Ломбард. – На двенадцати тысячах футов. Направляются на юго-восток.

«Еще семь, – подумал Маклин, – боже мой!»

Количество «поступившей почты», засеченной радаром Голубого Купола, дошло до шестидесяти семи, и одному богу было известно, сколько сотен, а вероятно, и тысяч пронеслось за пределами радиуса действия радара. Судя по панике в эфире, американские города испепелены в результате полномасштабной ядерной атаки. Но Маклин насчитал сорок четыре штуки «отправленной почты», устремленной к России, и он знал, что против Советского Союза применены тысячи межконтинентальных и крылатых ракет, бомбардировщиков «В-1» и ядерных боеголовок подводного базирования. Не имело значения, кто начал. Все разговоры закончились. Теперь имело значение только одно: кто достаточно силен, чтобы дольше продержаться под атомными ударами.

Когда Маклин увидел на экранах радаров первые советские ракеты, он немедленно отдал распоряжение запечатать «Дом Земли». Расставлена охрана по периметру, ворота в скале опущены, задействована система заслонок жалюзийного типа, чтобы предотвратить попадание радиоактивной пыли в вентиляционные каналы. Осталось лишь сообщить гражданским, что Третья мировая война началась, что их дома и родные, вероятно, уже испарились, а все, что они знали и любили, уже вполне могло исчезнуть в огненной вспышке. Маклин мысленно репетировал это уже много раз: он соберет гражданских в главном зале и спокойно объяснит им, что происходит. Они поймут, что должны оставаться здесь, внутри горы Голубой Купол, и им, возможно, уже никогда не попасть домой. Потом он обучит их дисциплине и контролю, вплавит в их мягкие, слабые гражданские тела жесткие панцири, научит думать по-солдатски. И из этой неприступной крепости они будут отражать атаки советских захватчиков до последнего дыхания и последней капли крови, потому что он любит Соединенные Штаты Америки и никто на свете не поставит его на колени, не заставит молить о пощаде.

– Полковник? – Один из молодых техников оторвал взгляд от экрана радара на периметре. – Я вижу приближающийся автомобиль, похож на «роумер», идет к горе на довольно большой скорости.

Маклин подошел ближе, чтобы рассмотреть искорку, несущуюся вверх по горной дороге. «Роумер» двигался так быстро, что его пассажирам грозила опасность врезаться прямо в Голубой Купол.

Полковник еще мог открыть въездные ворота и впустить машину. Он представил обезумевшую от страха семью в автомобиле, может быть из Айдахо-Фолс или из какой-нибудь другой деревушки у подножия горы.

«Человеческие жизни, – подумал Маклин, – изо всех сил пытаются избежать уничтожения».

Он поглядел на телефон. Набрав номер своей карточки и назвав код, он заставит аварийный компьютер отомкнуть замок и открыть ворота. Сделав это, он спасет жизни этих людей.

Полковник потянулся к трубке. Но что-то внутри его шевельнулось. Тяжелое, темное, невидимое, словно чудовище на дне доисторического болота.

«С-с-стоп! – Шепот Солдата-Тени напоминал шипение запала. – Подумай о еде! Больше ртов – меньше еды!»

Маклин заколебался, пальцы на дюйм отползли от телефона.

«Больше ртов – меньше еды! Дисциплина и контроль! Возьми себя в руки».

– Я должен впустить их! – услышал Маклин собственный голос, и все в помещении управления уставились на него.

«Не перечь мне, мистер! Больше ртов – меньше еды! А тебе ведь известно, что бывает, когда человек голоден, не так ли?»

– Да, – прошептал Маклин.

– Сэр? – спросил техник по радару.

– Дисциплина и контроль, – повторил Маклин невнятно.

– Полковник? – Уорнер сжал плечо Джимбо.

Маклин дернулся, будто просыпаясь от кошмара. Он оглядел остальных, потом снова уставился на телефон и медленно убрал руку. На мгновение он опять оказался на дне, в грязи и дерьме, во тьме, но теперь он снова был в порядке. Теперь он знал свое место. Точно. Дисциплина и контроль творили чудеса. Маклин отстранился от капитана Уорнера и сузившимися глазами стал наблюдать искорку на экране радара по периметру.

– Нет, – сказал он. – Нет. Они опоздали. Поздно. «Дом Земли» останется запечатанным. – И почувствовал гордость за такое мужественное решение.

В убежище находилось больше трехсот человек, не считая офицеров и техников. Больше ртов – меньше еды. Он был уверен, что поступил правильно.

– Полковник Маклин! – севшим голосом окликнул его Ломбард. – Посмотрите сюда!

Тут же подскочив к экрану, Маклин уставился на изображение. И увидел группу из четырех смертоносных ракет. Одна из них шла будто бы медленнее других, и пока она колебалась, остальные три исчезли за горой Голубой Купол.

– Что происходит?

– Этот объект сейчас идет на высоте двадцать две тысячи четыреста, – сказал Ломбард. – А несколько секунд назад – на двадцати пяти тысячах. Думаю, он падает.

– Не может он падать! Здесь на сотню миль нет ни одного военного объекта! – возмутился сержант Беккер.

– Проверьте еще раз, – приказал Маклин Ломбарду самым спокойным голосом, на какой был способен.

Стрелка радара поползла вокруг с устрашающей медлительностью.

– Двадцать тысяч двести, сэр. Возможно, сбой в системе наведения. Подлая, идет прямо к нам!

– Вот черт! Определите место падения!

Развернули ламинированную карту местности, и Ломбард стал делать расчеты с помощью компаса и транспортира, высчитывая и пересчитывая углы и скорости. Руки его дрожали, и ему не раз приходилось начинать вычисления заново.

Наконец он сказал:

– Он должен пройти над Голубым Куполом, сэр, но у меня нет данных о турбулентности над нами. По моим расчетам, он упадет здесь.

Ломбард ткнул пальцем в точку примерно в десяти милях к западу от реки Литл-Лост. Он еще раз посмотрел на экран:

– Уже на восемнадцати тысячах, сэр. Падает, как сломанная стрела.

Капитан Уорнер – Мишка Тедди – ухмыльнулся.

– Вот она, технология Ивана, – сказал он. – Все у них кое-как.

– Нет, сэр, – крутанулся к нему на кресле Ломбард. – Оно не русское. Это одно из наших.

В помещении повисла гнетущая тишина. Полковник Маклин нарушил ее глубоким вздохом.

– Ломбард, что, черт возьми, вы болтаете?

– Ракета – наша, – повторил тот. – Она двигалась на северо-запад, пока не вышла из-под контроля. Судя по размеру и скорости, думаю, что это «Минитмен-3» с боеголовками «Марк-12» или «12А».

– О... господи, – прошептал Рэй Беккер. Его красное лицо стало пепельно-серым.

Маклин впился в экран радара. Искорка, обозначившая «беглеца», казалось, росла на глазах. У полковника схватило живот – он-то знал, что случится, если «Минитмен-3» с «Марк-12А» рассыплет свои боеголовки в радиусе пятидесяти миль от горы Голубой Купол. Мощности трех ядерных боеголовок по триста тридцать пять килотонн «Марка-12А» достаточно, чтобы снести семьдесят пять Хиросим. «Марк-12» с зарядом из трех боеголовок по сто семьдесят килотонн столь же разрушителен. Но Маклин стал молиться, чтобы это был «Марк-12», потому что в этом случае, может быть, гора выдержит удар, не рассыпавшись на куски.

– Падает на шестнадцать тысячах, полковник.

Пять тысяч футов над Голубым Куполом. Он чувствовал, как другие смотрят на него, ожидая, чем он окажется – глиной или железом. Сейчас ничего нельзя было сделать, оставалось только молиться, чтобы ракета упала как можно дальше от реки Литл-Лост. Его рот скривился в горькой улыбке. Сердце колотилось, но мысли оставались ясными.

«Дисциплина и контроль, – говорил он себе, – вот что делает мужчину мужчиной».

«Дом Земли» был сооружен именно здесь потому, что поблизости не имелось целей для советских ракет и все официальные карты утверждали: радиоактивные ветры будут дуть на юг. Ни в каких самых диких фантазиях полковнику не приходило в голову, что убежище станет мишенью для американского оружия.

«Это несправедливо! – подумал он и чуть не засмеялся. – Нет, совершенно несправедливо!»

– Тринадцать тысяч триста, – напряженно произнес Ломбард.

Он поспешно сделал по карте еще одно вычисление, но не сказал, что получилось, и Маклин не спросил его. Полковник знал, что им предстояло выдержать изрядную встряску, и подумал о трещинах в потолках и стенах «Дома Земли», о тех разломах и провалах, о которых эти сукины братья Осли должны были позаботиться, прежде чем открывать убежище. Маклин пристально смотрел на экран прищуренными глазами и втайне надеялся, что, прежде чем умереть, Осли почувствуют, как поджаривается их собственная шкура.

– Двенадцать тысяч двести, полковник.

Шорр панически всхлипнул и подтянул колени к груди. Он уставился в пустоту, как будто уже видел в хрустальном шаре время, место и обстоятельства своей смерти.

– Вот дьявол, – спокойно сказал Уорнер, еще раз затянулся сигарой и раздавил ее в пепельнице. – Думаю, нам нужно устроиться поудобнее. Бедолаг наверху раскидает, как тряпичных кукол.

Он вжался в угол, опустившись на пол руками и ногами.

Капрал Прадос снял наушники и прислонился к стене. По его щекам катились бисеринки пота. Беккер стоял рядом с Маклином, который смотрел на приближавшуюся искру на радаре Ломбарда и считал секунды до взрыва.

– Одиннадцать тысяч двести. – Плечи Ломбарда опустились. – Она проходит мимо Голубого Купола! Проходит на северо-запад! Думаю, ударит в реку! Пролетай, скотина, пролетай!

– Пролетай, – выдохнул Беккер.

– Пролетай, – сказал Прадос и зажмурился. – Пролетай. Пролетай.

Искра исчезла с экрана.

– Мы потеряли ее, полковник! Она ушла ниже зоны действия радара!

Маклин кивнул. Но ракета все еще падала к лесу возле реки Литл-Лост, и полковник продолжал отсчет.

Все услышали шум, похожий на далекий слитный рев тысяч труб.

Наступила тишина.

– А вот теперь... – сказал Маклин.

В следующее мгновение экран радара вспыхнул ярким светом. Все закричали и закрыли глаза. Маклин на миг ослеп от вспышки. Он понял, что наставленный в небо радар на вершине Голубого Купола испепелен. Другие экраны тоже засветились, как зеленые солнца, и вышли из строя сразу же вслед за вспышкой главного экрана. Помещение заполнил трубный рев, а пульта управления стали извергать снопы голубых искр: всю проводку замкнуло.

– Держитесь! – заорал Маклин.

Полы и стены затрясло, трещины молниями разбежались по потолку. Посыпались пыль и щебень, на пульта управления обрушился град крупных камней. Зал довольно сильно качнуло, Маклин и Беккер упали на колени. Свет мигнул и погас, но через несколько секунд включилось аварийное оборудование, и освещение стало резче, ярче, оно отбрасывало более глубокие тени, чем прежде.

Еще один слабый толчок, еще один дождь известки и камней – и пол успокоился.

Волосы Маклина побелели от пыли, лицо тоже было испачкано, а кожа ободрана. Но воздухоочистительная система гудела: пыль уже всасывалась в стенные вентиляционные решетки.

– Все в порядке? – прокричал полковник, пытаясь стереть зеленую пелену с глаз.

Он услышал кашель. Кто-то всхлипывал – должно быть, Шорр.

– Все ли в порядке?

Ответили все, кроме Шорра и одного техника.

– Ну, пронесло! – сказал он. – Проскочили!

Он знал, что на верхних уровнях, у гражданских, наверняка есть переломы, сотрясения мозга и шоковые состояния, а сейчас эти люди, наверное, в панике. Но свет горел, система очистки воздуха работала, и «Дом Земли» не рассыпался, как картонный домик в бурю.

«Пронесло! Теперь мы справимся!»

Часто моргая из-за зеленой пелены в глазах, полковник с усилием встал на ноги. Короткий лающий смех вырвался из его стиснутых зубов. Он хохотал все громче и громче, потому что был жив, а его крепость все еще стояла. Кровь его кипела и бурлила, как бывало в жарких джунглях и на пересохших равнинах чужеземных полей сражений. На огневых рубежах враг носил лик дьявола и не прятался за маской психиатров ВВС, налоговых инспекторов, бывших жен и ненадежных деловых партнеров. А он был полковником Джимбо Маклином, он шел, словно тигр, худой и мускулистый, и рядом с ним, как всегда, был Солдат-Тень.

Сейчас он в очередной раз победил смерть и бесчестье. Полковник усмехнулся белыми от пыли губами.

Но тут раздался звук, словно гигантские руки раздирали огромное полотно. Смех полковника оборвался. Маклин протирает глаза, стараясь рассмотреть сквозь зеленую пелену, откуда шел этот звук, – и наконец увидел.

Стена перед ним распадалась – по ней бежали тысячи мелких, сходящихся друг с другом трещин. Наверху, там, где стена соединялась с потолком, толчками, зигзагами разрастался громадный разлом, и потоки грязной вонючей воды устремились вниз, как кровь из чудовищной раны. Треск разрываемой ткани стал громче вдвое, втрое. Полковник посмотрел под ноги и разглядел, что вторая трещина ползет через пол. Третья змеилась по противоположной стене.

Он слышал, как Беккер что-то кричал, но искаженный голос доходил медленно, словно в кошмарном сне. Глыбы камней летели сверху, разбивая в куски потолочные плиты, и новые потоки воды устремлялись вниз. Маклин ощутил вонь нечистот, а когда вода обдала его, он понял, что так и есть. Где-то в системе канализации разорвало трубы – может быть, неделю

или даже месяцы назад, и вонючая масса, копившаяся не только под первым, верхним, но и между первым и вторым уровнями, размыла неустойчивую перегруженную скалу, на которой держался весь кроличий садок «Дома Земли».

Пол вздыбился под таким углом, что Маклин покатился вниз. Каменные плиты терлись друг о друга, как мельничные жернова, и, когда зигзаги трещин соединялись, с потолка каскадом падали потоки воды и камни.

Маклин споткнулся о Беккера и ударился о пол. Он услышал вскрик Беккера, а когда обернулся, то увидел, как тот валится в разверзшуюся в полу пропасть. Пальцы Беккера уцепились за край, но вдруг щель с глухим стуком закрылась, и Маклин с ужасом увидел, как пальцы взлетели вверх, словно сосиски.

Стены помещения неудержимо перемещались, будто в фантастической комнате смеха. Куски пола отрывались и падали вниз, оставляя черные провалы. Шорр взвизгнул и метнулся к двери, перепрыгнув через яму, возникшую на его пути. Когда он вырвался в коридор, Маклин увидел, что и там стены изборождены щелями. Огромные каменные глыбы валились в пропасть. Шорр с воплем исчез в клубах пыли. Коридор трясло и подбрасывало, пол ходил ходуном, будто стальные арматурные стержни стали резиновыми.

Повсюду сквозь стены, полы и потолки слышались удары, словно безумный кузнец бил по наковальне. Грохот сливался со скрежетом трущихся камней и стонами арматуры, которая лопалась, как перетянутые гитарные струны. Над всей этой какофонией взвивался и утихал многоголосый крик.

Маклин знал, что гражданские на верхних уровнях гибнут, заваленные обломками. Посреди этого шума и хаоса он скорчился в углу, сознавая, что «Дом Земли» разваливается на части под действием ударных волн от ракеты-«беглеца».

На полковника лилась вонючая вода. Поток пыли и щебня обрушился в коридор, а вместе с ним и нечто, напоминающее искалеченное человеческое тело. Этот завал перекрыл дверь в зал управления. Кто-то – скорее всего, Уорнер – схватил его за руку и стал поднимать на ноги. Он слышал, как воет Ломбард, точно задавленная собака.

«Дисциплина и контроль! – подумал он. – Дисциплина и контроль!»

Свет погас. Вентиляторы издали предсмертный выдох и затихли. Через мгновение пол ушел у Маклина из-под ног. Полковник упал и услышал собственный крик. Он ударился плечом о выступ скалы, а затем о ее основание, так сильно, что у него захватило дух и крик оборвался.

В крошечной мгле перемещались друг с другом коридоры и помещения «Дома Земли». Тела были зажаты и искалечены челюстями перемалывающих скал. Сверху падали каменные плиты, проламывая ослабевшие перекрытия. В уцелевших секторах убежища текли глубокие потоки зловонной жижи. Люди во тьме давили и затаптывали друг друга до смерти, чтобы вырваться наружу. Вопли, визг и мольбы к Богу сливались в адский хор, а ударные волны продолжали дробить гору Голубой Купол, создавая в ней пустоты, уничтожая несокрушимую крепость, вырезанную в ее чреве.

Глава 11

Привилегия

13:18 (восточное летнее время)

Борт воздушного командного пункта

Президент Соединенных Штатов смотрел запавшими, покрасневшими глазами в овальное окно из органического стекла и видел под «Боингом Е-4В» взбаламученное море черных туч. Тридцатью пятью тысячами футов ниже самолета мерцали желтые и оранжевые вспышки, на остриях чудовищных молний вскипали облака. Самолет трясло, утягивало воздушным пото-

ком вниз на тысячу футов, но затем, завывая всеми четырьмя реактивными двигателями, он вновь набирал высоту. Небо стало цвета грязи, солнце закрыли плотные облака. Взметнувшись на тридцать тысяч футов от поверхности земли, они состояли из обломков исчезающей цивилизации: горящих деревьев, целых домов, частей зданий, кусков мостов, шоссе и железнодорожных рельсов, раскаленных добела. Предметы всплывали на поверхность, как гниющие растения со дна черного пруда, а затем снова втягивались вниз, чтобы уступить место новой волне человеческого мусора.

Словно загипнотизированный, президент не мог выдержать этого зрелища и в то же время не мог оторвать от него взгляд. Он смотрел, как голубые вспышки молний прорывались сквозь облака. «Боинг» трясся, сваливался на крыло, потом с трудом взбирался вверх, выравнивался и поднимался, как на скейтборде. Что-то огромное, пылающее проскочило мимо иллюминатора, и президенту показалось, что это часть поезда, заброшенного ввысь чудовищной взрывной волной и сверхмощными ураганскими ветрами, которые были над обожженной землей.

Кто-то наклонился и задвинул президентское окно дымчатым стеклом:

– Думаю, вам не стоит больше смотреть на это, сэр.

Несколько секунд президент пытался узнать человека, сидевшего напротив него в черном кожаном кресле.

«Ганс, – сообразил он, – министр обороны Хэннен».

Президент огляделся, стараясь привести мысли в порядок. Он находится на борту «боинга», где размещен воздушный командный пункт системы управления Вооруженными силами США, в своих апартаментах в хвосте самолета. Перед ним сидит Хэннен, а через проход – человек в форме капитана секретной службы ВВС. Человек статен и широкоплеч, его глаза скрыты под солнцезащитными очками. На правом запястье – наручник, соединенный цепью с маленьким черным чемоданчиком, который лежит на пластиковом столе.

За дверью президентских апартаментов находился настоящий нервный узел: радарные экраны, компьютер и системы, обеспечивающие связь с САК, НОРАД, командованием Объединенными силами НАТО в Европе, а также со всеми военно-воздушными, военно-морскими базами и базами межконтинентальных баллистических ракет. Техники, обслуживавшие оборудование, прошли специальный отбор в разведуправлении Министерства обороны, которое отобрало и обучило человека с черным чемоданчиком. На борту самолета также находились офицеры разведуправления Министерства обороны и несколько армейских и летных генералов, выполнявших особо ответственные обязанности. Они отвечали за составление общей картины по донесениям, которые поступали из различных точек театра военных действий.

Реактивный лайнер кружил над Виргинией с шести утра, а в девять сорок шесть поступило первое взволнованное донесение из штаба ВМС: столкновение между специальными поисковыми истребителями и крупной флотилией советских ядерных подлодок к северу от Бермуд.

Согласно этому сообщению, русские ударили подводными баллистическими ракетами в девять пятьдесят восемь. Но позже выяснилось, что командир американской субмарины запустил крылатую ракету, не имея на то оснований, тем более в столь напряженный момент. Трудно было сказать, кто начал первым. Теперь это уже не имело никакого значения. Первый советский удар был нанесен по Вашингтону: три боеголовки поразили Пентагон, четвертая попала в Капитолий, а пятая – в базу Эндрюс. Выпущенные по Нью-Йорку ракеты за пару минут разрушили Уолл-стрит и Таймс-сквер.

Очередь советских ракет подводного базирования быстро прошла по Восточному побережью, но в то же время бомбардировщики «В-1» летели к сердцу России, американские подлодки, окружившие Советский Союз, запускали свое оружие, а ракеты стран НАТО и Варшавского договора расчерчивали небо Европы. Русские субмарины, находившиеся в засаде

у Западного побережья США, запустили ядерные боеголовки, которые уничтожили Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Диего, Сиэтл, Портленд, Финикс и Денвер. Затем русские разделяющиеся ядерные боеголовки на межконтинентальных баллистических ракетах – воистину чудовищные монстры – улетели в сторону Аляски и Северного полюса и в считанные минуты уничтожили базы ВВС и ракетные установки на Среднем Западе и испепелили города в глубине континента. Первой мишенью оказалась Омаха, а с ней и Штаб стратегических ВВС. В двенадцать ноль девять в наушники оператора поступил финальный искаженный сигнал от североамериканских ПВО: «Оставшиеся птички упорхнули».

Одновременно с этим сообщением, означавшим, что несколько последних крылатых ракет, «Минитменов-3», было запущено из тайных бункеров где-то в Западной Америке, остатки НОРАД тоже взлетели на воздух.

Министр обороны Хэннен сидел в наушниках, через которые ему по мере обработки поступали донесения. Президент беспроводную связь снял – после того, как погибло НОРАД. Во рту у него стоял привкус пепла, и ему страшно было подумать о черном чемоданчике, что лежал через проход от него.

Хэннен слушал далекие голоса командиров подлодок и пилотов бомбардировщиков, все еще охотившихся за мишенями или пытавшихся уцелеть в скоротечных яростных стычках на половине планеты. Морские силы обеих сторон были уничтожены, и теперь Западная Европа оказалась меж огней наземных войск. Его внимание было приковано к далеким призрачным голосам, плывшим по штормам атмосферных помех, потому что думать о чем-нибудь, кроме работы, в данный момент означало сойти с ума.

Его не зря звали Железный Ганс. Он знал: чтобы не раскиснуть, нельзя давать волю воспоминаниям и жалости.

Атмосферные вихри подхватили воздушный командный пункт, самолет резко швырнуло вверх, а потом он стал снижаться с тошнотворной скоростью. Президента вжало в кресло, он вцепился в подлокотники. Он знал, что больше не увидит ни жены, ни сына. Вашингтон стал лунным пейзажем, дымящимися руинами. В обуглившемся здании архива превратились в пепел и Декларация независимости, и Конституция, а в аду Библиотеки конгресса уничтожены труды миллионов людей. Как же стремительно все это произошло – как быстро!

Ему хотелось плакать и кричать, но он был президентом Соединенных Штатов. На его запонках красовалась президентская печать. Он вспомнил – казалось, это было давным-давно, – как спрашивал жену, подойдет ли голубая рубашка в полоску к светло-коричневому костюму. Он был не в состоянии выбрать галстук: решение таких вопросов давалось ему с трудом. Тогда он больше не мог думать, не мог что-нибудь анализировать – его мозг превратился в солончаковое болото. Джулиана подала ему подходящий галстук и вдела запонки в манжеты. Потом он поцеловал ее, обнял сына, и их вместе с другими семьями администрации отвезли из секретной службы в подземное убежище.

«Все это уничтожено, – подумал он. – Боже мой... все уничтожено!»

Он открыл глаза и сдвинул шторку с окошка. Самолет окружали черные облака, пламеневшие красными и оранжевыми шарами. Из их глубины выстреливали клочья огня и пробивались молниями вверх на тысячи футов выше лайнера.

«Однажды, – вспомнил он, – нам понравилось играть с огнем».

– Сэр? – тихо спросил Хэннен и снял наушники.

Президент был бледен, его губы сильно дрожали. Хэннен решил, что президента тошнит от виражей.

– Вам плохо?

На пергаментном лице открылись безжизненные глаза.

– Все в порядке, – прошептал он и едва заметно улыбнулся.

Хэннен прислушался к голосам в наушниках.

– Только что над Балтикой сбит последний «В-1». Советы восемь минут назад разрушили Франкфурт, а шесть минут назад по Лондону был нанесен удар разделяющейся боеголовкой, – доложил он президенту.

Тот сидел неподвижно, как каменный.

– Каковы потери? – устало спросил он.

– Сведения еще не поступили. Голоса настолько искажены из-за атмосферных помех, что даже компьютеры не в состоянии разобрать их.

– Мне всегда нравился Париж, – прошептал президент. – Знаете, мы с Джулианой провели в Париже медовый месяц. Как там?

– Не знаю. Из Франции еще ничего не поступало.

– А Китай?

– Пока молчание. Думаю, что китайцы терпеливо ждут.

Лайнер подпрыгнул и опять снизился. Двигатели выли в замусоренном воздухе, борясь за высоту. Лицо президента озарил отблеск голубой молнии.

– Ну что ж, – промолвил он. – Вот сейчас мы здесь. Куда мы отсюда отправимся?

Хэннен хотел ответить, но не нашел подходящих слов. У него перехватило горло. Он потянулся, чтобы опять закрыть окно, но президент твердо сказал:

– Не надо. Оставьте. Я хочу видеть. – Он медленно повернул голову к Хэннену. – Все кончено?

Хэннен кивнул.

– Сколько миллионов уже мертвы, Ганс?

– Не знаю, сэр. Я бы не беспокоился...

– Не опекайте меня! – неожиданно закричал президент так громко, что подскочил даже суровый капитан ВВС. – Я задал вам вопрос и жду на него ответа: точную оценку, прикидку, все что угодно! Вы слушали донесения. Скажите мне!

– В Северном полушарии, – начал, дрожа, министр обороны, и стальная маска на его лице стала расплываться, как дешевая пластмасса. – Я бы оценил... от трехсот до пятисот пятидесяти. Миллионов.

Президент закрыл глаза.

– А сколько умрет за неделю, считая с сегодняшнего дня? За месяц? За полгода?

– Возможно... еще двести миллионов за следующий месяц, от ран и радиации. А потом... одному богу известно.

– Богу, – повторил президент. По щеке у него скатилась слеза. – Бог сейчас смотрит на меня, Ганс. Я чувствую, что он смотрит на меня. Он знает, что я погубил мир. Я... Я погубил мир.

Он закрыл лицо руками и застонал.

«Америка пропала, – подумал он. – Исчезла».

– Ох, – всхлипнул он, – о нет!

– Думаю, пора, сэр. – Голос Хэннена звучал почти нежно.

Президент поднял мокрые глаза и остекленело посмотрел на черный чемоданчик на другой стороне прохода. Потом снова отвел взгляд и уставился в иллюминатор.

«Сколько народу могло остаться в живых после такого опустошения?» – мучил его вопрос.

Нет, лучше было спросить: «Сколько народу хотело бы после этого остаться в живых?» Потому что из докладов и исследований на военную тему ему было ясно одно: сотни миллионов погибших в первые часы – счастливы. А те, кто останется в живых, будут завидовать мертвым.

«Я все еще президент Соединенных Штатов, – сказал он себе. – Да. И мне все еще предстоит принять одно решение».

Лайнер завибрировал, как будто ехал по булыжной мостовой. На несколько секунд он зарылся в черные облака. Во тьме врывался в окна свет вспышек и шаровых молний. Потом самолет переменял курс и продолжил кружение, уклоняясь от черных столбов.

Президент подумал о жене и сыне. Пропали. Подумал о Вашингтоне и Белом доме. Пропали. О Нью-Йорке и Бостоне. Пропали. О лесах и дорогах, о лугах и прериях, о пляжах. Пропало, все пропало.

– Давайте, давайте все же приступим.

Хэннен со щелчком открыл подлокотник кресла и выдвинул маленький пульт управления. Нажав кнопку, он включил связь между салоном и пультом пилота, потом набрал свой код и повторил координаты нового курса. Лайнер сделал вираж и полетел вглубь континента, прочь от руин Вашингтона.

– Мы будем в зоне приема через пятнадцать минут, – сказал министр обороны.

– Вы... помолитесь со мной? – прошептал президент, и оба они склонили головы.

Когда закончили молитву, Хэннен сказал:

– Капитан? Мы готовы.

И уступил свое место офицеру с чемоданчиком.

Тот сел напротив президента, положил чемоданчик на колени и отомкнул наручник маленьким лазером, напоминавшим фонарик. Потом достал из внутреннего кармана мундира запечатанный конверт и, разорвав его, извлек изящный золотой ключ. Капитан вставил его в один из двух замков чемоданчика и повернул вправо. Замок поддался с тонким звуком включающегося экрана. Офицер повернул чемоданчик к президенту. Тот тоже вынул из кармана пиджака заклеенный конверт, разорвал его и достал оттуда серебряный ключик. Президент вставил его во второй замок, повернул влево, и снова послышался тонкий звук, слегка отличающийся от первого.

Капитан ВВС поднял крышку чемоданчика. Внутри была маленькая клавиатура с плоским дисплеем, который установился вертикально, когда крышка открылась. В нижней части клавиатуры находились три кружка: зеленый, желтый и красный. Зеленый кружок засветился.

Рядом с президентским креслом справа у окна была прикреплена маленькая черная коробка с аккуратно уложенными в нее двумя кабелями – зеленым и красным. Президент размотал провода, медленно и осторожно. На их концах располагались разъемы, которые он вставил в соответствующие гнезда сбоку клавиатуры. Черный кабель соединил чемоданчик с одной из тянувшихся за лайнером вытяжных антенн длиной в пять миль.

Президент колебался всего несколько секунд. Решение принято. Он отстучал на клавишах свой код из трех букв.

На дисплее появилась надпись: «Здравствуйте, господин президент».

Он откинулся назад и замер, подергивая уголком рта.

Хэннен поглядел на часы:

– Мы в зоне, сэр.

Медленно и тщательно президент отстучал: «Вот Белладонна, Владычица Скал, владычица обстоятельств».

Компьютер ответил: «Вот человек с тремя опорами, вот Колесо».

Лайнер сделал горку и заметался. Что-то проскребло по борту самолета, будто ногтем по школьной доске.

Президент написал: «А вот одноглазый купец, эта карта...»

«...пустая – то, что купец несет за спиной...» – ответил компьютер.

«...от меня это скрыто», – отстучал президент.

Засветился желтый круг.

Президент сделал глубокий вдох, как перед прыжком в темную бездонную воду, и написал: «Но я не вижу Повешенного».

«Ваша смерть от воды», – пришел ответ.

Засветился красный круг. Дисплей опустел.

Затем компьютер доложил: «„Когти“ выпущены, сэр. Десять секунд для отмены».

– Господи, прости меня, – прошептал президент, его палец потянулся к клавише «Н».

– Боже! – неожиданно вырвалось у капитана ВВС. Широко открыв рот, он уставился в иллюминатор.

Президент тоже посмотрел туда.

Сквозь смерч горящих домов и обломков, вверх, к воздушному командному пункту, метнулось, как метеор, страшное видение. Целых две драгоценных секунды понадобилось президенту, чтобы разобраться, что это такое: покореженный автобус «грейхаунд» с пылающими колесами, из его разбитых окон свешивались обугленные трупы. На табличке над лобовым стеклом вместо пункта назначения значилось: «Заказной».

В этот же миг, вероятно, его увидел и пилот, потому что моторы заревели на пределе своих возможностей, а нос самолета задрался так резко, что ускорение вдавило президента в кресло, как будто он весил полтысячи фунтов. Клавиатура и чемоданчик сорвались с колен капитана, обе вилки выскочили из розеток, компьютер упал в проход, заскользил по нему и застрял под другим креслом. Президент увидел, как автобус завалился набок, из окон посыпались трупы. Они падали, как горящие листья. Автобус ударил по крылу и борту лайнера с такой силой, что двигатель на консоли взорвался.

Половина крыла была грубо вырвана, второй двигатель запылал, как рождественская свеча. Куски развалившегося от удара «грейхаунда» упали в воздушную воронку и, засосанные ею, исчезли из виду.

Искалеченный самолет командного пункта стал заваливаться на крыло, два оставшихся мотора дрожали от напряжения, готовые сорваться с креплений. Президент услышал собственный крик. Лайнер потерял управление и, пока пилот пытался справиться с деформированными закрылками и рулями, снизился на пять тысяч футов. Восходящий поток подхватил его и забросил на тысячу футов вверх. Затем однокрылый самолет, завывая, стал падать с высоты десять тысяч футов, вошел в штопор и наконец под острым углом понесся к изувеченной земле.

Черные тучи закрыли его турбулентный след, и президент Соединенных Штатов пропал.

Часть третья Свет изгнан

Глава 12 «Мы пляшем вокруг кактуса»

«Я в аду! – панически думала Сестра Жуть. – Я мертвая и с грешниками горю в аду!»
Ее охватила еще одна волна нестерпимой боли.

«Иисус, помоги!» – попыталась крикнуть она, но смогла издать только хриплый звериный стон.

Она всхлипывала, стиснув зубы, пока боль не отступила. Женщина лежала в полной тьме, и ей казалось, что она слышит вопли горящих грешников в дальних глубинах ада – слабые страшные завывания и визг, наплывавшие на нее, как вонь, испарения и запах обугленной кожи, которые и привели ее в сознание.

– Дорогой Иисус, спаси меня от ада! – молила она. – Не дай мне вечно гореть заживо!

Пронзительная боль грызла ее. Сестра Жуть свернулась калачиком. Вонючая вода брызгала ей в лицо, била в нос, и несчастная плевалась и вдыхала кислый парной воздух.

«Вода, – подумала она. – Вода! Я лежу в воде».

В лихорадочном сознании Сестры Жуть, как угольки на дне жаровни, стали разгораться воспоминания. Она села, ее избитое тело вздулось, а когда она поднесла руку к лицу, волдыри на щеках и на лбу полопались и потекла какая-то жидкость.

– Я не в аду, – сорванным голосом произнесла она. – Я не мертвая... пока.

Тут женщина вспомнила, где находится, но не могла понять, что случилось и откуда пришел огонь.

– Я жива, – сказала она громче.

Ее голос эхом отозвался в туннеле, и, раздирая треснувшие, покрытые волдырями губы, она закричала:

– Я жива!

Невыносимая боль терзала ее. Тело то ломило от жара, то трясло от холода. Она измучилась, ужасно измучилась, ей хотелось опять лечь в воду и уснуть, но она боялась, что если ляжет, то может не проснуться. Она нагнулась, ища в темноте свою холщовую сумку, и несколько секунд в панике шарила, не находя ее. Потом руки наткнулись на обуглившуюся и насквозь мокрую тряпку, женщина подтащила ее к себе и прижала крепко, как ребенка.

Сестра Жуть попыталась встать. Почти сразу же ноги подкосились, и она плюхнулась в воду, посидела, пережидая боль и стараясь собраться с силами. Волдыри на лице стали подсыхать, стягивая лицо в маску. Женщина подняла руку, ощупала лоб, потом волосы. Шапочка исчезла, волосы стали похожи на пересохшую траву на лужайке, все лето росшую без единой капли дождя.

«Я обгорела налысо!» – подумала она, и из ее горла вырвался полусмех-полурыдание.

Несколько волдырей на голове лопнули, и бедняжка быстро убрала руку, не желая больше ничего знать. Потом еще раз попыталась встать, и теперь ей это удалось.

Сестра Жуть коснулась рукой пола туннеля на уровне чуть выше своего живота. Она собиралась одним рывком выскочить из ямы. Плечи у нее все еще ныли от усилий, с которыми она отрывала решетку, но эта боль не шла ни в какое сравнение со страданиями, какие ей причиняли волдыри на коже. Женщина закинула сумку наверх: все равно рано или поздно придется выкарабкаться отсюда и забрать ее. Она уперлась ладонями в бетон и напряглась,

чтобы оттолкнуться, но решимость покинула ее, и она стояла и думала, что если через год или два здесь пройдет какой-нибудь слесарь, то, пожалуй, найдет скелет вместо живого человека.

Наконец Сестра Жуть оттолкнулась. Напрягшиеся мышцы плеч заныли, локоть был готов подломиться. Но когда она стала сползать обратно в дыру, ей удалось поставить на край ямы колено, потом другое. Волдыри на руках и ногах лопнули с легким звуком. Сестра по-крабьи вскарабкалась на выступ и легла животом на пол туннеля. Она тяжело дышала, голова кружилась, руки опять нащупали и сжали сумку.

«Вставай, – подумала она. – Шевелись, ты, мешок с костями, или умрешь здесь».

Она поднялась, держа перед собой сумку, словно щит, и пошла, спотыкаясь в темноте. Ноги были как деревянные чурки. Несколько раз она падала, зацепившись за обломки и сорванные провода. Но останавливалась лишь затем, чтобы перевести дух и переждать боль, а потом опять выпрямлялась и шла дальше.

Сестра Жуть натолкнулась на лестницу и стала взбираться по ней, но проход оказался забит кабелями, обломками бетона и кусками труб. Она вернулась в туннель и отправилась искать другой выход. По дороге воздух в некоторых местах был раскален и нечем было дышать, и она делала несколько быстрых неглубоких вдохов, чтобы не потерять сознание.

Она ощупью шла по туннелю, наталкиваясь на завалы. Ей приходилось менять направление, она обнаруживала другие лестницы, которые вели наверх, к заблокированным площадкам или к люкам, крышки которых нельзя было поднять. Мысли ее метались, как звери в клетке.

«Шаг за шагом, – говорила она себе. – Шаг, а потом еще один, и ты дойдешь туда, куда тебе нужно».

Волдыри на лице, руках и ногах полопались от движения. Она останавливалась и присаживалась передохнуть, в легких свистело от тяжелого воздуха. Не было слышно ни шума подземки или автомобилей, ни криков горящих грешников.

«Там случилось что-то страшное, – подумала она. – Не Царствие Божие, не второе пришествие – но что-то страшное».

Сестра Жуть заставила себя идти дальше. Шаг за шагом. Один шаг, потом другой.

Она нашла еще одну лестницу и поглядела наверх. На высоте около двадцати футов, на лестничной клетке, виднелся полумесяц сумрачного света. Она карабкалась, пока не поднялась настолько, что коснулась крышки люка, на два дюйма сдвинутой той же ударной волной, которая сотрясла туннель. Женщина просунула пальцы между железом и бетоном и сдвинула крышку с места.

Свет был бурый, как засохшая кровь, и такой мутный, словно просачивался сквозь несколько слоев толстой марли. И все же Сестре Жуть пришлось щуриться, прежде чем глаза к нему привыкли.

Она смотрела на небо – на небо, какого раньше никогда не видела. Над Манхэттеном клубились грязно-коричневые облака, из них вырывались вспышки голубых молний. Горячий горький ветер с силой бил ей в лицо, едва не отрывая от лестницы. В отдалении гремели раскаты грома, но такого грома Сестра Жуть в жизни не слышала: будто кувалдой молотили по железу. Ветер выл на разные голоса и, врываясь в люк, толкал ее вниз. Но она напряглась, одолела последние две ступени и вместе с сумкой выползла наружу.

Ветер швырнул Сестре Жуть в лицо облака пыли, и на несколько секунд она ослепла. Когда перед глазами прояснилось, она увидела, что вылезла из туннеля куда-то вроде свалки.

Вокруг нее высились раздавленные остовы легковых автомобилей, такси и грузовиков, некоторые сплывались воедино, образуя причудливые скульптурные композиции из металла. Покрышки на нескольких машинах еще дымились, а на других расплылись черными лужами. В мостовых зияли разверстые щели до пяти-шести футов шириной, из многих вырывались клубы пара или струи воды, похожие на действующие гейзеры. Сестра Жуть изумленно огляделась, щурясь от пыльного ветра. Кое-где земля провалилась, кое-где вздымались горы из обломков,

миниатюрные Эвересты из металла, камней и стекла. Между ними гудели и метались, гуляли среди руин воздушные потоки. Многие здания были разломаны на части, обнажились металлические скелеты, искореженные и разорванные, точно они были соломенными.

Густой дым полз от горящих зданий и куч обломков и колыхался в порывах ветра, а из черных глубин плотных облаков к земле устремлялись молнии. Сестра Жуть не видела солнца, даже не могла сказать, где оно может находиться, за каким из клубившихся в небе облаков. Она искала Эмпайр-стейт-билдинг, но небоскребов вообще не было. Все верхние этажи, по-видимому, были снесены, хотя из-за дыма и пыли она все равно не могла бы увидеть, стоит ли это здание. Теперь Манхэттен превратился в перекопанную свалку отходов, холм обломков и дымящиеся расщелины.

«Суд Божий, – подумала она. – Бог поразил город зла, смел всех грешников навечно в адское пламя!»

Внутри у нее зародился безумный хохот, и, когда она подняла лицо к грязным облакам, по щекам хлынула жидкость из полопавшихся волдырей.

Молния ударила в искореженный каркас ближнего здания, и в воздухе в безумном танце заметались искры. Вдалеке, над вершиной огромной горы обломков, Сестра Жуть увидела столб смерча. Еще один закручивался справа. А выше, в облаках, подпрыгивали огненно-красные шаровые молнии, похожие на горящие мячики в руках жонглера.

«Все пропало и разрушено, – подумала она. – Конец света. Хвала Богу! Хвала благословенному Иисусу! Конец света, и все грешники горят в...»

Она хлопнула себя руками по голове и вскрикнула. Что-то в ее мозгу разбилось, как зеркало в комнате смеха, которое служило только для того, чтобы отражать искаженный мир. И когда осколки осыпались, проявились иные образы: она увидела себя молодой, гораздо более симпатичной. Она толкала тележку вдоль торгового ряда. Пригородный кирпичный домик с зеленым двориком и припаркованным грузовичком. Городок с главной улицей и статуей на площади. Лица, некоторые смутно различимые, другие едва знакомые. Затем голубые вспышки молний, и дождь, и демон в желтом плаще наклоняется и говорит: «Дайте ее мне, леди. Дайте ее мне скорее...»

«Все пропало и разрушено. Суд Божий! Хвала Иисусу!» – «Дайте ее мне скорее...» – «Нет. Нет!»

«Все пропало, все разрушено! – вспомнив, подумала она. – Грешники горят в аду! Нет! Нет! Нет!»

Сестра Жуть зарыдала, потому что все вокруг лежало в огне и руинах. И в этот миг до нее дошло, что Создатель не может уничтожить свое творение одной спичкой, как неразумное дитя в порыве гнева. Это не был ни Судный день, ни Царствие Божие, ни второе пришествие. То, что произошло, не могло иметь ничего общего с Богом. Это явно было злобное уничтожение без смысла, без цели, без разума.

Впервые с того момента, как выкарабкалась из люка, Сестра Жуть посмотрела на свои покрытые волдырями ладони, на порванную в клочья одежду. Кожу саднило от ожогов, под набухшими пузырями скопилась желтая жидкость. Сумка едва держалась на ремнях, через прожженные дыры из нее вываливались вещички. Потом среди дыма и пыли женщина увидела то, чего в первый момент не заметила: лежавшие на земле обугленные предметы, которые весьма смутно могли быть опознаны как человеческие останки. Почти перед ней возвышалась целая груда, будто кто-то смел их в одно место, как кучку угольной пыли. Они заполняли улицу, залезали в раздавленные автомобили или наполовину высывались из них. Один свернулся возле велосипеда, другой жутко скалил белые зубы на обезображенном лице. Землю покрывали сотни обгорелых трупов, их кости были вплавлены в картину сюрреалистического ужаса.

Сверкнула молния. Ветер завывал в ушах Сестры Жуть зловещим голосом смерти.

Она побежала. Ветер хлестал ее по лицу, слепя дымом, пылью и пеплом, она пригибала голову. Вдруг, взбираясь по склону холма из обломков, она поняла, что забыла сумку, но не смогла заставить себя вернуться в эту долину мертвых.

Она перескакивала через завалы, из-под ее ног срывались вниз лавины обломков – смятые телевизоры и стереоаппаратура, спекшиеся куски компьютеров, радиоприемников, обгоревшие мужские костюмы и изысканные женские туалеты, обломки красивой мебели, обуглившиеся книги, антикварное серебро, превратившееся в слитки металла. И повсюду множество развороченных автомобилей и останков, погребенных в катастрофе, – сотни тел и обугленных кусков плоти, рук и ног, торчащих из завалов, как будто это был склад манекенов.

Сестра Жуть взобралась на вершину холма, где дул такой свирепый горячий ветер, что ей пришлось опуститься на колени, иначе бы ее унесло. Глядя по сторонам, она увидела весь масштаб катастрофы: от Центрального парка осталось несколько деревьев, на протяжении всего того, что было когда-то Восьмой авеню, бушевали пожары, похожие на кроваво-красные рубины за занавесью дыма. На востоке не осталось даже признака Рокфеллеровского центра или вокзала Гранд-Сентрал, только обвалившиеся конструкции, торчавшие, как гнилые зубы. На юге исчез небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг, а на месте Уолл-стрит танцевала воронка смерча. Груды сплошных завалов на западе шли до самого Гудзона.

Панорама казалась апофеозом ужаса и погрузила Сестру Жуть в оцепенение. Ее сознание достигло порога осмысления, и все стало плоским. Все стало восприниматься как детские мультфильмы и комедии: «Джетсоны», «Пес Гекльберри», «Майти Маус» и «Три балбеса». Она съезжилась на вершине холма под порывами воющего ветра и невидящим взглядом смотрела на руины. На ее губах застыла слабая улыбка. Единственная здравая мысль билась в ее мозгу: «Боже, что же случилось с этим волшебным уголком?» И ответом было: «Все пропало, все уничтожено».

– Вставай, – сказала она себе, и ветер сдул эти слова с ее губ. – Вставай. Ты что, собираешься остаться здесь? Здесь нельзя оставаться! Вставай! Иди по одному шажку. Шаг, потом еще один – и ты придешь куда нужно.

Но прошло много времени, прежде чем она опять смогла идти. Спотыкаясь, она побрела, как старуха, вниз по другому склону холма из обломков, бормоча что-то себе под нос.

Она не знала, куда идет, да ее это и не особенно заботило. Молнии сверкали все чаще, землю потряс удар грома. Черный противный морозящий дождь посыпался из облаков, сильный ветер иголками колотил ей лицо.

Сестра Жуть, спотыкаясь, брела от холма к холму. Вдали ей почудился женский вскрик, и она отозвалась, но ответа не получила. Дождь полил сильнее, ветер хлестал по щекам.

И тут – она не знала, сколько времени прошло, – она приблизилась к краю завала и остановилась около смятого каркаса желтого такси. Рядом находился указатель, согнутый почти в узел, на нем значилось: «Сорок вторая улица». На всей улице осталось стоять только одно здание.

Касса кинотеатра «Эмпайр-стейт» все еще мигала огнями, рекламируя «Лики смерти, часть четвертая» и «Мондо бизарро».

Все здания вокруг превратились в выгоревшие каркасы, но сам кинотеатр нисколько не пострадал. Она вспомнила, как накануне вечером проходила мимо и как ее зверски столкнули на мостовую. Между ней и кинотеатром плавала дымка, и Сестре Жуть показалось, что через секунду здание исчезнет, как мираж. Но дымку сдуло, а кинотеатр остался на месте, и на будке продолжала вспыхивать реклама.

«Отвернись, – сказала себе Сестра Жуть. – Убирайся отсюда!»

Но она все же сделала шаг в ту сторону, потом еще, да так и дошла, хотя вовсе не хотела туда идти. Она встала перед кинотеатром. Из дверей тянуло попкорном с маслом.

«Нет! – подумала она. – Это невозможно».

Но это оказалось возможно – менее чем в считанные часы превратить Нью-Йорк в свалку на пустыре. Глядя на двери кинотеатра, Сестра Жуть осознала, что правила в этом мире неожиданно и круто изменились под действием силы, которую она еще не в состоянии понять.

«Я схожу с ума», – сказала она себе.

Но кинотеатр был реальностью, и запах попкорна с маслом тоже. Она сунулась в кассу, но там оказалось пусто. Тогда Сестра Жуть собралась с силами, подержалась за распятие, висевшее на цепочке у нее на шее, и вошла.

За стойкой контролера никого не было, но Сестра Жуть поняла, что в зале за выцветшей красной портьерой идет фильм: послышался лязг, визг и грохот автомобильной аварии, и выразительный голос диктора произнес: «Вы видите результат столкновения на скорости шестьдесят миль в час».

Сестра Жуть прошла за стойку, стащила пару плиток шоколада и уже собралась съесть одну из них, как вдруг услышала звериное рычание.

Звук усиливался, переходя в человеческий хохот. Но ей почудился в нем визг тормозов на скользком от дождя шоссе и пронзительный, душераздирающий сердце детский крик: «Мамочка!»

Она зажала ладонями уши, чтобы заглушить этот крик, и стояла так до тех пор, пока он не исчез из памяти.

Смех тоже затих, но тот, кто смеялся, кем бы он ни был, сидел в зале посреди уничтоженного города и смотрел кино.

Женщина откусила полплитки шоколада, прожевала и проглотила. За занавесом диктор с холодной медицинской дотошностью рассказывал об изнасилованиях и убийствах. Экран был ей не виден. Она доела шоколадку и облизала пальцы.

«Если этот ужасный смех раздастся опять, – подумала она, – я сойду с ума, но мне нужно видеть того, кто так смеется».

Сестра Жуть подошла к портьере и медленно, очень медленно отодвинула ее.

На экране было окровавленное мертвое лицо молодой женщины, но это больше не могло испугать Сестру Жуть. Она видела чей-то профиль: кто-то сидел в переднем ряду и смотрел фильм.

Остальные места пустовали. Сестра Жуть впилась взглядом в эту голову. Лица она не видела и не хотела видеть, потому что, кто бы или что бы это ни было, это не мог быть человек.

Голова неожиданно повернулась к ней.

Сестра Жуть отпрянула. Ноги ее были готовы бежать, но она не тронулась с места. Сидевшая в первом ряду фигура рассматривала ее, а на экране продолжали крупным планом показывать вскрытые трупы. Тут фигура встала со своего места, и Сестра Жуть услышала, как под подошвами хрустнул попкорн.

«Бежать! – мысленно закричала она. – Сматываться отсюда!»

Но не двинулась с места. Фигура остановилась там, куда из-за стойки билетера не проникал свет, который мог бы упасть на лицо.

– Вы вся обгорели. – Голос был мягким и приятным и принадлежал молодому человеку.

Он был худ и высок, ростом около шести футов четырех дюймов, одет в темно-зеленые брюки и желтую рубашку с короткими рукавами. На ногах были начищенные военные ботинки.

– Я полагаю, там, снаружи, все уже закончилось.

– Все пропало, – пробормотала она. – Все уничтожено.

Она ощутила сырой холодок, такой же, как тогда, прошлой ночью перед кинотеатром, но потом озноб исчез. На лице этого человека она не смогла уловить ни малейшего выражения. Потом ей показалось, что он улыбнулся, но это была страшная улыбка: рот у него оказался не на том месте, где должен был находиться.

– Я думаю, все... мертвы, – сказала она.

– Не все, – поправил он. – Вы ведь живы? И думаю, что там, снаружи, есть и другие уцелевшие. Вероятно, прячутся где-нибудь. В ожидании смерти. Хотя долго им ждать не придется. Вам тоже.

– Я пока не мертвая, – сказала она.

– Все еще впереди. – Грудь незнакомца поднялась, он сделал глубокий вдох. – Понюхайте воздух. Он ведь сладковат?

Сестра Жуть шагнула было назад. Человек сказал почти ласково: «Нет», – и она остановилась, как будто важнее всего, единственной важной вещью в мире было подчиниться.

– Сейчас начнутся мои самые любимые кадры. – Он кивком указал на экран, где из здания вырывались языки пламени и на носилках лежали изувеченные тела. – Вот я! Стою у автомобиля! Ну, я бы не сказал, что это был продолжительный кадр!

Его внимание вернулось к ней.

– О, – мягко заметил он, – мне нравится ваше ожерелье.

Бледная рука с длинными тонкими пальцами скользнула к шее Сестры Жуть.

Женщина хотела отпрянуть, потому что не могла вынести, чтобы эта рука прикоснулась к ней, но голос гипнотизировал ее, эхом звучал в сознании. Она содрогнулась, когда холодные пальцы коснулись распятия. Незнакомец потянул цепочку, но и распятие, и цепочка припечатались к ее коже.

– Приварилось, – сказал человек. – Мы это поправим.

Быстрым движением руки он сорвал распятие – с кожей. Ужасная боль пронзила Сестру Жуть, как электрический разряд, но зато освободила ее сознание от покорности, и мысли прояснились. По щекам покатились жгучие слезы.

Человек держал ладонь вверх, распятие и цепочка подрагивали перед лицом бедной женщины.

Он стал напевать голосом маленького мальчика:

– Мы пляшем вокруг кактуса, кактуса, кактуса...

От его пальцев поднялись языки пламени. Когда ладонь покрылась огнем, как перчаткой, распятие и цепочка стали плавиться, закапали на пол.

– Мы пляшем вокруг кактуса в пять часов утра!

Сестра Жуть глядела в его лицо. При свете охваченной пламенем руки она видела, как меняются его кости, оплывают щеки и губы, на поверхности без глазниц появляются глаза различных оттенков.

Последняя капля расплавленного металла упала на пол. На подбородке человека прорезался рот, похожий на рану с кровоточащими краями. Рот ухмыльнулся.

«Свет изгнан», – прошептал он.

Фильм прекратился, пламя лизнуло экран. Красную портьеру, за которую все еще держалась Сестра Жуть, охватил огонь. Женщина вскрикнула и отдернула руки. Волна удушающего жара заполнила кинотеатр, стены занялись.

– Тик-так, тик-так, – сказал мужской голос весело. – И время не остановить.

Потолок осветился и вспучился. Человек двинулся к ней. Сестра Жуть закрыла голову руками и ринулась назад сквозь охваченный огнем занавес. Ручейки шоколада стекали с прилавка. Несчастная подбежала к двери, а нечто за ее спиной визжало:

– Беги! Беги, свинья!

Она успела сделать три шага – и дверь позади нее превратилась в огненный щит. Сестра Жуть помчалась как сумасшедшая по руинам Сорок второй, а когда осмелилась оглянуться, то увидела, что бушующее пламя охватило весь кинотеатр, крышу его будто сорвало чьей-то чудовищной рукой.

Когда хлынул дождь стекла и кирпичей, она бросилась на землю под защиту развалин. В несколько секунд все оказалось кончено, но Сестра Жуть лежала, съжившись, и дрожала от страха, пока не упал последний булыжник. Потом она высунулась из укрытия.

Теперь руины кинотеатра не отличались от других пепелищ. Здание сгнуло. К счастью, с ним сгнула и тварь с огненной ладонью.

Женщина ощупала разодранное до мяса кольцо, охватывавшее ее шею, и пальцы ее испачкались в крови. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять: распятие и цепочка действительно исчезли. Она не помнила, как они к ней попали, но она гордилась ими. Она считала, что они защищают ее, и теперь чувствовала себя обнаженной и беззащитной.

И тогда Сестра Жуть поняла, что там, в дешевом кинотеатре, смотрела в лицо злу.

Черный дождь лил все сильнее. Она свернулась в клубок, прижала руки к кровоточащей шее и, закрыв глаза, стала молить о смерти.

Она поняла, что Христос не спустится на летающей тарелке. Судный день уничтожил невинных в том же огне, что и грешников, и Царствие Божие – это мечта психов. Из ее горла вырвалось рыдание, порожденное душевной мукой.

«Пожалуйста, Иисус, заberi меня к себе, пожалуйста, прямо сейчас, сию минуту, пожалуйста, пожалуйста...» – просила она.

Но когда она открыла глаза, черный дождь продолжался. Ветер крепчал и нес теперь зимний холод. Она промокла, ее мучило, зубы стучали. Измученная, она села. Иисус сегодня не появится. Она решила, что умрет позже. Не было смысла по-дурацки лежать здесь, на дожде.

«Один шаг, – подумала она. – Один шаг, потом еще один, и ты попадешь туда, куда нужно».

Куда именно – она не знала, но ей следовало соблюдать большую осторожность, потому что зло было многолико и таилось повсюду. Повсюду. Правила изменились. Земля обетованная – это свалка, а сам ад пробился на поверхность земли.

Она понятия не имела, какова причина таких разрушений, но вдруг ей пришла на ум ужасная догадка – а что, если повсюду так, как здесь? Сестра Жуть отбросила эту мысль прежде, чем она внедрилась в сознание, и с усилием встала.

Ветер мешал ей идти. Дождь хлестал так, что даже в четырех футах ничего не было видно. Она решила пойти туда, где, по ее представлениям, находился север, потому что в Центральном парке могло сохраниться хотя бы одно дерево, под которым можно было бы отдохнуть.

Она пригнулась и сделала шаг наперекор стихиям.

Глава 13

Еще не три

– Дом завалился, мама! – вопил Джош Хатчинс, с трудом выбираясь из грязи, щебня и обломков досок, придавивших ему спину. – Смерч уже ушел!

Мать не отвечала, но он слышал, как она плачет.

– Все в порядке, мама! Мы сделаем...

Воспоминание об алабамском торнадо, который загнал семилетнего Джоша, его сестру и мать в подвал, внезапно оборвалось и разлетелось на части. Видение кукурузного поля, огненных копий и смерча огня возвратилось к нему с ужасающей четкостью, и он догадался, что плачет мать маленькой девочки.

Было темно. Джош наконец страхнул со спины мусор, состоявший большей частью из земли и древесных обломков. Он сел. Тело пульсировало тупой болью.

Лицо показалось ему странным: такое стянутое, будто готово лопнуть. Джош коснулся пальцами лба. От этого дюжина волдырей лопнула, и жидкость из них потекла по лицу. Другие пузырьки стали лопаться на щеках и подбородке. Он ощупал кожу около глаз и почувство-

вал, что те заплыли, остались только щелки. Боль усилилась. Спина, казалось, была обварена кипятком.

«Сожжена, – понял он. – Сожжена так, как могут сжечь только в аду».

Он почувствовал запах жареного бекона, отчего его едва не стошнило, но он слишком хотел узнать, каковы же его раны. Боль в правом ухе была иного рода. Он осторожно потрогал его. Пальцы нащупали только обрубок и запекшуюся кровь вместо уха. Джош вспомнил взрыв бензоколонки и решил, что кусок металла, пролетая, срезал большую часть ушной раковины.

«Я прекрасно выгляжу, – оценил он себя и едва не рассмеялся вслух. – Готов сразиться со всем миром!»

Он подумал: если ему придется еще когда-либо выйти на ринг, то уже не понадобится маска Черного Франкенштейна, чтобы выглядеть чудовищем.

Затем его все-таки вырвало. Тело обмякло и затряслось, в ноздри ударил сильный запах жареной ветчины. Когда тошнота отступила, он отполз подальше. Под руками хлюпала грязь, попадались доски, битое стекло, смятые банки и солома.

Джош услышал мужской стон, вспомнил сожженные глаза Поу-Поу и решил, что тот лежит где-то справа от него, хотя уха с этой стороны у него не было. Судя по всхлипываниям, женщина находилась в нескольких футах прямо перед ним. Маленькая девочка, если и была жива, не издавала ни звука. Воздух был все еще горяч, но, по крайней мере, пригоден для дыхания. Пальцы Джоша наткнулись на деревянную палку, оказавшуюся черенком садовой мотыги. Раскапывая вокруг себя землю, он находил массу всяких вещей: банку за банкой – некоторые оказались помяты и протекали, несколько расплавленных предметов, которые могли быть прежде пластмассовыми бутылками из-под молока, молоток, обгоревшие журналы и пачки сигарет. Над подвалом обрушился весь бакалейный магазин, все, что находилось на обвалившихся полках Поу-Поу.

«Наверняка все это хранилось там не случайно, – раздумывал Джош. – Подземные парни должны были знать, что когда-нибудь запасы понадобятся старику».

Он попытался встать, но, прежде чем поднялся с корточек, ударился обо что-то головой. Это был крепко спрессованный потолок из земли, досок и, наверное, тысяч соломин, сдавленных в одно целое на высоте четырех с половиной футов от пола.

«Бог ты мой! – подумал Джош. – Прямо над головой – тонны земли». И решил, что у них нет воздуха, кроме как в объеме их ямы, а когда он закончится...

– Перестаньте плакать, леди, – сказал он. – Старик пострадал куда больше, чем вы.

Женщина ахнула, как будто не ожидала, что кто-нибудь еще остался в живых.

– А где девочка? Что с ней? – Волдыри на губе Джоша лопнули.

– Сван! – крикнула Дарлин и пошарила по земле, ища дочь. – Я не вижу ее. Где мой ребенок? Где ты, Сван?

Тут ее рука наткнулась на маленькую ручку. Она была теплой.

– Вот она! О боже, ее засыпало!

Дарлин кинулась копать. Джош подполз к ней сбоку и вытащил ребенка. Засыпало только ее руки и ноги, лицо же оставалось свободным, и девочка дышала. Джош отряхнул землю, а женщина обняла дочь.

– Сван! Что с тобой? Скажи что-нибудь, Сью Ванда! Ну же, давай! Поговори с мамой! – Она тормозила ее, пока девочка не подняла руку и не отстранила ее.

– Ну не надо, – невнятно сказала Сван. – Я хочу поспать... пока мы не приедем...

Джош пополз на стон мужчины. Наполовину засыпанный Поу-Поу свернулся калачиком. Джош осторожно откопал его. Поу-Поу ухватился за рубашку борца и пробормотал что-то, чего Джош не понял.

– Что? – спросил гигант и наклонился поближе.

– Солнце, – повторил Поу-Поу. – Господи... Я видел, как взорвалось солнце.

И снова стал что-то бредить о тапочках в спальне.

Джош понял, что старик долго не протянет, и вернулся к Дарлин и Сван.

Девочка тихо плакала.

– Ш-ш-ш, – утешала ее мать, – ш-ш-ш, родная. Нас ищут. Не бойся. Нас вытащат.

Она еще не совсем поняла, что произошло. С того момента, когда Сван показала на щит с надписью «Поу-Поу» на межштатном шоссе и заявила, что лопнет, если не сходит в туалет, все было непонятным и суматошным.

– Я ничего не вижу, мама, – еле слышно сказала девочка.

– Все будет в порядке, родная. Нас ищут, правда...

Дарлин протянула руку, чтобы погладить дочь по голове, и отдернула, словно ошпарившись. Пальцы нащупали щетину вместо локонов.

– Боже мой! О Сван, дочка!.. – прошептала она.

Боясь коснуться собственных волос и лица, она чувствовала только боль, как после умеренного солнечного ожога.

«Со мной все в порядке, – сказала она себе. – И со Сван тоже все в порядке. Лишь немного волос пропало, ну и что. Все будет в полном порядке».

– А где Поу-Поу? – спросила Сван. – Где великан?

У нее болело все тело, и она ощущала запах готовящегося завтрака.

– Я тут, рядом, – ответил Джош. – Старик недалеко от тебя. Мы в подвале, а его заведение развалилось и засыпало нас...

– Мы выберемся! – прервала его Дарлин. – Нас скоро найдут.

– Леди, может быть, это случится не так скоро. Нам нужно успокоиться и экономить воздух.

– Экономить воздух? – Паника вновь овладела Дарлин. – Но мы дышим нормально.

– Сейчас – да. Я не знаю, сколько у нас воздуха, но думаю, что скоро его будет не хватать. Возможно, нам придется пробыть здесь долго, – решил сказать он.

– Вы с ума сошли! Не слушай его, родная! Бьюсь об заклад, нас уже сейчас идут откапывать. – Она стала укачивать Сван, как маленькую.

– Нет, леди. – Скрывать правду было бессмысленно. – Не думаю, что кто-нибудь собирается нас откапывать. То, что вылетало из поля, были ракеты. Ядерные ракеты. Я не знаю, взорвалась ли одна из них или что-то другое, но есть только одна причина, почему они вылетали. Вполне возможно, что сейчас весь мир пускает ракеты.

Женщина захохотала, она была на грани истерики.

– У вас ума не больше, чем у муравья. Кто-то же видел пожар! Помощь пришлют! Мы должны добраться в Блейкмен!

– Ну да, – сказал Джош.

Он устал от разговора, к тому же тратил драгоценный воздух, поэтому отполз на несколько футов и подыскал себе местечко. Джош испытывал сильную жажду, но в то же время ему требовалось облегчиться.

«Потом, – подумал он, – сейчас я слишком устал, чтобы двигаться».

Боль вновь стала усиливаться. Мысли уносили его из подвала Поу-Поу к сожженному кукурузному полю, к тому, что могло остаться от всего мира там, наверху, и, в частности, вокруг них – если, конечно, началась Третья мировая война. К этому времени она уже, наверное, закончилась. Русские вторглись в Америку или американцы заняли Россию. Он подумал о Розы и мальчиках – они живы или мертвы? Он может никогда не узнать об этом.

– О боже! – прошептал Джош и, свернувшись калачиком, усталился в темноту.

– Ух, ух, ух... – задыхаясь, принялся икать Поу-Поу. Потом громко сказал: – Суслик в норе! Эми! Где мои тапочки?

Девочка издала еще один болезненный стон, и Джош стиснул зубы, чтобы удержать крик ярости.

«Такое чудесное дитя, – подумал он. – А теперь умирает, как все мы. Мы уже в могиле. Все готово, осталось только подождать».

У него было чувство, что его положил на лопатки соперник, с которым он не собирался бороться. Он почти слышал, как судья ведет счет, хлопая по коврику: один... два...

Плечи Джоша дрогнули. Еще не три. Скоро, но не сейчас. И он провалился в мучительный сон, в котором душу его преследовали всхлипы, издаваемые ребенком.

Глава 14

Человек долга

«Дисциплина и контроль! – Голос Солдата-Тени звучал подобно удару ремня по задку мальчишки. – Вот что делает мужчину мужчиной. Помни... помни...»

Полковник Маклин съезжился в грязной яме. В двадцати футах над его головой, в щель между землей и краем исковерканного люка, накрывшего яму, пробивалась единственная полоска света. Через эту щель прилетали мухи, кружились над лицом человека и садились на вонючие кучи вокруг него. Он не помнил, сколько времени пролежал тут, но вычислил, что поскольку вьетконговцы появлялись раз в день, то, значит, он провел в яме тридцать девять дней. Но может быть, они появлялись два раза в день, тогда его расчеты были неправильны. А может, они пропустили день-другой. Может, они появлялись три раза на дню и пропускали следующий день. Все может быть.

«Дисциплина и контроль, Джимбо. – Солдат-Тень сидел со скрещенными ногами у стенки ямы, примерно в пяти футах от Маклина. Он был в камуфляжной форме, а на его бледном лице с неясными чертами темнели зеленые и черные маскировочные пятна. – Возьми себя в руки, солдат».

– Да, – сказал Маклин, – беру себя в руки.

Он поднял тощую ладонь и отогнал мух.

А потом начался стук, и Маклин застонал и вжался в стену. Чарли стучали по люку прутьями и палками. Эхо в яме удваивало и утраивало шум, пока Маклин не зажал уши руками. Стук продолжался, все громче и громче, и Маклин чувствовал, что вот-вот закричит.

«Нельзя! – сказал Солдат-Тень с глазами, как лунные кратеры. – Нельзя, чтобы они слышали твои крики».

Маклин набрал пригоршню земли и засунул ее в рот. Солдат-Тень был прав. Солдат-Тень всегда был прав.

Стук прекратился, и крышку оттащили в сторону. Пронзительный солнечный свет ослепил Маклина, и он увидел их, с ухмылкой перегнувшихся через край.

– Эй, полкаш! – позвал один. – Жрать хочешь, полкаш Макрин?

Рот Маклина был полон грязи и дерьма. Полковник кивнул и сел, как собака, готовая почесаться.

«Осторожно, – прошептал ему на ухо Солдат-Тень. – Осторожно».

– Жрать хочешь, полкаш Макрин?

– Пожалуйста. – Из рта Маклина вываливалась грязь. Он протянул к свету ослабшие руки.

– Лови, полкаш Макрин!

Что-то упало в грязь в нескольких футах от разлагавшегося трупа пехотинца по имени Рэгсдейл. Маклин подполз к нему, перебрался через труп и схватил это что-то, оказавшееся жареной на масле рисовой лепешкой. Он стал жадно запихивать ее в рот, к глазам подступили слезы радости. Чарли над ним захохотали. Маклин переполз через останки капитана ВВС,

которого прозвали Миссисипи за густой бас. Теперь от Миссисипи осталась кучка тряпья и костей. В дальнем углу лежало третье тело: еще один пехотинец, парень из Оклахомы по фамилии Макги. Маклин присел над Макги, жуя рис и чуть не плача от радости.

– Эй, полкаш Макрин. Ты грязнуля. Пора принимать ванну.

Маклин всхлипнул и вздрогнул, прикрыл голову руками, потому что знал, что это означает.

Один из чарли перевернул в яму ведро с человеческим дерьмом, и оно полилось на Маклина, растекаясь по голове, спине и плечам. Чарли зашлись от хохота, но полковник устремил все внимание на рисовую лепешку. Брызги фекалий попали на нее, и он вытер их лохмотьями своей летной куртки.

– Вот так! – крикнул вниз чарли, выливший ведро. – Теперь ты чистый парень!

Мухи замельтешили над головой Маклина.

«Хороший у меня сегодня обед, – подумал Маклин. – Это поддержит жизнь».

Пока он разжевывал лепешку, Солдат-Тень сказал: «Правильно делаешь, Джимбо. Разжуй каждый кусочек до последней крошки».

– Ты теперь стал чистым! – снова крикнул чарли, и металлическую крышку вернули на место, отрезав солнечный свет.

«Дисциплина и контроль. – Солдат-Тень подполз к нему ближе. – Это делает мужчину мужчиной».

– Да, сэр, – ответил Маклин.

Солдат-Тень смотрел на него глазами, горящими, как напалм в ночи.

– Полковник!

Его звал далекий голос. Этот голос трудно было уловить, потому что по телу разливалась боль. На Маклине, почти ломая его позвоночник, лежало что-то очень тяжелое.

«Мешок картошки, – подумал он. – Нет, не то. Что-то тяжелее».

– Полковник Маклин, – настаивал голос.

«Идите к черту, – мысленно огрызнулся он. – Пожалуйста, уйдите».

Он попытался поднять правую руку, чтобы согнать мух с лица, но, когда пошевелил ею, от кисти к плечу его пронзила оглушающая боль и отозвалась в позвоночнике. Маклин застонал.

– Полковник! Это Тедди Уорнер. Вы меня слышите?

Уорнер. Мишка Тедди.

– Да, – проговорил Маклин.

Боль ножом ударила его под ребра. Он знал, что сказал недостаточно громко, поэтому попробовал еще:

– Да, я слышу вас.

– Слава богу! У меня есть фонарь, полковник!

Луч попал Маклину на веки, и полковник попытался открыть глаза. Свет пробивался с высоты примерно в десяти футах над головой Маклина. Каменная пыль и дым все еще не развеялись, но полковник смог разобрать, что лежит на дне ямы. Медленно повернув голову, отчего боль чуть не швырнула его в беспамятство, он увидел: дыра над ним недостаточно широка, чтобы в нее мог пролезть человек. Как он оказался зажатым в таком пространстве, полковник не знал. Ноги его были поджаты, спина скрючилась под тяжестью не мешка с картошкой, а человеческого тела. Под тяжестью мертвеца – кого именно, Маклин не мог сказать. Над ними висели рваные кабели и переломанные трубы. Полковник попытался высвободить ноги из-под страшной тяжести, но жгучая боль снова пронзила его правую руку. Он повернул голову в противоположную сторону и при слабом свете фонарика, пробивавшемся сверху, увидел то, что стало сейчас его главной проблемой.

Его правая рука уходила в трещину в стене. Трещина была примерно в дюйм шириной, а на скале блестели струйки крови.

«Моя рука», – тупо подумал он.

Ему вспомнились оторванные пальцы Беккера. Он решил, что рука могла попасть в щель, когда он падал, а потом скала переместилась опять...

Он не чувствовал ничего, кроме терзающей боли в запястье, как от затянутого наручника. Кисть и пальцы онемели.

«Придется научиться быть левшой, – решил он. И вдруг его словно ударило: – Мой палец для спускового крючка пропал».

– Наверху со мной капрал Прадос, полковник! – крикнул вниз Уорнер. – У него сломана нога, но в остальном он в порядке. У других состояние хуже, многие мертвы.

– А как ваше? – спросил Маклин.

– Спину чертовски крутит. – Голос звучал глухо, будто Уорнеру было трудно дышать. – Чувствую себя так, словно разваливаюсь на части и суставы меня не держат. Плюю кровью.

– Кто-нибудь занимается составлением сводки потерь?

– Переговорная линия вышла из строя. Из вентиляции валит дым. Я слышу, что где-то кричат люди, значит кто-то из них выжил. Боже мой, полковник! Должно быть, гора сдвинулась!

– Мне нужно выбраться отсюда, – сказал Маклин. – У меня рука зажата в скале, Тедди. – Мысль о размоленной кисти вернула ему боль, и он с усилием стиснул зубы, пережидая ее. – Вы можете помочь мне?

– Как? Я не смогу пролезть к вам, а если рука у вас зажата...

– Мне раздробило руку, – спокойно сказал ему Маклин, чувствуя, что теряет сознание: все плыло и казалось нереальным. – Достаньте мне нож. Самый острый, какой удастся найти.

– Что? Нож? Зачем?

Маклин свирепо усмехнулся:

– Не важно. Достаньте. Потом разожгите костер и дайте мне головню. – Странно, но он до конца не осознавал, что то, о чем он говорит, касается его самого, как будто речь шла о другом человеке. – Головня должна быть раскаленной докрасна, Тедди. Такой, чтобы можно было прижечь обрубок.

– Обрубок? – Уорнер запнулся. Теперь он начинал понимать. – Может, возможно вытащить вас как-нибудь по-другому?

– По-другому нельзя. – Чтобы вырваться из этой ямы, он должен расстаться с рукой. «Назовем ее фунтом мяса», – подумал он. – Вы меня понимаете?

– Да, сэр, – ответил всегда послушный Уорнер.

Маклин отвернулся от света.

Уорнер пополз через край дыры, проломанной в полу командного пункта. Пол вздыбился под углом около тридцати градусов, поэтому ему пришлось карабкаться вверх, через изломанное оборудование, груды камней и тел. Луч фонарика высветил капрала Прадоса, сидевшего напротив треснувшей и покосившейся стены. Лицо его было искажено болью, из бедра, влажно поблескивая, торчала кость. Уорнер продолжал двигаться по тому, что осталось от коридора. В потолке и стенах зияли огромные дыры, на мешанину камней и труб сверху капала вода. Он все еще слышал далекие крики. Он хотел найти кого-нибудь, кто помог бы ему освободить полковника Маклина, потому что без его руководства им всем придет конец. Уорнер с его поврежденной спиной никак не мог влезть в ту дыру, где в ловушке сидел полковник. Нет, ему нужно найти кого-нибудь еще – кого-нибудь, кто оказался бы поменьше его и смог бы проникнуть туда, но достаточно сильного духом, чтобы проделать такую работу. Он стремился попасть на первый уровень, и одному богу было известно, что он мог там увидеть.

Полковник полагался на него, и Уорнер не мог его подвести.

Он выбирал среди обломков, как пробраться наверх, и медленно, с огромным трудом карабкался туда, где слышались крики и стоны.

Глава 15

Священная секира

Роланд Кронингер сидел, съевшись, на вздыбленном полу того, что было кафетерием «Дома Земли», и сквозь вопли и крики прислушивался к мрачному внутреннему голосу, говорившему: «Рыцарь Короля... Рыцарь Короля... Рыцарь Короля... никогда не плачет».

Все было погружено во тьму, только время от времени там, где находилась кухня, вспыхивали языки пламени, выхватывая из тьмы свалившиеся камни, разбитые столы и стулья, раздавленные останки. То тут, то там кто-нибудь шатался в полумраке, как грешник в аду, и держались искалеченные тела, придавленные массивными валунами, которые пробили потолок.

Сначала, когда погас свет, среди людей, сидевших за столиками, возникло легкое волнение, но тут же включилось аварийное освещение. Потом Роланд оказался на полу, а завтрак – у него на рубашке. Рядом барахтались мать и отец. Вместе с ними завтракали около сорока человек. Некоторые зывали о помощи, но большинство переживали молча. Мать смотрела на Роланда. С ее лица и волос капал апельсиновый сок, и она сказала:

– В следующем году мы поедем на море.

Роланду стало смешно, и отец тоже засмеялся, а потом расхохоталась и мать; на мгновение смех объединил их.

Филу удалось выговорить:

– Слава богу, не я страховал это место! А то мне пришлось бы подать иск к своей собственной...

Внезапно голос его потонул в чудовищном реве и грохоте разламывающейся скалы, потолок вздыбился и бешено задрожал с такой силой, что Роланда отшвырнуло от родителей и бросило на других людей. Груда камней и плит перекрытия рухнула посреди кафетерия, и что-то ударило мальчика по голове.

Сейчас он сидел, поджав колени к подбородку. Он поднял руку к волосам и нащупал запекшуюся кровь. Нижняя губа была разбита и тоже кровоточила, а внутри у него все болело, будто его тело сначала растянули, точно резиновый жгут, а потом сильно сжали. Он не знал, сколько продолжалось землетрясение и как получилось, что он теперь сидел съевшись, а его родители пропали. Ему хотелось плакать. На глазах уже выступили слезы, но Рыцарь Короля никогда не плачет, сказал он себе. Так было написано в его уставе: одно из правил поведения солдата – Рыцарь Короля никогда не плачет, он всегда сохраняет спокойствие.

Что-то хрустнуло у него в кулаке, и он разжал пальцы. Его очки! Левое стекло треснуло, а правое пропало. Роланд помнил, что снимал их, когда лежал под столом, чтобы стереть с них молоко. Он надел их и попытался встать, но ему потребовалось время, чтобы заставить ноги слушаться. Когда он все-таки встал, то ударился головой о просевший потолок, который до этого был по меньшей мере на семь футов выше. Теперь ему пришлось пригибаться, чтобы не наткнуться на провисшие кабели и трубы и торчавшие стержни арматуры.

– Мама! Папа! – позвал он, но среди стонов и криков раненых не услышал ответа.

Разыскивая родителей, Роланд споткнулся о какие-то обломки и наступил на что-то, похожее на мокрую губку. Ему показалось, что эта штука напоминала морскую звезду, зажатую между каменными плитами. Тело ничем даже отдаленно не напоминало человеческое, за исключением окровавленных лохмотьев, оставшихся от рубашки.

Мальчик переступал через тела. Он видел трупы на картинках в отцовских журналах о наемниках, но те трупы были другими. Эти были раздавлены и не имели ни пола, ни других человеческих признаков, кроме изодранной в клочья одежды. Но среди них не было ни его отца, ни матери. Роланд решил, что родители живы и находятся где-то здесь. Он знал, что

они живы, и продолжал искать. Он чуть было не провалился в широкую щель, разделившую кафетерий надвое. Когда он заглянул туда, то не увидел дна.

– Мама! Папа! – крикнул он в другую половину кафетерия, но опять не получил ответа.

Роланд стоял на краю щели, дрожа всем телом. Одна часть его «я» сжималась от страха, другая, более глубоко запрятанная, казалось, становилась только сильнее, всплывала на поверхность, вздрагивая не от страха, а от ясного холодного возбуждения. В окружении смерти он остро ощущал биение жизни в своем теле и от этого чувствовал себя одновременно просветленным и опьяненным.

«Я жив, – подумал он. – Я жив».

Внезапно крушение кафетерия в «Доме Земли» представилось ему в другом свете, преобразилось: он находился посреди поля битвы, усеянного мертвыми телами, а вдалеке из горящей неприятельской крепости вырывались языки пламени.

Он держал в руках измятый щит и окровавленный меч, он почти испугался, но все еще стоял и все еще был жив после жестокой сечи. Он привел на это вздыбленное поле легион всадников, а сейчас был один, потому что остался последним живым рыцарем в королевстве.

Один из израненных воинов приподнялся и тронул его за ногу.

– Прошу, – открылся окровавленный рот. – Пожалуйста, помогите...

Роланд заморгал, ошеломленный. Он увидел женщину средних лет, нижнюю часть ее тела зажал между каменными плитами.

– Пожалуйста, помогите мне! – молила она. – Мои ноги... о... Мои ноги...

«Женщинам не полагается быть на поле боя, – подумал Роланд. – О нет!»

Но, поглядев вокруг и вспомнив, где находится, он заставил себя тронуться с места и двинулся прочь от края щели.

Он продолжил поиски, но найти отца и мать не удавалось. Может, их завалило, решил он, или, может, они провалились в расщелину, в этот мрак внизу. Может быть, он видел их тела, но не узнал их.

– Мама! Папа! – завопил он. – Где вы?

Ответа не было, только чьи-то всхлипы и голоса, пронизанные болью.

Сквозь дым блеснул свет и попал на его лицо.

– Эй, – сказал кто-то, – как тебя зовут?

– Роланд, – ответил он. Какая же у него фамилия? Несколько секунд он не мог вспомнить.

Потом добавил: – Роланд Кронингер.

– Мне нужна твоя помощь, Роланд, – сказал человек с фонариком. – Ты в состоянии ходить?

Роланд кивнул.

– Полковник Маклин попал в ловушку внизу, в пункте управления. В том, что от него осталось, – поправился Тедди Уорнер.

Он был согнут, как горбун, и опирался на кусок стальной арматуры, который использовал вместо трости. Часть проходов оказалась полностью перекрыта каменными плитами, другие вздыбились под немыслимыми углами или были разделены зияющими расщелинами. Стоны и плач, мольбы к Богу эхом разносились по всему «Дому Земли». Некоторые стены, там, где тела расплющили ходившие ходуном скалы, были забрызганы кровью. Капитан нашел в развалинах с полдюжины более или менее здоровых гражданских, и только двое из них, старик и девочка, не обезумели, но у старика было сломано запястье и оттуда торчала кость, а маленькая девочка ни за что не хотела покинуть место, где пропал ее отец. Поэтому Уорнер продолжал искать в кафетерии того, кто мог бы помочь ему, к тому же решил, что на кухне может обнаружиться нужный выбор ножей.

Сейчас Уорнер светил в лицо Роланду. Лоб мальчика был ободран, взгляд расфокусирован, но в целом он, казалось, избежал серьезных травм. Лицо подростка было бледно и в пыли, а темно-синяя рубашка разорвана, и через дыры виднелись ссадины на желтоватой тощей груди.

«Не ахти, – решил Уорнер, – но сгодится».

– Где твои родители? – спросил Уорнер, и Роланд помотал головой. – Хорошо, слушай меня. Мы разбиты. Вся страна разбита. Я не знаю, сколько тут погибло, но мы живы, и полковник Маклин тоже. Но пока мы просто остались в живых, а нам надо еще навести порядок, насколько это удастся, и помочь полковнику. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Думаю, да, – ответил Роланд.

«Разбиты, – подумал он. Его мысли путались. – Через несколько минут, – решил мальчик, – я проснусь в своей постели в Аризоне».

– Хорошо. Теперь я хочу, чтобы ты держался около меня, Роланд. Мы пойдем назад, на кухню, и найдем там что-нибудь острое: нож для резки мяса, топорик – что угодно. Потом мы вернемся в командный пункт.

«Если я смогу найти дорогу назад», – про себя уточнил Уорнер, но не решился сказать об этом.

– Мои родители, – неуверенно начал Роланд. – Они здесь... где-то.

– Они никуда не денутся. Сейчас полковник Маклин нуждается в помощи больше, чем они. Понимаешь?

Роланд кивнул.

«Рыцарь Короля», – подумал он.

Король попал в ловушку в подземелье, и ему нужна его помощь! Родители его пропали, их смело в катастрофе, и крепость Короля разбита.

«Но я жив, – сказал себе Роланд. – Я жив, и я Рыцарь Короля».

Он сощурился в свете фонарика.

– Я буду солдатом? – спросил он капитана.

– Конечно. Теперь не отставай. Мы поищем кухню.

Уорнеру приходилось идти медленно, всей тяжестью опираясь на железный стержень. Они нашли дорогу на кухню, где все еще жадно пылал огонь. Уорнер догадался, что горели остатки продуктовых запасов. Десятки банок взорвались, и горящее месиво растекалось по стенам. Пропало все – молочный порошок, яйца, ветчина. Но еще оставался неприкосновенный запас на складе. Уорнер знал об этом, но при мысли, что там, внизу, их могло отрезать в темноте без пищи и воды, живот у него свело.

Кругом валялись осколки посуды, разбитой при разрушении кухонной кладовой и раскиданной одним из толчков. Концом своей самодельной трости Уорнер раскопал топорик для мяса с обломком сменной ручки. Лезвие было в зазубринах.

– Держи, – обратился он к Роланду, и мальчик подхватил секач.

Они покинули кафетерий и кухню, и Уорнер повел Роланда к развалинам главной площади. Сверху сорвало каменные плиты, и вся поверхность площади была разбита и иссечена глубокими трещинами. Видеопавильон все еще горел, в воздухе стоял густой дым.

– Туда. – Уорнер лучиком фонаря указал на больницу.

Войдя внутрь, они обнаружили, что большая часть оборудования разбита и бесполезна, но Уорнер продолжал искать, пока не нашел коробку жгутов и пластиковую бутылку спирта для растирания. Он велел Роланду взять один из жгутов и бутылку, а потом пролез в разрушенную аптеку. Таблетки и капсулы трескали под подошвами, как попкорн. Свет от фонарика капитана упал на мертвое лицо одной из медсестер, раздавленной камнем размером с наковальню. Нигде не было ни следа доктора Ланга, главного врача «Дома Земли». Уорнер тростью раскопал сохранившиеся флаконы с димедролом и перкоданом и велел Роланду собрать их. Он сложил лекарства в карманы – для полковника.

– Ну так как, идешь со мной? – спросил Уорнер.

– Да, сэра.

«Через несколько минут я проснусь, – подумал Роланд. – Будет субботнее утро, я встану с постели и включу компьютер».

– Нам придется долго идти, – сказал ему Уорнер. – Часть пути даже ползти. Не отставай от меня. Понял?

Мальчик вышел вслед за ним из больницы. Ему хотелось вернуться и поискать родителей, но он знал, что Королю он нужен больше. Он Рыцарь Короля, и быть нужным ему – высокая честь. И снова часть его сжималась от ужаса при виде разрушений вокруг и визгливым голосом испуганного школьника кричала: «Проснись! Проснись!» – а другая часть все крепла, осматривала тела, высвеченные лучом фонаря, и знала, что слабые должны умереть, чтобы сильные могли выжить.

Они двигались по коридорам, переступая через трупы и не обращая внимания на крики раненых.

Роланд не знал, сколько им пришлось идти, чтобы попасть в разрушенный командный пункт. При свете горевших обломков он посмотрел на наручные часы, но стекло разбилось, и стрелки остановились на десяти тридцати шести. Уорнер вскарабкался на край ямы и посветил вниз.

– Полковник! – позвал он. – Я привел помощь! Мы вас вытащим!

В десяти футах внизу Маклин зашевелился и повернул мокрое от пота лицо к свету.

– Поспешите, – прохрипел он и снова закрыл глаза.

Роланд подполз к краю ямы. Внизу он увидел два тела. Одно лежало на другом, скорчившись в крохотном, размером с гроб, пространстве. Тот, кто лежал на дне, дышал, а его рука скрывалась в щели в стене. Внезапно Роланд понял, для чего нужен секач. Мальчик поглядел на лезвие и увидел отражение своего лица, но лицо было искаженным, не похожим на то, какое он помнил. Глаза дико блестели, а кровь на лбу запеклась в форме звезды. Все лицо было испещрено ссадинами и опухло – хуже, чем когда Майк Армбрустер отлупил Роланда за то, что тот не дал ему шпаргалку по химии. «Маленький урод! Маленький четырехглазый урод!» – бушевал Армбрустер, а все вокруг хохотали над тем, как Роланд пытался убежать, и снова и снова сбивали его в грязь. Роланд заплакал, съежившись на земле, а Армбрустер наклонился и плюнул ему в лицо.

– Ты умеешь накладывать жгут? – спросил горбатый человек с повязкой на глазу.

Роланд помотал головой.

– Я объясню тебе, когда ты спустишься, – заверил его Уорнер.

Он посветил вокруг и увидел кое-что, из чего получился бы хороший костер, – обломки досок, стульев, одежда с трупов. Можно было разжечь огонь от горевших головней в коридоре, к тому же у Уорнера в кармане была зажигалка.

– Ты знаешь, что предстоит сделать?

– Думаю... да, – ответил Роланд.

– Хорошо, теперь послушай меня. Я не могу протиснуться в эту дыру. Ты сможешь. Тебе нужно плотно наложить жгут ему на руку, а потом я передам тебе спирт. Плеснешь им на запястье. Ты его подготовишь, и все дело будет только за тобой. Кисть у него, вероятно, раздроблена, поэтому кость будет не слишком трудно перерубить. Теперь, Роланд, слушай внимательно! Не тяни! Сделай это четко и быстро, а как начнешь, не думай останавливаться. Слышишь меня?

– Да, сэра, – ответил Роланд и подумал: «Проснись! Я должен проснуться».

– Если ты наложишь жгут, у тебя будет некоторое время на то, чтобы закрыть рану прежде, чем она начнет кровоточить. У тебя должно быть что-то, чем можно прижечь рану, и ты должен быть уверен, что сможешь приложить к ней огонь, ты слышишь? Если не сможешь,

он истечет кровью. Судя по тому, как его там придавило, он не будет сильно дергаться, и, как бы то ни было, он знает, что это необходимо сделать. Посмотри на меня, Роланд.

Мальчик посмотрел на свет.

– Если ты сделаешь все, что от тебя требуется, полковник Маклин будет жить. Если ты облажаешься – он умрет. Понял?

Роланд кивнул. Голова у него кружилась, сердце стучало.

«Король в ловушке! – подумал он. – И из всех Рыцарей Короля я единственный, кто может его освободить!»

Но нет – это не игра! Это настоящая жизнь: его мать и отец лежат где-то там, «Дом Земли» разбит, вся страна разрушена, все уничтожено. Он прижал руку к окровавленному лбу и не отпускал, пока дурные мысли не исчезли.

«Рыцарь Короля! Сэр Роланд – имя мое!» Теперь он, вооруженный огнем и железом, был готов спуститься в самое глухое и темное подземелье ради спасения Короля.

Тедди Уорнер отполз в сторону, чтобы разжечь костер, и Роланд последовал за ним, как автомат. Они сложили в углу обломки досок и стульев, тряпки и с помощью горящих кусков кабеля из коридора разожгли костер. Еле двигавшийся от боли капитан подложил в огонь потолочные плитки и подлил спирта. Сначала пошел густой дым, потом костер начал разгораться красным.

Капрал Прадос все еще сидел у противоположной стены, наблюдая за ними. Лицо его было мокрым от пота, и он что-то беспрерывно бормотал, но Уорнер не обращал на него внимания.

«Дрова» обуглились, горький дым стал просачиваться через дыры и щели в потолке. Уорнер похромал к краю костра и вынул из него ножку стула. Один конец ее ярко горел. Капитан сунул ее обратно в огонь и повернулся к Роланду.

– Хорошо, – сказал он. – Давай приступай.

По-прежнему кривясь от боли в поврежденной спине, Уорнер ухватил Роланда за руку и помог ему спуститься в яму. Мальчик встал на мертвое тело. Капитан направлял свет прямо на зажатую руку Маклина и подсказывал Роланду, как наложить жгут на запястье полковника. Чтобы добраться до поврежденной руки, Роланду пришлось скорчиться на трупе. Мальчик увидел, что запястье почернело. Маклин неожиданно дернулся и попытался поглядеть наверх, но не смог поднять голову.

– Плотнее, – удалось выговорить ему, – плотнее затягивай узел на этой чертовой руке!

Роланду понадобилось четыре попытки, чтобы затянуть его достаточно туго. Уорнер спустил вниз бутылку со спиртом, и Роланд плеснул им на почерневшее запястье. Маклин взял бутылку свободной рукой и наконец вывернул шею так, что смог увидеть Роланда.

– Как тебя зовут?

– Роланд Кронингер, сэр.

По весу и голосу Маклин догадался, что это мальчик, но не разобрал лица. Что-то блеснуло, и он повернулся, чтобы поглядеть на секач в руке своего спасителя.

– Роланд, – сказал он, – в ближайшие минуты мы с тобой сможем многое узнать друг о друге. Тедди! Где огонь?

Свет у капитана Уорнера на минуту ослаб, и Роланд остался в темноте один на один с полковником.

– Плохой день, – заключил Маклин. – Видел ли ты хуже, а?

– Нет, сэр. – Голос Роланда дрогнул.

Вернулся свет. Уорнер держал ножку стула, как факел.

– Есть, полковник. Роланд, я собираюсь бросить его тебе вниз. Готов?

Мальчишка поймал факел и снова склонился над Маклином. Полковнику, перед глазами которого все плыло от боли, показалось, что он узнал ребенка.

– Где твои родители, сынок? – спросил он.

– Не знаю. Я их потерял.

Маклин смотрел на горевший конец ножки стула и молился, чтобы тот был достаточно раскаленным для того, на что следовало решиться.

– Ты сделаешь как надо, – сказал он Роланду. – Я верю в тебя.

Взгляд его соскользнул с факела на топорик. Мальчик неудобно скорчился, сидя верхом на трупе и устремив взор на запястье Маклина – на то место, где оно уходило в каменную стену.

– Ну, – вымолвил Маклин. – Пора. Давай, Роланд. Давай сделаем это раньше, чем один из нас проявит трусость. Я буду держаться столько, сколько смогу. Ты готов?

– Он готов, – отозвался с края ямы Тедди Уорнер.

Маклин мрачно улыбнулся. Капля пота стекла по горбинке его носа.

– Первый удар сильнее, Роланд, – подгонял он.

Мальчик сжал факел левой рукой и занес правую с топором над головой. Он точно знал, куда собирается ударить – прямо в то место, где почерневшая кожа вздулась у щели.

«Бей! – приказал он себе. – Ну, бей же!»

Он услышал, как Маклин резко вздохнул, и почувствовал, что сжимавшая топор рука замерла в зените над ним и стала будто железная. «Бей!»

Роланд втянул воздух и изо всей силы опустил топор на запястье полковника Маклина.

Раздался хруст. Маклин дернулся, но не издал ни звука. Роланд подумал, что острие проскочило насквозь, но с ужасом увидел, что оно вошло в плотное запястье всего на дюйм.

– Давай же! – заорал Уорнер.

Роланд выдернул топор. Маклин крепко зажмурил глаза с покрасневшими веками, потом вновь открыл.

– Давай, – прошептал он.

Мальчик замахнулся и ударил снова. Но кость не отошла. Роланд ударил третий раз и четвертый, сильнее и сильнее. Он слышал, как одноглазый горбун криком велел поторапливаться. Маклин молчал. Роланд высвободил острие и ударил в пятый раз. Потекла кровь, но сухожилия все еще не отделялись. Мальчик начал колотить топором без передышки, лицо Маклина стало желто-белым, губы посерели, как пыль на кладбище.

Нужно было закончить прежде, чем кровь хлынет, как из шланга. Когда это случится, Роланд знал, что Король умрет. Он поднял топор над головой, и плечи задрожали от напряжения. Это больше не был секач для мяса, теперь это была священная секира, а сам он – сэр Роланд, Рыцарь Короля, чье предназначение – освободить из подземелья попавшего в западню лорда. Он был единственным из целого королевства, кто мог это сделать, и это мгновение принадлежало ему.

В нем билась сила славных деяний, и, опустив сверкающий священный топор, он услышал собственный хриплый, почти нечеловеческий крик.

Кость затрещала. Жилы порвались под ударом священной секиры. И тут Король скорчился, и страшный кровавый предмет, снаружи похожий на губку, ткнулся в лицо Роланду. Кровь брызнула на его щеки и лоб, чуть не ослепив его.

– Прижигай! – орал Уорнер.

Рыцарь приблизил факел к кровоточившему губчатому предмету. Тот дернулся, но Роланд вцепился в него и прижал. Маклин забился в конвульсиях. Мальчик поднес огонь к ране там, где прежде была кисть полковника. Словно загипнотизированный, он смотрел, как обгорал в пламени обрубок, как рана чернела и сморщивалась, слышал шипение крови. Тело Маклина сотрясала крупная дрожь, глаза закатились, но Роланд повис на раненой руке. Он чувствовал запах крови и горелого мяса, втягивал его в себя, как очищающий душу фимиам, и продолжал прижигать рану. Наконец Маклин перестал дергаться, и у него изо рта, как из глотки раненого зверя, вырвался утробный стон.

– Довольно, – позвал Уорнер, – то, что надо.

Роланд пребывал в оцепенении от вида плавающей плоти. Оторванный рукав куртки Маклина загорелся, и дым стал подниматься по стенкам ямы.

– Достаточно! – закричал капитан, но подросток словно не слышал его. – Роланд, черт побери, достаточно!

На этот раз голос мужчины разом вернул мальчика к действительности. Роланд выпустил руку полковника и увидел, что обрубок обгорел до черноты и блеска, как будто его покрыли смолой. Языки огня на рукаве куртки Маклина увядали.

«Все кончено, – подумал Роланд. – Все кончено».

Ударами о стену ямы он сбил пламя с головы и бросил ее.

– Я сейчас найду какую-нибудь веревку, чтобы вытащить вас, – пообещал сверху Уорнер. – Как вы там?

Отвечать не хотелось. Свет пропал, и мальчик остался во тьме. Под хриплое дыхание полковника он перелез через труп, зажатый между ними, и уперся спиной в камень, потом подтянул ноги и крепко прижал к себе священный топор. На его забрызганном кровью лице застыла ухмылка, глаза были широко открыты от потрясения.

Полковник застонал и пробормотал что-то, чего Роланд не понял. Потом он повторил глухим от боли голосом:

– Возьми себя в руки. – Пауза – и снова: – Возьми себя в руки... Возьми себя в руки, солдат... – Исступленный голос взлетел, затем упал до шепота: – Возьми себя в руки... да, сэр... каждый кусочек... да, сэр... да, сэр. – Голос полковника стал похож на голос ребенка, забившегося в угол от порки. – Да, сэр, пожалуйста... да, сэр... да, сэр...

Фраза завершилась чем-то средним между стоном и судорожным рыданием.

Роланд внимательно вслушивался. Это не был голос триумфатора, героя войны, он звучал скорее как у робкого просителя, и Роланд изумился тому, что скрывалось в сознании Короля.

«Король не может умолять, – подумал он, – даже в страшном кошмаре. Королю опасно выказывать слабость».

Потом – Роланд не знал, сколько прошло времени, – что-то ткнуло его в колено. Он пошарил во тьме и коснулся чьей-то руки. Маклин пришел в сознание.

– Я перед тобой в долгу, – сказал полковник; теперь его голос опять звучал как у истинного героя войны.

Мальчик не ответил, но его осенило: ему нужна защита, чтобы пережить все, что предстоит. Его мать и отец, скорее всего, погибли, а их тела исчезли навсегда. Ему понадобится щит против будущих опасностей, не только в «Доме Земли», но и снаружи (это в том случае, сказал он себе, если они когда-либо опять вообще увидят внешний мир). Он решил, что с этого момента должен держаться около Короля – это, может быть, единственный способ выбраться из подземелья живым.

И если повезет, он хотел выжить, чтобы узнать, что же осталось от мира вне «Дома Земли».

«Когда-нибудь я увижу все это», – загадал он.

Если он пережил первый день, то переживет и второй, и третий. Он всегда был живучим, это неотъемлемое качество Рыцаря Короля, и теперь он сделает все, что потребуется, чтобы остаться в живых.

Старая игра окончилась, подумал он. Вот-вот начнется новая. И она может стать величайшей из всех игр Рыцаря Короля, какую ему когда-либо приходилось проводить, потому что она будет настоящей.

Роланд бережно держал священную секиру и ждал возвращения одноглазого горбуна. Ему казалось, что он слышит звон игральных кубиков в чаше из выбеленной кости.

Глава 16

Чемпион мира по рвоте

– Леди, я бы на вашем месте не стал пить это, ей-богу.

Напуганная чужим голосом, Сестра Жуть оторвалась от грязной лужи, над которой она склонилась на четвереньках, и посмотрела вверх.

В нескольких ярдах от нее стоял низенький толстяк в отрепьях сожженного норкового манто. Из-под лохмотьев выглядывала красная шелковая пижама и торчали голые птичьи ноги. Однако на них были дорогие черные вингтипы⁴. Круглое бледное лицо было изрыто мелкими ожогами, словно Луна кратерами, а все волосы опалены, кроме седых бакенбард и бровей. Лицо сильно распухло, крупный нос и щеки как будто надули воздухом, и сквозь кожу виднелась фиолетовая паутина лопнувших сосудов. Темно-карие глаза-щелки переходили с Сестры Жуть на лужу и обратно.

– Эта дрянь отравлена, – произнес он с акцентом, имея в виду «отравлена». – Убивает сразу же.

Сестра Жуть стояла на коленках над лужей, как зверь, защищающий свое право напиться. Она укрылась от проливного дождя в остове такси и всю долгую отвратительную ночь пыталась уснуть, но редкие минуты ее покоя нарушались галлюцинациями: ей мерещился человек из кинотеатра – тот, у которого было не одно, а тысяча лиц.

Как только черное небо посветлело и приобрело цвет речной тины, она покинула укрытие, стараясь не глядеть на труп на переднем сиденье, и пошла искать пищу и воду. Дождь стих, только время от времени моросило, но воздух заметно посвежел, как бывает в начале ноября, и в своих мокрых лохмотьях она дрожала от холода. От дождевой воды пахло пеплом и серой, но во рту у Сестры Жуть так пересохло и ей так хотелось пить, что она уже собралась окунуть лицо в лужу и открыть рот.

– Там, позади, из лопнувшей водопроводной магистрали бьет водяной фонтан, прямо гейзер, – сказал человек и показал туда, где, по представлениям Сестры Жуть, был север. – Похож на Олд-Фейтфул.

Она отпрянула от зараженной лужи. Вдалеке, как проходящий товарняк, громыхал гром. Сквозь низкие грязные облака не было видно и намека на солнце.

– У вас нет еды? – спросила она распухшими губами.

– Парочка луковых рулетов там, где, похоже, была булочная. Я не смог к ним даже прийтись. Моя жена говорит, что я единственный в мире с таким капризным желудком. – Он приложил к животу руку, покрытую волдырями. – У меня язва и желудочные колики.

Сестра Жуть поднялась. Она была дюйма на три выше его.

– Страшно хочется пить, – пожаловалась она. – Покажете, как попасть к воде?

В небе загрохотало. Человек в пижаме задрал голову, потом тупо постоял, разглядывая руины.

– Я вот хочу найти телефон или полицейского, – сказал он. – Всю ночь искал. Никого не найдешь, когда нужно.

– Произошло что-то страшное, – сказала ему Сестра Жуть. – Не думаю, что здесь вообще есть телефоны или полиция.

– Я должен найти телефон, – настаивал человек. – Понимаете, жена будет волноваться, что со мной что-то случилось. Я должен позвонить ей и объяснить. Объяснить ей, что со мной все... в порядке.

⁴ *Вингтипы* (от *англ.* wingtip – конец крыла) – мужские классические туфли с перфорированной накладкой в форме буквы W.

Голос его сник, и он устался на пару ног, нелепо торчавших из кучи перекрученного металла и бетонных обломков.

– Ох... – прошептал он, и Сестра Жуть увидела, что на его глазах, будто роса на оконном стекле, выступили слезы.

«Он ненормальный, черт возьми», – подумала она и двинулась на север.

Взбираясь на высокий хребет из обломков и хлама, она услышала за спиной тяжелое дыхание низкорослого толстяка.

– Видите ли, – сказал он, – я не здешний. Я из Детройта. У меня обувной магазин в Восточном торговом центре. Я приехал сюда по делам, понимаете? Если моя жена услышит обо всем этом по радио, она с ума сойдет.

В ответ Сестра Жуть лишь хмыкнула. У нее на уме была только вода.

– Меня зовут Виско, – представился он. – Артур Виско. Коротко – Арти. Мне нужно найти телефон! Знаете ли, у меня пропал бумажник, одежда, вообще все, вот проклятье! В ночь перед тем, как это случилось, я с другими парнями загулял. Меня все утро тошнило. Я провалился в постели и пропустил первые торги. Я закутался с головой в одеяло, и вдруг появилось чудовищное сияние, страшно загремело, и моя кровать рухнула сквозь пол! Отель стал разваливаться на части, а я пролетел через дыру в вестибюле и приземлился в подвале, все так же в кровати. Когда я выкопался и вылез наружу, отеля не было. – Он издал безумный смешок. – Господи, весь квартал исчез.

– Много кварталов исчезло.

– Ага. Вот, ноги сильно ободрал. Как вам это нравится? Я, Арти Виско, и босой. Вот и пришлось взять туфли у... – Голос его снова затих. Они почти достигли вершины холма. – Идти недалеко, – сказал он. – Да вот ноги у меня распухли. Скажу вам прямо, обувь – вещь важная! Что бы люди делали без нее? Вот возьмем ваши кеды. Они дешевые и долго не прослужат.

Сестра Жуть повернулась к нему.

– Вы можете помолчать? – требовательно спросила она и продолжила восхождение.

Его не было слышно меньше минуты.

– Жена говорила, не нужно ехать сюда. Сказала, я пожалею о потраченных деньгах. Я ведь не богат. Но я ответил, что такое ведь, черт возьми, раз в год бывает. Раз в год в «Большом яблоке» – это не...

– Да все пропало! – закричала на него Сестра Жуть. – Вы ненормальный! Оглянитесь вокруг!

Арти встал как вкопанный, вылупив на нее глаза, а когда опять открыл рот, казалось, его опухшее лицо вот-вот треснет.

– Пожалуйста, – прошептал он, – пожалуйста, не надо...

«Парень, кажется, в любой момент может тронуться, – догадалась она. – Не стоит подталкивать его».

Она тряхнула головой. Не надо доводить все до полного развала. Все рухнуло, но у нее еще оставался выбор: она могла усесться тут, на этой куче, и ждать смерти, или она могла найти воду.

– Извините, – сказала она. – Я не слишком хорошо спала этой ночью.

По его лицу наконец стало заметно, что он реагирует на окружающее.

– Все холодает, – размышлял он. – Поглядите-ка, видно дыхание. – И выдохнул облачко пара. – Вот, это вам нужнее, чем мне.

Он стал стаскивать с себя манто.

– Послушайте, если моя жена когда-нибудь узнает, что я носил норковое манто, она мне проходу не даст! – доверительно сообщил он.

Сестра Жуть отмахнулась от предложенной шубки, но Арти настаивал:

– Э, да вы не беспокойтесь! Там, где я его взял, такого добра полно.

Наконец, чтобы получить возможность идти дальше, женщина позволила ему надеть на себя оборванное манто и провела рукой по взъерошенному меху.

– Моя жена говорит, что я могу походить на настоящего джентльмена, когда захочу, – похвастался Арти. – А что у вас с шеей?

Сестра Жуть дотронулась до горла.

– Кое-кто забрал у меня одну вещицу, – ответила она, запахнула манто на груди, чтобы согреться, и полезла дальше.

Впервые в жизни она надела норку. Когда она добралась до вершины хребта, ее охватило дикое желание закричать: «Эй, вы, там, бедные мертвые грешники! Перевернитесь и посмотрите на леди!»

Во всех направлениях простирался разрушенный город. Сестра Жуть стала спускаться по склону хребта. За ней по пятам шел Арти Виско. Он все еще тараторил про Детройт, обувь и поиски телефона, но Сестра Жуть перевела разговор на другую тему.

– Покажите, где вода, – сказала она ему, когда они спустились.

Он, озираясь, постоял с минуту, будто раздумывая, где же остановка автобуса.

– Сюда, – наконец махнул он рукой, и они опять стали карабкаться по крутым завалам из битого кирпича, искореженных автомобилей и перекрученного металла. Под ногами лежало так много трупов, в разной степени изуродованных, что Сестра Жуть перестала испуганно вздрагивать, когда наступала на тело.

Стоя на вершине завала, Арти показал:

– Вот он.

Внизу из трещины в бетоне бил водяной фонтан. На востоке в небе сквозь облака проскакивала сеть красных всполохов, за которыми следовали глухие сотрясения земли: где-то гремели взрывы.

Они спустились в долину и пошли через остатки того, что днем раньше было сокровищами цивилизации. Обгоревшие картины, все еще в рамках, оплавленные телевизоры и стереоприемники, изуродованные остатки серебряных украшений и золотых бокалов, чашек, ножей, вилок, канделябров, проигрывателей, ведерок для шампанского, черепки того, что представляло собой бесценное искусство, античные вазы, статуи в стиле ар-деко, африканские скульптуры и уотерфордский хрусталь.

Сверкнула молния, на этот раз ближе. Багровые блики осветили обломки бижутерии и ювелирных изделий, рассыпанных на месте катастрофы, – ожерелий и браслетов, колец и булавок.

Сестра Жуть нашла указатель с названием улицы, торчавший из завала, и чуть не рассмеялась, но испугалась, что если засмеется, то не остановится, пока мозги не станут набекрень. На указателе было написано: «Пятая авеню».

– Видите? – В обеих руках Арти держал по норковому манто. – Я же говорил, тут есть еще.

Он стоял, по колени утопая в почерневшей роскоши: накидки из леопардовых шкур, горностаевые мантии, жакеты из котика. Он выбрал лучшее пальто, какое смог найти, и с трудом надел его.

Женщина остановилась, чтобы порыться в куче кожаных сумок и чемоданов. Она раскопала большую сумку с прочной ручкой и закинула ее на плечо. Теперь она уже не чувствовала себя так, словно чего-то не хватает. Она взглянула на почерневший фасад здания, из которого взрывом выбросило всю эту кожгалантерею. Ей удалось разобрать остатки вывески: «Гуччи». Видимо, это была лучшая сумка, которую она когда-либо носила.

Они почти добрались до фонтана, когда вспышка молнии отразилась в неких рассыпанных среди обломков предметах, засверкавших, словно угольки костра. Сестра Жуть остановилась, нагнулась и подняла с земли одну из этих маленьких «звезд» – кусок стекла разме-

ром с кулак. Стекло спеклось, и в нем застыла россыпь мелких рубинов, горевших яркими переливами. Она огляделась вокруг и увидела, что повсюду разбросаны слитки, оплавленные жаром в различные формы, будто бы выдутые сумасшедшим стеклодувом. От здания ничего не осталось, кроме стены из зеленого мрамора. Но когда она посмотрела на уцелевшие слева развалины и прищурилась, чтобы лучше видеть при мутном освещении, то прочла на арке из разбитого мрамора буквы «ТИФ...НИ».

«Тиффани», – догадалась она.

Так... если тут был магазин Тиффани... тогда она стоит прямо перед...

– Нет, нет, – прошептала она, и слезы полились из ее глаз. – О нет... о нет...

Сестра Жуть стояла рядом со своим волшебным уголком – перед магазином хрустеля Штойбена. А то, что было прекрасными шедеврами, стало бесформенными слитками у нее под ногами. Место, куда она приходила помечтать над выставками бездушного стекла, исчезло, было снесено до основания и разметено. Вид этой свалки по контрасту с запомнившимися витринами потряс ее воображение, будто двери в рай с грохотом захлопнулись у нее перед носом.

Она стояла неподвижно, только слезы медленно ползли по щекам, обезображенным волдырями.

– Поглядите-ка сюда, – позвал Арти и поднял деформированный стеклянный восьмигранник, полный бриллиантов, рубинов и сапфиров. – Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? Смотрите! Их полно в этом чертовом месте!

Он погрузил в кучу ладонь и вынул пригоршню оплавившегося стекла, усыпанного драгоценными камнями.

– Эгей! – Его хохот напоминал ослиный крик. – Мы богачи, леди! Что пойдем покупать в первую очередь?

Все еще хохоча, он подбросил куски стекла в воздух.

– Все, что угодно, леди! – орал он. – Я куплю вам все, что захотите!

Сверкнула молния, и Сестра Жуть увидела, как уцелевшая стена магазина хрустеля Штойбена засветилась мерцающими вспышками красных рубинов всех оттенков, изумрудов глубоких цветов, сапфиров полночной голубизны, дымчатых топазов и прозрачных алмазов. Она подбежала к стене – под ногами хрустела щебенка – и протянула руку, чтобы коснуться ее. Стена была усыпана драгоценными камнями. Сестра Жуть поняла, что все сокровища «Тиффани», «Фортунофф» и «Картье», должно быть, выбросило из зданий, фантастическим ураганом драгоценностей пронесло по Пятой авеню и перемешало с расплавленным стеклом статуи волшебного для нее места. Сотни драгоценных камней в искореженной стене зеленого мрамора на несколько секунд задержали в себе свет молнии, а затем свечение затухло, точно выключили многоваттную лампу.

«Хлам, – подумала она. – Страшный, страшный хлам...»

Она отступила назад. Слезы жгли глаза. Одна нога поскользнулась на стекле, и женщина с размаху села. Она сидела, не находя в себе желания снова встать.

– Что с вами? – Арти осторожно подошел к ней. – Вы не ушиблись, леди?

Она не ответила. Она устала, вымоталась и решила задержаться здесь, в развалинах волшебного места, и, может быть, недолго отдохнуть.

– Вы собираетесь вставать? Вон, почти рядом вода.

– Оставьте меня в покое, – бессильно сказала она. – Уходите.

– Уходить? Леди, а куда, черт возьми, мне идти?

– Мне все равно. Мне на это наплевать. Слюной.

Сестра Жуть наскребла пригоршню оплавленных стекляшек и золы и медленно просеяла их сквозь пальцы. Какой смысл делать еще один шаг? Маленький толстяк прав. Идти некуда. Все пропало, сожжено и разрушено.

– Надежды нет, – прошептала она и глубоко зарылась рукой в золу рядом с собой. – Надежды нет.

Она сжала несколько слитков стекла и подняла их, чтобы посмотреть, в какую пустышку превратились ее мечты.

– Что это за чертовщина? – спросил Арти.

В руке Сестры Жуть лежало большое стеклянное кольцо в форме бублика. Посередине находилось отверстие диаметром в шесть-семь дюймов. Толщина самого кольца была около двух дюймов, а диаметр – около семи. По окружности через неодинаковые интервалы рельефно выступали пять стеклянных шипов, один – тонкий, как сосулька, второй – шириной с лезвие ножа, третий – изогнутый крючком, а остальные два – просто бесформенные. Внутри стекла была заключена сотня темных овалов и квадратов различного размера, в глубине их соединяла странная паутина линий.

– Баракло, – пробормотала она и хотела было бросить находку обратно в золу, но тут снова сверкнула молния.

Стеклянная безделушка неожиданно брызнула ярким светом, и на мгновение Сестра Жуть подумала, что кольцо воспламенилось в ее руке. Она взвизгнула и уронила его, а Арти заорал:

– Господи!

Свет исчез.

Женщина осмотрела дрожащую ладонь и пальцы, чтобы убедиться, что не обожглась; тепла не было, лишь ослепительная вспышка. Сестра Жуть все еще чувствовала, как свет пульсирует под веками.

Она потянулась к кольцу, но отдернула руку. Арти приблизился и наклонился в нескольких футах от нее.

Сестра Жуть притронулась к диковинке и опять отдернула руку. Стекло было гладким, как прохладный бархат. Она задержала на нем пальцы, потом сжала его в ладони и подняла из золы. Оно оставалось темным. Женщина стала рассматривать его и почувствовала, как колотится сердце.

В самой глубине стеклянного кольца притаился малиновый свет. Он начал разгораться в пламя, распространяться по паутине к другим вкраплениям внутри кольца, пульсируя и с каждой секундой становясь сильнее и ярче.

Рубин величиной с ноготь мерцал ярким красным цветом, другой рубин, поменьше, походил на горящую во тьме спичку. Третий сиял, как комета, а затем и четвертый, и пятый, впаянные в глубину прохладного стекла, начали подавать признаки жизни. Красный свет непрерывно пульсировал, и Сестра Жуть почувствовала, что его ритм совпадает с биением ее сердца.

Другие рубины переливались, вспыхивали, как угольки. Внезапно чистым бело-голубым светом проявился бриллиант, а сапфир в четыре карата засиял ослепительным ярко-синим. Когда биение сердца Сестры Жуть участилось, ускорилось и мерцание сотен камней, заключенных в стеклянном кольце. Изумруд отзывался прохладным зеленым светом, грушевидный бриллиант горел раскаленной белизной, топаз – пульсирующим темным красно-коричневым. Рубины, сапфиры, бриллианты и изумруды десятками пробуждались, свечение трепетало, пробега по паутине, пронизывавшей толщу стекла. Нити драгоценных металлов – золота, серебра и платины, – заключенные в стекле, тоже светились и служили как бы бикфордовыми шнурами, от них становились еще ярче вспышки изумрудов и топазов, разгорался пурпур аметистов.

Стеклянное кольцо рдело, как многоцветный круг, однако под пальцами Сестры Жуть не чувствовалось тепла. Свечение пульсировало с такой же частотой, с какой билось сердце женщины, мерцающие волшебные краски горели все ярче.

Она никогда не видела ничего подобного, никогда, даже на витринах магазинов Пятой авеню. Внутри стекла оказались камни невиданных цветов и чистоты, некоторые до пяти-шести карат, другие крошечные, но тем не менее ярко сверкавшие. Стекло кольцо пульсировало... пульсировало... пульсировало...

– Леди? – прошептал Арти, в его распухших глазах отражалось свечение. – Можно... мне поддержать?

Сестре не хотелось отдавать кольцо, но он смотрел с таким изумлением и страстной жаждой, что она не смогла отказать.

Его обожженные пальцы сжали кольцо, и, как только оно освободилось от руки Сестры Жуть, пульсация изменилась, подхватив биение сердца Арти Виско. Изменились и цвета: сильнее засветились синие и зеленые, а рубиновый и бело-голубой чуть-чуть пригасли. Арти поглаживал кольцо, и бархатистая поверхность напомнила ему о том, какой была кожа его жены, когда она была молода и они, молодожены, только начинали совместную жизнь. Он вспомнил, как сильно любил жену и желал ее. Он ошибся, понял он. Ему есть куда идти.

«Домой, – подумал Арти. – Я должен добраться домой».

Через несколько минут он осторожно возвратил кольцо Сестре Жуть. Оно опять изменилось. Женщина сидела, держа его в ладонях и всматриваясь в прекрасные глубины.

– Домой, – прошептал Арти, и она подняла взгляд.

Арти не мог расстаться с воспоминанием о мягкой и нежной коже жены.

– Я должен добраться домой, – сказал он уверенно.

Он неожиданно быстро заморгал, будто получил пощечину, и Сестра Жуть увидела в его глазах слезы.

– Здесь... нигде нет телефона? – спросил он. – И полицейских тоже нет?

– Нет, – ответила она. – Я думаю, нет.

– О-хо-хо.

Арти кивнул, посмотрел на нее, потом вновь на пульсирующее свечение.

– Вам... тоже нужно домой! – сказал он.

– Мне некуда идти, – мрачно усмехнулась Сестра Жуть.

– Тогда почему бы вам не проехаться вместе со мной?

Она рассмеялась:

– Проехаться с вами? Мистер, вы не заметили, что машины и автобусы сегодня слегка выбились из графика?

– У меня на ногах есть обувь. У вас тоже. Мои ноги еще ходят, да и ваши.

Толстячок отвел взгляд от яркого свечения и оглядел разруху вокруг, будто только что впервые заметил ее.

– Господи, – простонал он. – О Господи, за что?

– Не думаю, что... что Бог имел какое-то отношение к тому, что произошло, – сказала Сестра Жуть. – Я помню, как молилась о Царствии Божиим, о Судном дне, но я никогда не молилась о таком. Никогда.

– Вам нужно сохранить эту вещь, леди. – Арти кивнул на стеклянное кольцо. – Вы нашли ее, поэтому я считаю, что она ваша. Она может кое-чего стоить. Когда-нибудь.

Он восхищенно потряс головой.

– Такие вещи не бросают, леди! – сказал он. – Я не знаю, что это такое, но такие вещи не бросают, это уж точно.

Неожиданно он встал и поднял воротник своего норкового мантио.

– Ну, я думаю, вы сами прекрасно поняли это, леди. – И, бросив последний взгляд на желанное стеклянное кольцо, он повернулся и зашагал прочь.

– Эй! – Сестра Жуть тоже встала. – Куда это вы?

– Я говорил вам, – ответил он, не оборачиваясь. – Я собираюсь домой.

– Вы ненормальный? Детройт ведь не за углом!

Арти не остановился.

«Чокнутый, – решила она. – Еще безумнее, чем я!»

Она положила стеклянное кольцо в свою новую сумку «Гуччи», и, как только отняла от него руку, пульсация прекратилась и свечение сразу же погасло, словно вещь снова заснула. Женщина поспешила за Арти.

– Эй! Подождите! А как же насчет пищи и воды?

– Думаю, что найду, когда мне будет нужно! Если не найду, обойдусь. Разве у меня есть выбор, леди?

– Почти никакого, – согласилась она.

Он остановился, обернувшись к ней:

– Правильно. Черт возьми, я не знаю, дойду ли. Даже не знаю, смогу ли выбраться из этих проклятых развалин! Но мой дом не здесь. Если кто-то умирает, он должен стремиться к дому, туда, где он кого-то любит, чтобы умереть там, вы так не считаете? – Он пожал плечами. – Может, я найду других людей. Может, найду автомобиль. Если хотите – оставайтесь здесь, это ваше дело, но у Арти Виско есть обувь на ногах, и Арти Виско способен идти.

Он помахал рукой и зашагал опять.

«Он больше не сумасшедший», – подумала она.

Начал накрапывать холодный дождь, капли его были черны и маслянисты. Сестра Жуть снова открыла сумку и коснулась пальцем бесформенного стеклянного кольца, чтобы посмотреть, что произойдет.

Один из сапфиров пробудился, и это напомнило ей вращающийся голубой луч, который светил ей в лицо. Картина из прошлого была близко, совсем рядом, но ускользнула прежде, чем женщина смогла поймать ее. Это было что-то такое, что, знала Сестра Жуть, она еще не готова была вспомнить.

Она убрала палец, и сапфир потемнел.

«Всего шаг, – подумала она. – Шаг, потом другой, и так постепенно ты дойдешь туда, куда нужно. Но что, если ты не знаешь, куда идти?»

– Эй! – крикнула она Арти. – Хотя бы поищите зонтик! И постарайтесь найти себе сумку, как у меня, чтобы вам было куда положить пищу и прочее!

«Господи, – подумала она, – этот парень не пройдет и мили! Надо идти с ним, хотя бы ради того, чтобы он не свернул себе шею».

– Подождите меня! – попросила она.

Сестра Жуть прошла несколько ярдов к фонтану, возникшему из разбитого водопровода, и встала под струю, смывая с тела пыль, пепел и кровь. Затем открыла рот и пила до тех пор, пока у нее в животе не забулькало. Но жажду сменил голод. Может, удастся найти что-нибудь поесть, а может, и нет, рассуждала она. Но по крайней мере, жажда теперь ее не мучает.

«Один шаг, – подумала она. – По одному шагу».

Арти ждал. По привычке Сестра Жуть подхватила несколько кусков стекла поменьше, куда вплавились камешки, завернула их в драный голубой шарф и положила в сумку. Женщина быстро прошла по краю развала – рая для таких, как она, помоечников, и нашла нефритовую шкатулку. Когда она открыла крышку, заиграла мелодия. Нежная музыка среди такого обилия смертей опечалила ее.

Сестра Жуть оставила шкатулку посреди кучи мусора и зашагала к Арти по холодному дождю, прочь от руин ее волшебного уголка.

Глава 17

Пришла старуха с косой

– Суслик в норе! – бредил Поу-Поу Бриггс. – Господи наш, пришла старуха с косой...

Джош Хатчинс не имел представления, сколько времени они пробыли в подвале. Он долго спал и видел ужасные сны про Розы и мальчиков, бегущих от огненного смерча. Он поражался, что все еще может дышать. Воздух был спертый, но казался терпимым. Джош ожидал, что вскоре просто закроет глаза и не проснется. Боль от ожогов можно было терпеть, если не двигаться. Борец лежал, слушая бормотание старика, и думал, что умереть от удушья не так уж плохо, вроде как поперхнешься во сне, не будешь даже по-настоящему знать, что легкие страдают от нехватки кислорода. Больше всего ему было жаль девочку.

«Такая маленькая, – думал он. – Такая маленькая. Даже не успела вырасти».

Сглотнув ком в горле, он переключил свое внимание.

«Ну ладно, – решил он, – усну-ка снова. Может, в последний раз».

Джош подумал о людях, ждавших его на ринге в Конкордии, и ему стало интересно, сколько из них мертвы или умирают сейчас, в эту минуту. Бедный Джонни Ли Ричвайн! Сломать ногу, а на следующий день – такое! Черт! Это несправедливо. Совсем несправедливо.

Что-то уцепилось за его рубашку. На мгновение он даже слегка испугался.

– Мистер? – спросила Сван. Во мраке она подползла к нему на звук его дыхания. – Вы меня слышите, мистер?

Она опять для верности потянула за его рубашку.

– Да, слышу. Что случилось?

– Мама заболела. Вы не поможете?

Джош сел.

– Что с ней?

– Она странно дышит. Пожалуйста, помогите ей. – Голос у девочки звучал напряженно, но плакать она не собиралась.

«Крепкая малышка», – подумал он.

– Хорошо. Возьми мою руку и веди к ней.

Он протянул ладонь, и через несколько секунд Сван в темноте нашла и стиснула три его пальца в ладони. Она повела его. Вдвоем они продвигались через подвал к тому месту, где на земле лежала ее мать. До этого девочка спала, свернувшись рядом. Ее разбудил звук, похожий на скрип ржавой дверной петли. Тело Дарлин было горячим и влажным, но ее бил озноб.

– Мама, – прошептала Сван, – я привела великана помочь тебе.

– Мне нужен только покой, родная, – ответила мать сонным голосом. – У меня все хорошо. Не беспокойся обо мне.

– У вас ничего не болит? – спросил ее Джош.

– Идиотский вопрос. У меня болит все. Господи, не понимаю, что же со мной такое. Еще совсем недавно я чувствовала себя вполне хорошо, всего-то солнечный ожог. Но вот гадство! У меня ведь бывали солнечные ожоги и посильнее этого. – Она с трудом сглотнула. – Хорошо бы пивка.

– Может быть, здесь есть что-нибудь.

Джош начал искать, вскрыл несколько смятых банок. Без света он не мог определить, что в них находится. Он был голоден и хотел пить, зная, что девочка тоже должна испытывать голод. И Поу-Поу наверняка следовало напоить. Джош нашел банку чего-то, что зашипело и потекло, когда он открыл крышку. Он попробовал жидкость на вкус. Сладкий персиковый сок. Он поднес банку ко рту женщины, чтобы та могла утолить жажду. Дарлин отхлебнула, потом слабо оттолкнула от себя его руку.

– Вы что, решили меня отравить? Я сказала, хочу пива!

– Извините. Это все, что я смог сейчас найти.

Он передал банку Сван и посоветовал попить.

– За нами не идут, чтобы откопать нас из этого сортира?

– Не знаю. Может быть... – Он помолчал. – Может быть, скоро.

– У меня один бок горит, будто его поджаривают, а другой мерзнет. Это так неожиданно!

– Все будет хорошо, – заверил Джош.

Смешно, но он не знал, что еще сказать. Он чувствовал, девочка сидит около него, молчит и слушает.

– Отдохните, и силы к вам вернутся, – обратился он к Дарлин.

– Вот видишь, Сван? Я же говорила тебе, со мной все будет хорошо.

Больше Джошу делать тут было нечего. Он взял у Сван банку с персиковым соком и подполз к бредившему Поу-Поу. «Идет с косой, – бормотал старик. – О боже... Ты нашел ключ? Как же я теперь заведу грузовик без ключа?»

Джош дотронулся до его лба, приподнял старику голову и поднес вскрытую банку к его губам. Поу-Поу и трясся в ознобе, и горел в жару.

– Попейте, – сказал Хатчинс. Старик, послушный, как ребенок, припал к жестяному краю.

– Мистер? Мы собираемся выбираться отсюда?

Джош не думал, что девочка снова рядом. Голос у нее был все такой же спокойный, и говорила она шепотом, чтобы не услышала мать.

– Конечно, – ответил он.

Ребенок промолчал, и у Джоша снова возникло ощущение, что Сван даже в темноте видит: он лжет.

– Я не знаю, – прибавил он. – Может быть. Может быть, нет. Это зависит...

– Зависит от чего?

«Да уж точно не от меня», – подумал он.

– Это зависит от того, что сейчас творится там, снаружи. Ты понимаешь, что произошло?

– Что-то взорвалось, – ответила она.

– Правильно. Но и во многих других местах тоже что-то взорвалось. Целые города. Там, вполне вероятно... – Он колебался, говорить ли ей все, как есть. – Возможно, миллионы людей погибли или завалены так же, как и мы. Поэтому, может быть, не осталось никого, чтобы вызвать нас.

Она помолчала с минуту, потом сказала:

– Это не то, о чем я спрашивала. Я спросила: «Мы собираемся выбираться отсюда?»

Джош понял, что она имеет в виду: намерены ли они сами попытаться освободиться, вместо того чтобы ждать, что кто-то придет им на помощь.

– Ну, – вздохнул он, – если бы у нас под рукой имелся бульдозер, я бы ответил «да». А так – я не думаю, что мы в ближайшее время сможем что-нибудь предпринять.

– Моя мама действительно больна, – сказала Сван, и на этот раз голос ее дрогнул. – Я боюсь.

– Я тоже, – признался Джош.

Девочка всхлипнула, но тут же утихла, совладав с волнением огромным усилием воли. Джош протянул руку и коснулся ее локтя. На ее коже лопнули волдыри. Мужчина вздрогнул и отдернул руку.

– А ты как? – спросил он Сван. – Болит что-нибудь?

– Кожа. Как будто ее колет и царапает. И живот еще. Меня уже давно тошнило, а недавно все-таки вырвало, но я сделала это там, в углу.

– Да, я тоже нехорошо себя чувствую.

Ему хотелось помочиться, и он уже подумывал, как бы устроить какую-нибудь систему санитарии. У них имелась масса консервированных продуктов, фруктовых соков и трудно сказать чего еще, заваленного землей.

«Прекрати!» – приказал он себе, потому что эти мысли оставляли ему капельку надежды. Воздух скоро закончится! В их положении нет никакого способа выжить!

Но он понимал, что они находятся в единственном месте, которое могло защитить их от взрыва. Из-за огромной толщи земли, наваленной сверху, радиация не могла сюда проникнуть. Джош устал, у него ломило суставы, но ему больше не хотелось лежать и умирать. Если он сдастся, то девочке придется остаться здесь замурованной. Если же он поборет слабость и станет действовать, наведет порядок в банках с едой, он сможет добиться того, что они проживут еще... сколько? Ему стало интересно. Еще день? Неделю?

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Девять, – ответила девочка.

– Девять, – тихо повторил Джош и покачал головой.

Гнев и печаль боролись в его душе. Девятилетний ребенок должен играть на летнем солнышке. Девятилетний ребенок не должен сидеть в темном подвале, одной ногой в могиле. Это несправедливо! К чертям собачьим, как это несправедливо!

– Как тебя зовут? – спросила она.

Прошла минута, прежде чем он обрел дар речи.

– Джош. А тебя – Сван?

– Сю Ванда. Но мама зовет меня Сван. А как вы стали великаном?

В его глазах стояли слезы, но ему удалось улыбнуться.

– Наверно, в детстве хорошо ел кашу, когда был примерно в твоём возрасте.

– И от каши вы стали великаном?

– Ну, я всегда был большим. Раньше я играл в футбол, сначала в университете в Оберне, затем за «Нью-Орлеан сэйнтс».

– А сейчас?

– Сейчас – нет. Я... я борец, – сказал он. – Профессиональная борьба. Выступаю в роли плохого парня.

– А-а-а... – Сван задумалась.

Она вспомнила, что один из ее многочисленных «дядей», дядя Чак, раньше ходил на борцовские матчи в Уичито и смотрел их по телевизору.

– Вам это нравилось? Я имею в виду быть плохим парнем?

– По правде говоря, это просто игра. Я лишь изображал плохого. И даже не знаю, нравилось мне это или нет. Просто я умел это делать.

– Суслик в норе! – вскрикнул Поу-Поу. – Господи, пусть он уйдет!

– Почему он все время говорит про суслика? – спросила Сван.

– Ему очень больно. Он не понимает, что говорит.

Поу-Поу бредил о тапочках, о том, что злакам нужен дождь, потом опять умолк. От тела старика несло жаром, как из открытой печки, и Джош понимал: долго тот не протянет. Одному богу было известно, что произошло в его мозгу, когда он смотрел на взрыв.

– Мама сказала, что мы едем в Блейкмен, – сказала Сван, отвлекая его внимание от старика. Девочка осознала, что тот уже при смерти. – Она говорила, мы едем домой. А вы куда?

– В Гарден-Сити. Я должен был там выступить.

– Там ваш дом?

– Нет. Мой дом в Алабаме, далеко-далеко отсюда.

– Мама говорила, что мы едем к дедушке. Он живет в Блейкмене. А в Алабаме живет ваша семья?

Он подумал о Розе и сыновьях. Но теперь они – часть чьей-то другой судьбы, если, конечно, еще живы.

– У меня нет никакой семьи, – сказал Джош.

– Разве у вас нет никого, кто вас любит? – спросила Сван.

– Нет, – ответил он. – Думаю, нет.

Он услышал стон Дарлин и сказал:

– Последи за мамой.

– Да, сэр.

Сван поползла было от него, но потом оглянулась на великана.

– Я знала, что случится что-то ужасное, – сказала она. – Я поняла это в ту ночь, когда мы покинули трейлер дяди Томми. Я пыталась объяснить это маме, но она не поняла.

– Как же ты узнала?

– Мне сказали светлячки, – ответила она. – Я поняла это по их свечению.

– Сю Ванда, – слабым голосом позвала Дарлин. – Сван? Где ты?

– Тут, мама. – Девочка поползла назад к матери.

«Светлячки ей сказали, – подумал Джош. – Правильно. По меньшей мере, у ребенка развито воображение. Это хорошо. Иногда воображение может стать лучшим укрытием, когда дела идут совсем неважно».

Но вдруг он вспомнил стаи саранчи, в которые попал его автомобиль. «В последние два-три дня они летели с полей тысячами», – говорил Поу-Поу. Странно.

«Может, саранча как-то узнала про то, что должно произойти на этих полях? – удивился Джош. – Наверное, насекомые умеют предчувствовать катастрофу. В этот раз, может быть, они уловили запах беды в ветре? Или в самой земле?»

Мысли его перешли к более важным вопросам. Сначала ему нужно найти место, чтобы справить нужду, иначе его мочевой пузырь лопнет. Прежде ему не приходилось делать это, сидя на корточках. Но если с воздухом все будет в порядке и они еще сколько-нибудь протянут, то с этим что-то надо придумать. Ему не улыбалось ползать по своему добру, как, впрочем, и по чужому. Пол состоял из бетона, но весь растрескался от толчков... И тут Хатчинс вспомнил про мотыгу, на которую наткнулся где-то в завале. Можно выкопать отхожее место.

Джош решил обследовать на четвереньках подвал, собирая консервы и все, что попадется в руки. Здесь явно много припасов, а в банках может быть достаточно воды и соков, чтобы продержаться какое-то время. Больше всего они нуждались в свете; Джош никогда прежде не подозревал, как он станет скучать по электричеству.

Он отполз в дальний угол, чтобы помочиться.

«Долго придется ждать до следующей ванны, – подумал он. – Зато в ближайшее время не понадобятся солнечные очки».

Его передернуло, и он поморщился. Моча, вытекавшая из него, жгла, как аккумуляторная кислота.

«Однако я жив! – подбодрил он себя. – Может, не так уж много в мире того, ради чего стоит жить, но я жив. Завтра, может, я и умру, но сегодня я жив и писаю, стоя на коленках».

В первый раз после взрыва он позволил себе подумать, что когда-нибудь каким-нибудь образом он еще сумеет снова увидеть мир снаружи.

Глава 18

Сделать первый шаг

Темнота спустилась внезапно. В июльском воздухе стоял декабрьский холод, черный ледяной дождь продолжал поливать руины Манхэттена.

Сестра Жуть и Арти Виско стояли на гребне гряды, образованной развалинами зданий, и смотрели на запад. На другом берегу Гудзона на нефтеперегонных заводах Хобокена и Джерси-Сити все еще полыхали пожары, там бушевало оранжевое пламя. На западе же пожаров не было. Капли дождя стучали по сморщенному пестрому зонтику, который Арти нашел в руинах магазина спорттоваров. Магазин этот снабдил их и другими сокровищами: светоотражающим ярко-оранжевым рюкзаком, который теперь висел за плечами Арти, и новой парой кроссовок для Сестры Жуть. В сумке «Гуччи», висевшей у нее на плече, лежали обгоревшая буханка ржаного хлеба, две банки анчоусов с ключиками на крышках, пакет жареных ломтиков ветчины и чудом уцелевшая, пережившая катастрофу бутылка канадского имбирного эля. Путникам потребовалось несколько часов, чтобы пересечь пространство между началом Пятой авеню и первым пунктом назначения – туннелем Линкольна. Однако туннель обрушился, и река затопила его до самых ворот для сбора платы за проезд, возле которых горой лежали раздавленные автомобили, бетонные плиты и трупы.

Они молча отвернулись. Сестра Жуть повела Арти на юг, к туннелю Холланда и другим путям под рекой. Прежде чем они дошли, стемнело, и теперь им приходилось ждать утра, чтобы выяснить, не обвалился ли и туннель Холланда. Последний указатель, найденный Сестрой Жуть, гласил: «Двадцать вторая Западная улица», но он валялся на боку в золе и мог быть заброшен сюда взрывом издалека.

– Ну, – тихо сказал Арти, глядя за реку, – непохоже, что там кто-нибудь живет?

– Нет.

Сестра Жуть вздрогнула и поплотнее запахнула норковое манто.

– Холодает. Нужно найти какое-нибудь укрытие.

Она поглядела на смутно проступавшие в сумерках уцелевшие дома. Любой из них мог обрушиться на их головы, но Сестре Жуть куда больше не нравилось, как быстро падает температура.

– Пошли, – позвала она и зашагала к одному из сооружений.

Арти молча последовал за ней.

За время путешествия они встретили лишь четырех человек, не погибших в катастрофе, и трое из них оказались так изувечены, что жизнь в них едва теплилась. Четвертый – страшно обгоревший мужчина в полосатом костюме строгого покроя, – когда они приблизились к нему, взвыл, как собака, и нырнул обратно в расщелину. Сестра Жуть и Арти шли буквально по трупам, и ужасный лик смерти перестал их страшить. Теперь они вздрагивали, слышав в завалах чей-то стон, а один раз их испугали хохот и визг вдалеке. Они пошли на голоса, но так и не увидели никого живого. Безумный смех преследовал Сестру Жуть. Он напомнил ей о том, что она услышала в кинотеатре, – о смехе человека с горящей рукой.

«Думаю, что там, снаружи, есть и другие уцелевшие, – сказал он. – Вероятно, прячутся где-нибудь. В ожидании смерти. Хотя долго им ждать не придется. Вам тоже».

– Это мы еще посмотрим, гаденыш, – сказала вслух Сестра Жуть.

– Что? – спросил Арти.

– А, ничего. Я просто... думала.

«Думала!» – внезапно поняла она.

Этим она не привыкла заниматься. Последние несколько лет прошли для нее в каком-то угаре, а до них была тьма, нарушаемая только вспышками ярко-голубого света и демоном в желтом дождевике.

«Мое настоящее имя не Сестра Жуть! – вдруг осознала она. – Мое настоящее имя...» Но она не помнила его, как не помнила, кто она и откуда появилась.

«Как я попала сюда?» – спрашивала она себя, но не могла найти ответа.

Они забрались в руины здания из серого камня. Для этого им пришлось вскарабкаться на кучу обломков и проползти через дыру в стене. Внутри оказалось черным-черно, а воздух был

пропитан запахом тины и дымом, но по крайней мере они укрылись от ветра. Они на ощупь шли по наклонному полу, пока не наткнулись на угол. Устроившись там, Сестра Жуть полезла в сумку за буханкой хлеба и бутылкой с элем. Ее пальцы коснулись стеклянного кольца, обернутого смятой полосатой рубашкой, которую она сняла с манекена. Другие осколки, завернутые в голубой шарф, лежали на дне сумки.

– Вот. – Она отломала хлеба и дала Арти, потом взяла ломоть себе.

Вкус был горелый, но все же лучше, чем ничего. Она скovitнула крышку с бутылки эля, который сразу запенился и полез наружу. Тут же приложив горлышко ко рту, женщина сделала несколько глотков и передала бутылку Арти.

– Терпеть не могу имбирный эль, – сказал он, когда утолил жажду. – Но это лучшее из того, что я когда-либо пил в своей жизни.

– Не выпивай все сразу.

Сестра Жуть задумалась, стоит ли открывать анчоусы, ведь они соленые и пить захочется еще сильнее. Ломтики ветчины были слишком большой роскошью, чтобы съесть их сейчас. Она отломала еще один кусок хлеба для спутника, затем такой же для себя и убрала буханку.

– Знаете, что я ел на ужин, перед тем как это случилось? – спросил Арти. – Говядину. Большое такое ребрышко в одном заведении на Пятидесятой Восточной. Потом я и еще несколько парней пошли по барам. Это был вечерок, скажу я вам! Чертовски здорово провели время!

– Хорошо вы живете.

– Ага. А что вы делали в ту ночь?

– Ничего особенного, – ответила она. – Просто находилась неподалеку.

Арти на время затих, жуя хлеб. Потом продолжил:

– Перед тем как выйти, я позвонил жене. Кажется, я наврал ей – сказал, что пойду прогуляюсь, хорошо поем и вернусь в отель. Она просила меня быть осторожным и сказала, что любит меня. Я заверил, что люблю ее и через пару дней вернусь.

Он умолк и вздохнул. Сестра Жуть услышала, как у него перехватило дыхание.

– Боже, – прошептал он, – я рад, что позвонил ей. Рад, что услышал ее голос до того, как это случилось. Эй, леди, а что, если в Детройт тоже попали?

– Попали? Что значит – попали?

– Ядерной бомбой, – сказал он. – Что еще, вы думаете, могло сотворить такое? Ядерная бомба! Может, даже не одна. Возможно, их сбросили по всей стране! Вероятно, попали во все города, и в Детройт тоже!

В голосе Арти зазвучали истерические нотки, и мужчина заставил себя остановиться и успокоиться.

– Нас бомбили эти сволочи-русские, леди. Вы что, не читали газет?

– Нет, не читала.

– А что же вы делали? Жили на Марсе? Любой, кто читает газеты и смотрит телек, мог сообразить, что это свинство не за горами! Русские разбомбили нас к чертовой матери... и я думаю, мы сполна ответили им тем же.

«Ядерная бомба?» – удивленно подумала Сестра Жуть.

Она едва вспомнила, что это такое. Ядерная война – уж о ней-то она беспокоилась меньше всего!

– Надеюсь, если попали в Детройт, то она умерла быстро. Я имею в виду, что надо бы надеяться на такое. Чтобы она умерла быстро, без страданий. – произнес Арти.

– Да. Думаю, это правильно.

– Хорошо ли... правильно ли, что я солгал ей? Но эта была «белая» ложь. Я не хотел, чтобы она беспокоилась обо мне. Она волнуется, что я много пью и делаю глупости. Я не умею пить. Правильно ли, что вчера вечером я сказал ей «белую» ложь?

Сестра Жуть поняла: он умолял ее подтвердить, что поступил правильно.

– Конечно, – сказала она ему. – Многие в тот вечер сделали хуже. А она легла спать, не волнуясь о...

Что-то острое кольнуло Сестру Жуть в левую щеку.

– Не двигайтесь, – предупредил женский голос. – А лучше не дышите. – Голос дрожал: тот, кто говорил, сам был испуган до смерти.

– Кто здесь? – спросил Арти, у которого душа ушла в пятки. – Эй, леди! Как вы?

– В порядке, – ответила Сестра Жуть.

Она ощупала щеку и почувствовала нажим острого, как нож, куска стекла.

– Я сказала не двигаться. – Осколок уперся в нее. – Сколько еще ваших?

– Только один.

– Арти Виско. Меня зовут Арти Виско. Где вы?

Последовала длинная пауза. Затем женщина спросила:

– У вас есть еда?

– Да.

– Вода? – На этот раз прозвучал мужской голос, откуда-то слева. – Есть вода?

– Не вода. Имбирный эль.

– Давай посмотрим, на что они похожи, Бет, – сказал мужчина.

Вспыхнуло пламя зажигалки, такое яркое во тьме, что Сестре Жуть пришлось на несколько секунд зажмуриться. Незнакомка поднесла огонь к ее лицу, а потом к лицу Арти.

– Думаю, все нормально, – сказала она мужчине, который вышел на свет.

Сестра Жуть смогла разглядеть женщину, присевшую около нее. Лицо у нее было распухшее, на переносице – рана, но все же она выглядела молодо, может, чуть старше двадцати пяти лет. На покрытой волдырями голове осталось несколько свисающих колечек от кудрявых светло-каштановых волос. Брови выжгло, темно-голубые глаза опухли и покраснели. Девушка была стройной, одета в синее полосатое платье в пятнах крови. Длинные тонкие руки сплошь покрыты волдырями. На ее плечи было накинуто что-то вроде куска шитого золотом занавеса.

На мужчине были лохмотья полицейской формы. Он был старше – вероятно, ближе к сорока годам, и его темные, коротко стриженные волосы сохранились только на правой стороне головы, а на левой сожжены до мяса. Это был крупный, грузный мужчина. Его забинтованная левая рука висела на перевязи, сделанной из той же грубой, с золотистыми прошивками материи.

– Боже мой! – сказал Арти. – Леди, мы нашли полицейского!

– Откуда вы? – спросила Бет.

– Не отсюда. А вам-то что?

– Что здесь? – Женщина кивнула на сумку.

– Вы так интересуетесь или хотите ограбить?

Та в нерешительности поглядела на полицейского, потом опять на Сестру Жуть, опустила кусок стекла и заткнула его за пояс.

– Я вас просто спрашиваю.

– Обгорелый хлеб, пара банок анчоусов и немного ломтиков ветчины.

Почти увидев, как девушка сглотнула слюну, Сестра Жуть залезла в сумку и вынула хлеб:

– Вот. Ешьте на здоровье.

Бет отломил кусок и передала уменьшившуюся буханку полицейскому, который тоже взял себе немного и засунул в рот так, будто это была манна небесная.

– Можно? – И Бет потянулась за элем.

Сестра Жуть позволила ей и, когда оба, девушка и полицейский, напились, почувствовала по весу бутылки, что осталось не больше трех хороших глотков.

– Вся вода заражена, – сказала Бет. – Вчера один из нас попил из лужи. Вечером его стало рвать кровью. Примерно через шесть часов он умер. Мои часы все еще ходят. Смотрите.

Она показала Сестре Жуть свой «Таймекс». Стекло помутнело, но старые часы продолжали тикать. Было восемь двадцать две.

– Один из нас, – сказала она.

– Сколько же вас? – спросила Сестра Жуть.

– Еще двое. Ну, на самом-то деле всего один. Латиноамериканка. Мистер Каплан скончался прошлой ночью. Парень вчера тоже умер. А миссис Айверс умерла во сне. В живых остались только четверо.

– Трое, – уточнил полицейский.

– Ах да. Правильно. Осталось трое. Латиноамериканка там, внизу. Мы не могли заставить ее двинуться с места, и никто из нас не знает испанского. А вы?

– Нет. Извините.

– Я Бет Фелпс, а он Джек... – Она не могла вспомнить его фамилию и покачала головой.

– Джек Томашек, – подсказал он.

Арти опять представился, но Сестра Жуть спросила:

– А почему вы сидите не здесь, наверху, а там, в подвале?

– Там теплее, – ответил ей Джек, – и безопаснее.

– Безопаснее? Это почему? Здание старое. Если его снова тряхнет, все это свалится вам на головы.

– Мы только сегодня вышли наверх, – объяснила Бет. – Парень – ему было около пятнадцати, думаю, – был самым крепким из нас. Он был эфиопом или кем-то вроде того и почти не говорил по-английски. Он вышел поискать еды и принес несколько банок тушеной говядины, кошачьей еды и бутылку вина. Но... они выследили его. И нашли нас.

– Они? – спросил Арти. – Кто они?

– Трое. Так обожжены, что трудно разобрать, кто из них мужчина, а кто женщина. Они пришли за ним сюда – с молотками и розочками от бутылок. У одного был топор. Они хотели забрать нашу еду. Парень подрался с ними, и тот, с топором...

Голос Бет дрогнул, глаза остекленели и усталились на оранжевый огонек зажигалки в ее руке.

– Они обезумели, – сказала она. – Они... они были бесчеловечны. Один из них порезал мне лицо. Думаю, я еще счастливо отделалась. Мы сбежали от них, и они забрали нашу еду. Не знаю, куда они ушли. Но я помню... от них пахло... словно горелыми чизбургерами. Не смешно? Но именно так я и подумала – горелыми чизбургерами. Поэтому мы стали прятаться в подвале. Теперь уже невозможно понять, что еще может случиться наверху.

«Вы не знаете и половины того, что случилось», – подумала Сестра Жуть.

– Я пытался отбиться от них, – сказал Джек. – Но мне кажется, я больше не в боевой форме.

Он повернулся к ним спиной, и Арти с Сестрой Жуть вздрогнули. Спина Томашека от плеч до пояса представляла собой багровую гноящуюся массу обожженной ткани. Он опять повернулся к ним лицом.

– Худший дерьмовый солнечный ожог, который когда-либо получал этот старый поляк, – горько улыбнулся он.

– Мы слышали вас наверху, – сказала им Бет, – и подумали, что те твари вернулись. Мы поднялись, чтобы разведать, и поняли, что вы едите. Послушайте... Латиноамериканка тоже не ела. Можно, я возьму ей немного хлеба?

– Покажите нам подвал. – Сестра Жуть встала. – Я открою ветчину.

Бет и Джек повели их в вестибюль. Сверху лилась вода, образуя на полу большую черную лужу. От вестибюля пролет деревянных ступенек без перил спускался во тьму. Лестница опасно шаталась под их ногами.

В подвале действительно было теплее, всего на пять-шесть градусов, но изо рта все равно шел пар. Каменные стены еще оставались целы, а потолок почти не поврежден, если не считать нескольких трещин, через которые дождевая вода просачивалась вниз.

«Это старое здание, – подумала Сестра Жуть, – а тогда строили не так, как сейчас. Через равные промежутки потолок поддерживали каменные опоры, некоторые из них покрылись трещинами, но ни одна не обрушилась. Пока не обрушилась».

– Вот она.

Бет прошла к фигуре, прижавшейся к основанию одной из колонн. Черная вода стекала рядом с ее головой. Девушка сидела в растекающейся луже зараженного дождя и что-то держала в руках. Зажигалка проводницы погасла.

– Извините, – сказала Бет. – Трудно держать, потому что она нагревается, и мне не хочется тратить бензин. Это зажигалка мистера Каплана.

– Что вы сделали с телами?

– Мы убрали их подальше. Тут много коридоров. Мы оттащили их в конец одного из них и там оставили. Я... я хотела произнести над ними молитву, но...

– Что «но»?

– Я забыла, как надо молиться, – ответила она. – Молитвы... кажется, теперь не имеют большого смысла.

Сестра Жуть что-то промычала и полезла в сумку за пакетом с ветчиной. Бет наклонилась и протянула латиноамериканке бутылку с элем. Дождевая вода попала ей на руку.

– Вот, – сказала Бет, – немного питья. Эль дринко.

Латиноамериканка издала хнычущий, жалобный звук, но не ответила.

– Она так и сидит здесь, – пояснила Бет. – Вода попадает на нее, но она не переходит на сухое место. Хотите есть? – спросила она латиноамериканку. – Кушать, есть? Боже, как можно жить в Нью-Йорке, не зная английского?

Сестра Жуть стянула с ветчины почти весь пластик. Она оторвала кусочек ломтика и встала на колени около Бет Фелпс.

– Посветите еще зажигалкой. Может, если она увидит, что у нас есть, нам удастся сдвинуть ее с места.

Вспыхнула зажигалка. Сестра Жуть взглянула на покрытое волдырями, но все еще милое лицо латиноамериканки, которой, вероятно, было не больше двадцати лет. Длинные черные волосы обгорели на концах, и там, где локоны были выжжены, виднелась кожа. Девушка не прореагировала на свет. Ее большие влажные карие глаза были устремлены на то, что она держала в руках.

– О, – слабо охнула Сестра Жуть. – О... нет.

Ребенку, девочке с блестящими, как у матери, волосами, было, вероятно, года три. Сестра Жуть не видела ее личика. И не хотела видеть. Одна застывшая маленькая ручка выгибалась вверх, как будто тянулась к матери, тело неуклюже лежало на руках девушки, и Сестра Жуть поняла, что ребенок мертв.

Вода текла через дыру в потолке, омывая волосы латиноамериканки и ее лицо черными слезами. Женщина стала тихонько напевать, нежно баюкая труп.

– Она не в своем уме, – сказала Бет. – Вот так и сидит с прошлой ночи, когда ребенок умер. Если она не уйдет из этой воды, тоже умрет.

Сестра Жуть слышала Бет очень смутно, словно издалека. Она протянула руки к латиноамериканке.

– Послушайте, – сказала она странным голосом, незнакомым для нее самой. – Я возьму ее. Дайте ее мне.

Дождевая вода черными ручьями стекала по ее ладоням. Латиноамериканка запела громче.

– Дайте ее мне. Я возьму ее.

Девушка стала качать труп еще сильнее.

– Дайте ее мне.

Сестра Жуть услышала, что ее голос отдается безумным эхом, и вдруг мысленно увидела вспышки голубого света.

– Я... возьму... ее.

Падал дождь, и гром гремел, как глас Божий: «Ты!.. Ты, грешница! Ты, пьяная грешница, убила ее и теперь должна заплатить...»

Она опустила взгляд. На ее руках лежал труп маленькой девочки. Светлые волосы ребенка были в крови, а открытые глаза заливал дождь. Вращалась голубая мигалка патрульной машины, и полицейский в желтом дождевике, нагнувшись к женщине, сидящей на дороге, мягко сказал:

– Давайте же. Вы должны отдать ее мне.

Он оглянулся через плечо на напарника, который устанавливал сигнальные знаки возле покоренного перевернутого автомобиля.

– Она не в себе. Я чувствую запах алкоголя. Мне нужна твоя помощь.

И тогда они оба, два демона в желтых дождевиках, подошли к ней, чтобы отобрать у нее ребенка. Она отпрянула и стала отбиваться от них, выкрикивая:

– Нет! Вы ее не получите! Я не дам вам ее отнять!

Но громовой голос приказал: «Отдай ее, грешница, отдай ее». А когда она закричала и зажала уши ладонями, чтобы не слышать голос Судии, они взяли у нее дитя.

Из руки девочки выпал стеклянный шар, забавная безделушка, внутри которой таился снежный пейзаж игрушечной деревни в сказочной стране.

«Мама, – вспомнила она возбужденный детский голос, – смотри, что я выиграла на дне рождения. У меня получился самый лучший хвостик для ослика!»

Девочка потрясла шар, и на мгновение – всего лишь на мгновение – мать отвела взгляд от дороги, чтобы сфокусировать свое затуманенное зрение на мелких снежинках, падавших на крыши в далекой волшебной стране.

Она видела, как падает стеклянный шар, словно в страшно замедленной съемке, и закричала, потому что знала: он вот-вот разобьется о бетон, а когда он разобьется, все пропадет и исчезнет.

Шар ударился прямо перед ней, и, когда разлетелся на тысячи сверкающих осколков, ее крик оборвался и перешел в сдавленный стон.

– О, – прошептала она, – о... нет.

Сестра Жуть смотрела на мертвое дитя на руках латиноамериканки.

«Моя маленькая девочка мертва, – вспомнила она. – Я взяла ее в гости на день рождения, была пьяна и загнала машину прямо в кювет. О Боже... О возлюбленный Иисус! Грешница. Пьяная, безнравственная грешница! Я убила ее. Я убила мою маленькую девочку. О Боже, прости меня...»

Слезы обожгли ей глаза и потекли по щекам. В ее сознании, как сорванные листья в бурю, проносились обрывки воспоминаний: муж, обезумевший от горя, проклиная ее и кричавший, что больше не хочет ее видеть; мать, смотревшая на нее с отвращением и жалостью и говорившая, что ей никогда уже не родить ребенка; врач в больнице, качавший головой и проводивший осмотр в строго определенные часы; больничные коридоры, где нелепые, неуклюжие

безумные женщины болтали, визжали и дрались из-за гребенки; и высокий забор, через который она перелезла в тишине ночи и сквозь снежную выюгу ушла прятаться в соседнем лесу.

«Моя маленькая девочка мертва, – подумала она. – Мертва и покинула меня давно-давно».

Слезы почти ослепили Сестру Жуть, но она видела достаточно хорошо, чтобы понять: ее дочь не страдала так, как та, которая лежала сейчас на руках латиноамериканки. Ее маленькую девочку похоронили в тени дерева на вершине холма. Эта должна лежать в холодном сыром подвале в городе мертвых.

Латиноамериканка подняла голову и поглядела на Сестру Жуть отчаянными, затравленными глазами. Она моргнула и медленно протянула руку сквозь лившуюся сверху воду, чтобы коснуться щеки женщины. Слезинка на секунду замерла на кончике ее пальца, прежде чем упасть.

– Дайте ее мне, – прошептала Сестра Жуть. – Я приму ее.

Девушка снова задержала тоскливый взгляд на трупике, потом из ее глаз хлынули слезы и смешались с текущим по лицу черным дождем. Она поцеловала личико мертвого ребенка, на миг прижала дочку к себе, а затем передала Сестре Жуть.

Та взяла тельце так, будто принимала дар, и стала подниматься.

Но латиноамериканка опять протянула руку и коснулась раны в форме распятия на шее Сестры Жуть. Она изумленно произнесла:

– Бендито. Муи бендито.

Сестра Жуть встала, а латиноамериканка медленно отползла от воды и легла на пол, съевшись и дрожа. Джек Томашек взял трупик у Сестры Жуть и пошел во тьму.

– Не знаю как, но вы это сделали, – сказала Бет.

Она нагнулась, чтобы дать латиноамериканке бутылку с элем. Девушка взяла ее у Бет и допила до конца.

– Боже мой, – сказал Арти Виско, стоявший позади Сестры Жуть, – я только что понял... Я даже не знаю вашего имени.

– Имя... Какое? – удивилась она.

«Какое у меня имя? Откуда я появилась? Где то тенистое дерево, что приютило мою маленькую девочку?» Ни один ответ не пришел к ней.

– Можете звать меня... – Она смутилась.

«Я же бездомная нищенка, – подумала она. – Я никто, всего лишь безымянная нищенка, и я не знаю, куда иду... но, по крайней мере, я знаю, как попала сюда».

– ...Сестра, – ответила она. – Зовите меня Сестра. – И до нее дошел внутренний крик: «Я больше не безумна!»

– Сестра, – повторил Арти. Он произнес это как «систа». – Не бог весть какое имя, но думаю, что подходящее. Рад познакомиться с вами, Сестра.

Она кивнула. Смутные воспоминания все еще крутились у нее в голове. Боль, порожденная ими, не уходила, но это случилось очень давно – со слабой и беспомощной женщиной.

– Что же нам теперь делать? – спросила ее Бет. – Не можем же мы просто оставаться здесь?

– Нет. Не можем. Завтра мы с Арти собираемся пройти через туннель Холланда, если он не поврежден. Мы идем на запад. Если вы трое хотите идти с нами, приглашаем.

– Оставить Нью-Йорк? А что, если... там ничего нет? Что, если все пропало?

– Будет нелегко, – твердо сказала Сестра. – Будет чертовски трудно и очень опасно. Не знаю, что там с погодой, но все же нам надо сделать первый шаг, ибо это единственный известный мне способ попасть куда-либо. Правильно?

– Правильно, – эхом ответил Арти. – У вас хорошая обувь, Бет. Она выдержит долгую дорогу.

– Идти придется далеко, – рассудила Сестра. – Очень далеко, и одному богу известно, что мы там найдем. Или что нас встретит.

– Хорошо, – решила Бет. – Ладно, я с вами.

Она опять погасила зажигалку, чтобы не тратить зря бензин. На этот раз ей показалось, что вокруг не так уж темно.

Часть четвертая

Руины

Глава 19

Самая большая в мире гробница

Человек с обрубком правой руки, замотанным окровавленными лоскутьями рубашки, осторожно продвигался по иссеченному глубокими трещинами коридору. Он боялся, что упадет и рана снова откроется. Кровь сочилась из обрубка много часов, пока наконец не свернулась. Он ослаб, у него кружилась голова, но он заставлял себя идти, потому что хотел увидеть все сам. Сердце колотилось, в ушах шумело. Но больше всего человеку досаждал зуд между большим и указательным пальцами правой руки, которой уже не было. Зуд в руке, которой нет, сводил его с ума.

Рядом с ним шел одноглазый горбун, а впереди, с фонарем, разведывая дорогу, – подросток в разбитых очках. В левой руке мальчик сжимал секач с лезвием, испачканным кровью полковника Джимбо Маклина.

Роланд Кронингер остановился. Луч фонарика прошивал смутный воздух перед ним.

– Это тут, – сказал Тедди Уорнер. – Вот тут, видите? Я же говорил вам? Я говорил!

Маклин прошел несколько шагов вперед и взял у Роланда фонарик. Он пошарил лучом по стене из валунов и плит, которые полностью перекрыли коридор впереди; полковник старался отыскать трещину, слабое место, дырку, куда можно было бы вставить какой-нибудь рычаг. Но там и крысе было не проскочить.

– Господь нам поможет, – тихо сказал Маклин.

– Я же говорил! Видите? Разве я не говорил вам? – бормотал Мишка Тедди.

Обнаруженная преграда отняла у него остатки воли, которые еще двигали им.

За этой каменной стеной находился склад с неприкосновенным запасом продовольствия и воды и помещение с оборудованием. Они оказались отрезаны от всего: от запасных фонарей и батареек, туалетной бумаги, сигнальных ракет – от всего.

– Мы в заднице, – хихикнул Уорнер. – О, мы в полной заднице!

В луче фонарика оседала пыль. Маклин посветил вверх и увидел рваные щели, раздиравшие потолок. Значительная часть коридора могла обрушиться в любой момент. Кабели и провода оборвались, а стальные опорные балки, предназначавшиеся для сохранения «Дома Земли» при ядерном нападении, были начисто срезаны. Тедди то смеялся, то всхлипывал. Маклин осознал всю глубину катастрофы и больше не мог выносить свидетельства человеческой слабости. Он стиснул зубы, лицо его перекосило от ярости, и он повернулся, чтобы ударить капитана Уорнера по лицу зудящей правой рукой.

Но руки у него не было, и, едва он занес культю, страшная боль оглушила его, сквозь тряпки закапала кровь.

Маклин бережно прижал искалеченную руку к груди и плотно зажмурил глаза. Он чувствовал себя отвратительно, словно вот-вот его вырвет или он потеряет сознание.

«Дисциплина и контроль, – думал он. – Возьми себя в руки, солдат! Возьми себя в руки, мать твою! Когда я открою глаза, – сказал он себе, – каменный завал исчезнет. Мы сможем пройти прямо по коридору туда, где лежит еда. У нас будет все, что нужно. Пожалуйста, Боже... Пожалуйста, сделай, чтобы все было как надо».

Он открыл глаза.

Преграда из камней осталась на месте.

– Есть у кого-нибудь пластиковая взрывчатка? – спросил Маклин. Его голос эхом отдавался в коридоре. Это был призрачный голос человека, сидящего на дне грязной ямы с трупами.

– Придется умирать, – сказал Тедди Уорнер, смеясь и плача. Единственный его глаз глядел дико. – Мы в самой большой в мире гробнице!

– Полковник? – позвал мальчик.

Маклин осветил лицо Роланда. Это была запыленная, забрызганная кровью бесстрастная маска.

– У нас есть руки, – сказал Роланд.

– Руки. Конечно. Одна рука у меня. Две у тебя. Две руки Тедди Уорнера ни хрена не стоят. Конечно, у нас есть руки.

– Не наши руки, – спокойно ответил Роланд. К нему пришла идея, простая и ясная. – Их руки. Тех, кто еще остался наверху.

– Гражданских? – усомнился Маклин. – Пожалуй, не найдем и десятка годных к работе. И посмотри на потолок. Видишь эти трещины? Остальное вот-вот упадет. Кто будет работать, когда такое висит над головой?

– От завала до пищи далеко?

– Не знаю. Может, двадцать футов. Может, тридцать.

Роланд кивнул:

– А если сказать им, что десять? Они не знают про потолок. Как вы думаете, будут они работать или нет?

Маклин заколебался.

«Это же мальчик, – думал он. – Что он понимает?»

– Мы втроем погибнем, – сказал Роланд, – если не доберемся до еды. Но мы не доберемся до нее, если не заставим кого-нибудь работать. Потолок может упасть, а может и не упасть. Даже если он упадет, не мы там окажемся под ним.

– Люди поймут, что потолок слабый. Достаточно поглядеть вверх и увидеть эти проклятые трещины.

– Они не смогут увидеть их в темноте, – спокойно сказал Роланд. – Фонарь у вас одного, так ведь? – Улыбка тронула уголки его рта.

Маклин медленно сощурился. В полутьме за плечом Роланда Кронингера почудилось какое-то движение. Маклин повел лучом фонарика немного в сторону. Там, пригнувшись, сидел на корточках Солдат-Тень в камуфляжной форме и шлеме, покрытом сеткой, весь в пятнах черной и зеленой маскировочной краски, а лицо его было цвета дыма.

– Малый прав, Джимбо, – шепнул Солдат-Тень. Он встал во весь рост. – Заставь гражданских работать. Пусть работают в темноте, и скажи, что до еды только десять футов. К дьяволу, скажи им, что шесть. Они будут работать еще усерднее. Если они пробьются, прекрасно. Если нет... они всего лишь гражданские. Трутни. Жеребцы-производители. Правильно?

– Да, сэр, – ответил Маклин.

– А?

Роланд увидел, что полковник смотрит куда-то за его правое плечо. У Маклина был тот же лебезящий голос, каким он говорил в бреду там, в яме. Роланд оглянулся, но, конечно, никого не увидел.

– Трутни, – сказал Маклин. – Производители. Правильно.

Он кивнул и переключил внимание с Солдата-Тени на мальчика.

– Хорошо. Поднимемся наверх и посмотрим, сможем ли найти что-нибудь такое, что будет нам полезно. Может, кто-нибудь из моих людей еще жив.

Маклин вспомнил, как сержант Шорр в ужасе убегал из помещения управления.

– Где Шорр? Что с ним? – спросил он Уорнера.

Тедди покачал головой.

– А как насчет доктора Ланга? Жив ли он еще?

– В больнице его не было. – Мишка Тедди старался не смотреть на каменный завал. – Его квартиру я не проверял.

– Ну тогда посмотрим там. Он может нам понадобиться, а кроме того, можно набрать у него болеутоляющих. Мне к тому же понадобятся еще бинты. И нам нужны бутылки, пластиковые бутылки, если найдутся. В туалетах можно набрать воды.

– Полковник! Сэр!

Маклин сразу же повернулся к Роланду.

– Еще одна вещь: воздух, – пояснил мальчик.

– Что – воздух?

– Генератор вышел из строя. Проводка тоже. Как вентиляторы будут подавать воздух?

Маклин питал надежду на выживание, хотя и слабую. Но она тут же разбилась. Без вентиляторов кислород не поступит в «Дом Земли». Сырой воздух, который оставался в убежище, являлся всем, на что они могли надеяться, но как только уровень углекислого газа повысится, они умрут.

Сколько времени пройдет до тех пор, он не знал. Часы? Дни? Недели? Он не хотел далеко загадывать; сейчас важнее всего было найти глоток воды, немного еды и рабочие руки.

– У нас достаточно воздуха, – сказал он. – Хватит на всех, а к тому времени, когда его станет не хватать, мы придумаем, как выйти из положения.

Роланд хотел верить и потому кивнул. Позади подростка кивнул и Солдат-Тень, сказав Маклину: «Молодец».

Полковник осмотрел свою квартиру, расположенную чуть дальше по коридору. Дверь сорвало с петель, часть потолка обрушилась, в полу зияла расщелина, куда рухнули кровать и тумбочка. Ванная тоже развалилась, но при свете фонарика Маклин увидел, что в лунке унитаза осталось несколько пригоршней воды. Он напился. Выпили воды и Тедди, и Роланд. Никогда прежде она не казалась такой вкусной.

Маклин подошел к шкафу. Полки внутри слетели, и содержимое вывалилось наружу. Он встал на колени и, держа фонарь на сгибе покалеченной руки, стал рыться в куче, ища кое-что. Он знал, это должно находиться там. Ему потребовалось некоторое время, чтобы найти.

– Роланд, – позвал полковник. – Поди сюда.

Мальчик встал позади него:

– Да, сэр?

Маклин подал ему автомат «ингрэм», лежавший раньше на полке шкафа.

– Под твою ответственность. – И положил в карманы куртки несколько обоем.

Роланд засунул рукоять священной секиры под ремень и обеими руками взял автомат. Он был не тяжелый, но такой... справедливый. Справедливый и значительный, как настоящий символ власти, за который должен отвечать Рыцарь Короля.

– Ты что-нибудь понимаешь в оружии? – спросил его Маклин.

– Мой отец брал меня... – Роланд запнулся. Нет, надо было говорить не так. Совсем не так. – Мне приходилось стрелять по мишени, – ответил он. – Но только не из такого.

– Я научу тебя, как это делать, и всему, что тебе понадобится. Когда понадобится, ты будешь моим указательным пальцем на спусковом крючке.

Он посветил на Уорнера, который стоял в нескольких футах от них и все слышал.

– С этого момента парнишка будет при мне, – сообщил он Тедди, и тот кивнул, но ничего не сказал.

Маклин больше не доверял капитану. Тедди Уорнер был слишком близок к тому, чтобы сорваться и переступить черту рассудочного поведения. Мальчишка – другое дело. У парня крепкие мозги, он ловок – полковник видел, каково было подростку спуститься в яму и проде-

лать то, что от него потребовалось. Парень выглядел слабаком, но если бы он сдался, то сдался бы еще раньше.

Роланд повесил автомат на плечо и приладил так, чтобы удобно было воспользоваться им в случае неожиданности. Теперь он был готов следовать за Королем куда угодно. Из тенистых глубин его памяти стали всплывать лица – мужчина и женщина, – но он вновь отправил их на дно. Он больше не хотел вспоминать их. В этом не было пользы, это только расслабляло.

Маклин был готов.

– Хорошо, – сказал он. – Ну, посмотрим, что получится.

Одноглазый горбун и мальчик в разбитых очках последовали за ним в темноту.

Глава 20

Во чреве зверя

– Леди, – сказал Джек Томашек, – если вы надеетесь пройти через это, то нам с вами не по пути.

Сестра не ответила. С Гудзона ей в лицо дул резкий ветер, и она щурилась из-за колючих снежинок, которые летели из черных туч, растянувшихся по всему горизонту погребальным саваном. Жиденькие желтые лучи солнца пробивались сквозь облака, перемещались, как прожекторы в фильмах о побегах из тюрьмы, и гасли, когда прорехи в облаках закрывались. Река кишела трупами, плавающим хламом, корпусами сгоревших барж и катеров – все это медленно, подобно скоплению рыхлых льдин по весне, уплывало на юг, к Атлантическому океану. На другом берегу этой кошмарной реки все еще полыхали нефтеперегонные заводы, и черный густой дым вихрем сносило на берег Джерси.

Позади Сестры стояли Арти, Бет Фелпс и латиноамериканка, закутанные от холодного ветра в разорванные на полосы занавески и в манто. Латиноамериканка почти всю ночь проплакала, но сейчас глаза у нее высохли, слезы кончились.

Ниже холма, на котором они стояли, находился въезд в туннель Холланда. Он был забит автомобилями, у которых взорвались бензобаки, но это было не самое плохое. Худшим выглядело то, что остовы машин стояли по колесо в грязной воде. Где-то внутри этого длинного и темного туннеля прорвало потолок, и в образовавшуюся дыру лился речной поток, который еще не разрушил подземный коридор, как туннель Линкольна, но делал опасным переход через болото из сгоревших автомобилей, трупов и бог знает чего еще.

– Что-то не хочется мне плавать, – сказал Джек, – или тонуть. Если эта сволочь-туннель рухнет нам на голову, мы пошлем нашим задницам прощальный поцелуй.

– Ну хорошо, а что, есть идея получше?

– Пойти на восток к Бруклинскому мосту. Или пройдем через Манхэттенский мост. Все же лучше, чем здесь.

Сестра быстро взвесила в уме эти предложения. У нее на боку висела сумка, и сквозь нее она ощущала край стеклянного кольца. Время от времени среди долгой ночи ей снилось то неведомое существо с горячей рукой, крадущееся в дыму по развалинам, его глаза искали ее. Оно пугало ее больше, чем полузатопленный туннель.

– А если мосты уничтожены?

– Как?

– Оба моста могут быть разрушены, – спокойно ответила она. – Поглядите вокруг и скажите, как по-вашему, если снесло Всемирный торговый центр и Эмпайр-стейт-билдинг, то могли ли остаться невредимыми эти хлипкие мосты?

– Может быть. Мы не узнаем, пока не увидим.

– На это уйдет целый день. К тому времени туннель может полностью затопить. Не знаю, как остальные, но я не имею ничего против того, чтобы промочить ноги.

– Ну знаете! – Джек потряс головой. – Мне незачем туда лезть. А если вы это сделаете, леди, то у вас не все дома. А кстати, зачем вам уходить из Манхэттена? Здесь можно найти еду, можно вернуться в подвал! Нам незачем уходить.

– Вам, может, и незачем, – согласилась Сестра, – а мне есть зачем. Это место мне не подходит.

– Я иду с вами, – заявил Арти. – Я не боюсь.

– Кто сказал, что мне страшно? – парировал Джек. – Мне не страшно. Я просто еще не совсем тронулся, вот и все.

– Бет? – Сестра повернулась к девушке. – А вы как? Идете с нами или нет?

Фелпс с испугом поглядела на забитый въезд в туннель, но в конце концов ответила:

– Да, иду.

Сестра тронула за руку латиноамериканку, показала на туннель Холланда и сделала шагающий жест двумя пальцами. Несчастливая все еще пребывала в шоке и не могла отвечать.

– Нам нужно держаться поближе друг к другу, – сказала Сестра, обращаясь к Бет и Арти. – Я не знаю, насколько глубоко в туннеле. Думаю, нужно взяться за руки, чтобы никого не потерять. Хорошо?

Они кивнули. Джек фыркнул:

– Вы все с ума сошли! У вас не все дома!

Сестра, Бет и Арти стали спускаться с гряды к въезду в туннель. За ними последовала латиноамериканка. Джек закричал:

– Вы ни за что не пройдете там, леди!

Но никто не оглянулся, и в следующий момент Джек догнал их. Когда холодная вода дошла Сестре до лодыжек, женщина остановилась.

– Дайте-ка мне зажигалку, Бет, – сказала она.

Та протянула ей зажигалку, но Сестра не стала высекать огонь. Она взяла Бет за руку, Бет ухватила Арти, а он поймал ладошку латиноамериканки. Джек Томашек замыкал цепь.

– Хорошо. – Сестра услышала в своем голосе страх и поняла, что нужно сделать шаг раньше, чем у нее сдадут нервы. – Пошли.

Она двинулась мимо остовов автомобилей в туннель Холланда, и вода поползла ей до колен. Вокруг, как пробки, плавали дохлые крысы. Они не преодолели и десяти футов, как вода в туннеле дошла им до бедер. Сестра щелкнула зажигалкой. Загорелся слабенький огонек. Пламя высветило впереди кошмарную фантазмагорию перекрученного металла: автомобили, грузовики, такси, разорванные, полузатоленные, немыслимых форм. Стены туннеля были опалены до черноты и, казалось, поглощали свет, вместо того чтобы отражать. Сестра могла только догадываться, какой здесь творился кошмар, когда рвались бензобаки. Впереди, в отдалении, слышался гулкий шум падающей воды.

Сестра потянула человеческую цепь вперед. Вокруг плавали предметы, на которые она избегала смотреть. У Бет перехватило дыхание от ужаса.

– Надо идти не останавливаясь, – сказала ей Сестра. – Не смотреть по сторонам, идти не останавливаясь.

Вода поднялась выше бедер.

– Я наступила на что-то! – вскрикнула Бет. – Бог ты мой... здесь под ногами что-то есть!

Сестра крепче сжала ее руку и повела дальше. Когда она сделала еще десяток шагов, вода поднялась до пояса. Женщина оглянулась через плечо на въезд, от которого они отошли футов на шестьдесят. Тусклый свет, идущий от арки, тянул назад. Но она устремила взгляд вперед, и тут сердце у нее екнуло. Пламя зажигалки отразилось от громадного спутанного клубка металла, почти полностью перегородившего туннель, – груды бывших автомобилей, сплавленных в единое целое. Сестра повернула в узкое пространство между стеной и металлом

и на чем-то поскользнулась. Теперь сверху стекали ручьи, и женщина оберегала зажигалку, чтобы вода не залила ее. Впереди все еще слышался шум водопада.

– Он вот-вот рухнет! – запричитал Джек. – Боже... он свалится нам на голову!

– Идти не останавливаясь! – прикрикнула на него Сестра. – Не тормозить!

Впереди стояла непроглядная тьма, только мерцал крошечный огонек.

«Вдруг где-то путь перекрыт совсем? – подумала она и ощутила быстро подступающий страх. – А если мы не успеем пройти? Успокоиться, успокоиться. По одному шагу. Шаг, еще один».

Вода дошла до груди и продолжала подниматься.

– Слушайте! – вдруг сказала Бет и остановилась.

Арти налетел на нее и чуть не соскользнул в вонючую воду.

Сестра ничего не услышала, кроме усилившегося шума воды. Она стала тянуть Бет дальше, и тут над ними раздался глухой стонущий звук.

«Мы во чреве чудовища, – подумала Сестра, – как проглоченный живым Иона».

Что-то тяжело шлепнулось в воду прямо перед ней. Начали падать и другие предметы, отскакивая от обломков искореженного металла с грохотом, похожим на стук работающей кувалды.

«Каменные обломки, – сообразила Сестра. – Боже милостивый, перекрытие вот-вот может обвалиться!»

– Туннель рушится! – закричал Джек, чуть не задохнувшись от страха.

Она услышала, как он барахтается в воде, и поняла, что нервы у него сдали. Она оглянулась и увидела, что он мечется в поисках дороги обратно. Поскользнувшись, он упал в воду и выскочил, захлебываясь и всхлипывая.

– Я не хочу подыхать, не хочу! – Его крики эхом разносились у них за спиной, затихая.

– Никому не двигаться! – скомандовала Сестра, пока другие тоже не сбежали.

Возле них продолжали падать камни, и она сдвинула руку Бет так сильно, что хрустнули пальцы. Цепь дрогнула, но устояла. Наконец обвал прекратился, пропал и стонущий звук.

– Все в порядке? Бет? Арти, как девушка?

– Ничего, – ответил он, еще дрожа. – Хотя я сам, кажется, наложил в штаны.

– С этим можно примириться. С паникой нельзя. Идем дальше или нет?

Глаза Бет стеклянно блеснули.

«Она отключилась, – подумала Сестра. – Может, так оно и лучше».

– Арти? Вы готовы? – спросила она.

Толстяк только пробурчал что-то.

Они наугад двинулись вперед по воде, доходившей им до плеч. Впереди по-прежнему царил тьма, ни малейшего намека на выход из туннеля. Сестра вздрогнула, когда в десяти футах от них огромный камень величиной с крышку люка обрушился на смятый автомобиль. Приближался шум водопада, а туннель над их головами стонал, сдерживая напор Гудзона. Далеко позади послышался еле различимый крик:

– Вернитесь! Пожалуйста, вернитесь!

Она пожелала Джеку Томашеку всего хорошего, а потом голос его пропал в реве водопада. Сумка Сестры наполнилась водой, промокшая одежда отяжелела, но женщина держала зажигалку в вытянутой руке. Пальцам было горячо, однако Сестра не смела погасить огонек. Она видела, как пар от дыхания стелется понизу, от воды ноги потеряли чувствительность, заочневшие колени ныли.

«Еще шаг, – твердила она. – Потом еще один. Не останавливаться».

Они миновали сюрреалистическое нагромождение железа. Латиноамериканка закричала от боли, когда какая-то железка под водой порезала ей ногу, но стиснула зубы и не дрогнула. Немного дальше Арти зацепился за что-то и упал, но поднялся, отплеываясь и кашляя.

И тут коридор повернул.
– Стоп, – сказала Сестра.

Перед ними, поблескивая в слабом свете, сверху потоком лилась вода, перекрывая туннель по всей ширине. Им предстояло пройти через водопад, и Сестра знала, что это такое.

– Мне придется выключить зажигалку, пока мы не пройдем насквозь, – сказала она. – Всем держаться как можно ближе друг к другу. Готовы?

Она почувствовала, как Бет сдавила ей руку. Арти гаркнул:
– Готовы!

Сестра погасила огонь. Их поглотила тьма. Сердце Сестры бешено колотилось. Женщина сжала зажигалку в кулаке, защищая от воды, и двинулась вперед.

Удар падающего потока сбил ее с ног. Она потеряла руку Бет и услышала вскрик. Испугавшись, Сестра попыталась встать на ноги, но на дне было что-то скользкое и вязкое.

Вода попала Сестре в рот, в глаза, она не могла вдохнуть и в темноте сбилась с дороги. Левая ее нога застряла, зацепившись за какой-то предмет. Из груди готов был вырваться крик, но она знала, что, если сдастся, они все погибнут. Она шарила свободной рукой по сторонам, пытаясь другой держать зажигалку. За ее плечо уцепились чьи-то пальцы.

– Я держу тебя! – крикнула Бет, хотя и ее вода сбивала с ног.

Фелпс поддерживала Сестру, пока та с трудом вытаскивала ногу, едва не разорвав кроссовку. Освободившись, Сестра повела остальных подальше от этого препятствия.

Никто не заметил, сколько времени им понадобилось, чтобы пройти водопад: может быть, две минуты, а может, и три. Но вдруг стена потока кончилась, и Сестра больше не хватала ртом воздух. Голова и плечи у нее были избиты так, словно ее использовали как боксерскую грушу.

Она крикнула:

– Мы прорвались! – крикнула она. И повела их дальше, пока не ударились боком о торчавшее из воды железо. Снова взяв зажигалку, она попыталась высечь огонь. Сверкнула искра, но пламени не было.

«О боже!» – подумала Сестра.

Вторая попытка. Брызги искр без огня.

– Давай, давай! – выдохнула она.

Третий раз – безуспешно.

– Загорайся, черт тебя побери!

Но огонь не загорелся ни с четвертой, ни с пятой попытки, и Сестра стала молиться, чтобы зажигалка не намокла и сработала.

На восьмой попытке появилось маленькое слабое пламя, поколебалось и почти исчезло. Сестра догадалась, что бензина осталось на доньшке.

«Нужно выбраться отсюда прежде, чем зажигалка совсем выдохнется», – подумала она и только теперь поняла, насколько здравый смысл может зависеть от крошечного колеблющегося огонька.

Рядом с ней, как морда аллигатора, из воды торчали измятая решетка радиатора и капот «кадиллака». Перед ней кверху колесами лежал другой автомобиль, весь покрытый водой, с сорванными шинами. Путники попали в лабиринт многочисленных обломков. Круг света от зажигалки стал заметно меньше, чем раньше. Зубы Сестры начали выбивать дробь, ноги от холода налились свинцом.

Они продолжали идти – осторожно, шаг за шагом. Туннель над ними опять застонал, и снова в воду посыпался щебень – но вдруг Сестра обнаружила, что вода спала. Теперь им было по пояс.

– Выходим! – закричала она. – Слава богу, мы выходим!

Она вытянула руку с зажигалкой вперед, но просвета еще не было видно.

– Не останавливаться! Мы почти на месте!

Ее нога задела что-то на дне. Из воды ей в лицо вырвались пузыри, и прямо перед ней всплыл труп, черный и искривленный, как коряга: руки, словно примерзшие к щекам, рот, застывший в беззвучном крике.

Зажигалка потухла.

Труп в темноте прислонился к плечу Сестры. Она замерла. Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди, и она поняла, что либо потеряет рассудок, либо... Она судорожно вдохнула и локтем оттолкнула труп в сторону. Он снова затонул с шумом, похожим на смешок.

– Я выведу всех отсюда, – услышала Сестра собственную клятву, и в голосе ее прозвучало такое упорство, какого она за собой не знала. – Плевать на темноту! Мы выйдем!

Она сделала еще один шаг, а потом еще один...

Постепенно вода опустилась до колен.

Через какое время и через сколько шагов, Сестра не могла сказать, но они увидели впереди выход из туннеля Холланда – и ступили на берег Джерси.

Глава 21

Чудеснейший свет

– Вода... пожалуйста... дайте мне воды... – Голос Дарлин слабел.

Джош разлепил веки, сел и пополз туда, где сложил все откопанные консервы. Их были десятки, многие из них лопнули и потекли, но содержимое, казалось, не пострадало. Последнее, что они ели, была жареная фасоль и сок.

Открывать банки стало легче, когда он обнаружил отвертку. Среди прочих предметов с полок магазина в земле нашлись лопата со сломанной рукояткой и топор. Джош, как скупой рыцарь, собрал все это в углу, разложил по порядку: инструменты, большие и маленькие банки.

Хатчинс нащупал сок и с усилием подполз к Дарлин. Он вспотел и устал. От запаха выгребной ямы, которую он выкопал в дальнем углу подвала, ему стало трудно дышать. Он вытянул в темноте руку и нашел Сван. Девочка поддерживала голову матери.

– Вот. – Джош поднес питье ко рту Дарлин.

Женщина немного отхлебнула и оттолкнула банку.

– Воды, – жалобно сказала она, – пожалуйста... воды.

– Извините. Воды нет совсем.

– А, черт! – пробормотала она. – У меня все горит.

Джош потрогал ее лоб и словно прикоснулся к жаровне. Дарлин лихорадило гораздо сильнее, чем его. Чуть дальше все еще мучился Поу-Поу, бормотал что-то о сусликах, потерянных ключах от грузовика и какой-то женщине по имени Голди.

– Блейкмен, – хрипло произнесла Дарлин. – Нам нужно доехать до Блейкмена. Сван, родненькая, не волнуйся, мы доберемся туда.

– Да, мама, – тихо ответила Сван, и по ее голосу Джош понял, что она знала: ее мать при смерти.

– Сразу же, как только нас вызволят отсюда, мы поедем. Господи, представляю папино лицо! – Она засмеялась, и в груди у нее забулькало. – Да у него глаза на лоб полезут!

– Он ведь правда будет рад видеть нас, мама? – спросила Сван.

– Конечно! Черт побери, когда же сюда придут и вытащат нас? Когда придут?

– Скоро, мама.

«Девочка после взрыва повзрослела лет на десять», – подумал Джош.

– Мне приснился Блейкмен, – сказала Дарлин. – Ты и я... мы шли пешком, и я увидела старый дом... прямо перед нами, за полем. И солнце... солнце светило так ярко. О, это был чудесный день. Я посмотрела на дом и увидела папу, он стоял на крыльце... и махал мне рукой, чтобы я перешла через поле. Он... больше не испытывал ко мне ненависти. И вдруг... из дома

вышла моя мама и встала на крыльце рядом с ним... и они держались за руки. И она позвала: «Дарлин! Дарлин! Мы ждем тебя, девочка! Иди домой!»

Она затихла, слышался только влажный хрип ее дыхания.

– Мы... мы уже пошли было через поле, – продолжила больная, – но мама сказала: «Нет, родная! Только ты одна. Только ты. Маленькой девочке не надо. Только ты одна». А я не хотела идти через поле без моего ангелочка, мне стало страшно. Мама сказала: «Маленькой девочке нужно идти дальше. Идти далеко-далеко». О... я хотела перейти через поле... я хотела... но я не смогла.

Дарлин нашла руку Сван:

– Я хочу домой, родная.

– Все хорошо, – прошептала Сван и пригладила мокрые от пота остатки волос матери. – Я люблю тебя, мама. Я так люблю тебя.

– Ох... все у меня было плохо. – Рыдание застряло в горле Дарлин. – Все, к чему я прикасалась... портила. О боже... кто присмотрит за моим ангелочком? Я боюсь... Я так боюсь...

Женщина начала всхлипывать, и Сван обхватила руками ее голову и прошептала:

– Тсс, Мама. Я тут. Я с тобой.

Джош отполз от них, залез в свой угол и свернулся, желая забыться.

Он не знал, сколько прошло времени – может быть, несколько часов, – когда рядом послышался шорох. Хатчинс сел.

– Мистер? – Голос у Сван был слабый и горестный. – Я думаю, моя мама ушла домой.

Она вздохнула и одновременно заплакала и застонала. Джош обнял ее, и девочка прильнула к нему и зарыдала. Он чувствовал, как бьется ее сердечко, и ему хотелось кричать и бушевать, и если бы в этот миг ему подвернулся кто-нибудь из тех горделивых дураков, которые нажимали на кнопки, он переломал бы им шеи, как спички. Раздумья о том, сколько миллионов людей могут лежать мертвыми наверху, исказили сознание Джоша, как будто он пытался понять, велика ли Вселенная и сколько миллиардов звезд мерцает на небесах.

Но на руках у него сейчас была маленькая плачущая девочка, которой никогда уже не увидеть прежний мир. Что бы ни случилось, она навсегда помечена этим мгновением, и Джош знал – он тоже. Потому что одно дело понимать, что там, снаружи, могут быть миллионы безликих мертвецов, и совсем другое – когда женщина по имени Дарлин, которая дышала и говорила, лежит мертвая на земле меньше чем в десяти футах от тебя.

Он должен похоронить ее в этом подвале. С помощью сломанной лопаты и топора, стоя на коленях, выкопать могилу. Похоронить Дарлин поглубже, чтобы они не ползали по ее телу во тьме.

Хатчинс почувствовал на плече слезы Сван, а когда захотел погладить ее по голове, его пальцы нащупали волдыри и щетинку вместо волос. И он попросил Бога: если им суждено умереть, пусть малышка умрет первой, чтобы не оставаться одной с покойниками.

Девочка выплакалась. Она в последний раз всхлипнула и обессиленно прислонилась к плечу Джоша.

– Сван, – сказал он, – я хочу, чтобы ты какое-то время посидела тут и не двигалась. Послушайся меня.

Она не отвечала. Наконец кивнула. Джош усадил ее рядом, взял лопату и топор. Он решил выкопать яму как можно дальше от угла, где лежала Сван, и стал отбрасывать солому, битое стекло и расщепленное дерево.

Его правая рука коснулась чего-то металлического, зарытого в рыхлой земле, и он сначала подумал, что это еще одна банка, которую нужно положить к другим.

Но это было нечто иное – узкий длинный цилиндр. Джош взял его обеими руками и ощущал.

«Нет, это не консервы, – подумал он. – Нет, не банка. Боже мой, Иисусе!»

Это был фонарик, и, судя по весу, с батарейками! Большим пальцем Джош нашел кнопку. Но не решался нажать ее. Потом он закрыл глаза и прошептал:

– Пожалуйста, пожалуйста. Пусть он еще работает. Пожалуйста.

Он сделал глубокий вдох и нажал выключатель. Ничего не изменилось, на его закрытых веках не появилось ощущения света. Джош открыл глаза и увидел темноту. Фонарик был бесполезен.

На мгновение борцу захотелось смеяться, но потом его лицо исказилось от гнева, и он крикнул:

– Черт бы тебя побрал!

Он уже отвел руку назад, чтобы разбить фонарь о стену, но в эту самую секунду лампочка вдруг мигнула и засветилась слабым желтым огоньком, однако Джошу он показался ярчайшим, чудеснейшим светом. Огонек этот чуть не ослепил его, но затем мигнул и снова погас.

Хатчинс яростно затряс фонарик. Свет глумился над ним, то вспыхивая, то угасая. Тогда Джош просунул два пальца под треснувшую пластмассовую линзу к крошечной лампочке. Осторожно, дрожащими пальцами он слегка повернул ее по часовой стрелке. На этот раз свет остался: смутный, мерцающий, но настоящий.

Джош опустил голову и заплакал.

Глава 22

Лето сгинуло

Ночь застала их на Коммунипо-авеню, в развалинах Джерси-Сити, восточнее Ньюаркского залива. Внутри здания без крыши они нашли горевший на обломках костер, и Сестра решила, что здесь они сделают привал. Стены защищали от ледяного ветра, и вокруг было много горючего материала, чтобы поддерживать огонь до утра. Они сгрудились вокруг костра, потому что уже в шести футах от него было как в морозильнике.

Бет Фелпс протянула руки к языкам пламени:

– Боже, как холодно! Почему так холодно? Ведь еще июль!

– Я не ученый, – отважился высказаться Арти, сидевший между нею и латиноамериканкой, – но, думаю, взрывы подняли в воздух тучи пыли и мусора, и из-за этого с атмосферой что-то произошло – отражение солнечного света или нечто в этом роде.

– Я никогда... никогда раньше так не мерзла! – Зубы у Бет стучали. – Я просто не могу согреться!

– Лето сгинуло, – сказала Сестра, роясь в сумке. – Наверное, его долго теперь не будет.

Она вытащила ломтики ветчины, намокшие остатки хлеба и две банки анчоусов. В ее сумке, заметно пострадавшей от воды, находились и другие вещи, найденные сегодня: небольшой алюминиевый котелок с черной пластмассовой ручкой, маленький ножик с зазубренным лезвием, банка растворимого кофе и толстая садовая перчатка без двух сторевших пальцев. На дне лежало стеклянное кольцо, которое Сестра не вынимала, не трогала с того момента, как они выбрались из туннеля. Она берегла это сокровище на будущее, чтобы рассматривать его и касаться потом, как самый лакомый кусочек, оставленный напоследок.

Никто из них не заговаривал о туннеле Холланда. Он казался ужасным кошмаром, который хотелось забыть. Но теперь Сестра чувствовала, что стала сильнее. Им покорился туннель! Теперь они могли одолеть подобное препятствие и на следующую ночь, и на другой день.

– Берите хлеб, – сказала она им, – вот, ешьте с ветчиной.

Она жевала намокший кусок хлеба и наблюдала за латиноамериканкой.

– У тебя есть имя? – спросила Сестра.

Девушка смотрела на нее без интереса.

– Имя. – Сестра изобразила, что пишет пальцем в воздухе. – Как тебя зовут?

Латиноамериканка была занята тем, что рвала ломтик ветчины на маленькие, на один глоток, кусочки.

– Может, она чокнутая? – сказал Арти. – Вдруг она свихнулась, когда ребенок умер? Как вы думаете, такое может быть?

– Может, – согласилась Сестра и проглотила хлеб с привкусом пепла.

– Наверное, она пуэрториканка, – гадала Бет. – Я собиралась заняться изучением испанского в колледже, но потом выбрала музыку.

– А что ты... – Арти запнулся, и слабая улыбка коснулась его губ. – Чем вы зарабатывали на жизнь, Бет?

– Служила секретарем в компании «Хольмхаузер» по электроснабжению и обслуживанию водопроводных сетей. Это на Одиннадцатой Западной: третий этаж, угловой офис. Здание Броуорд. Я ассистент мистера Олдена, вице-президента. Я имею в виду... он был вице-президентом...

Она помолчала, пытаясь вспомнить.

– У мистера Олдена болела голова. Он попросил меня сходить через улицу в аптеку и купить ему бутылочку экседрина. Я помню... стояла на углу Одиннадцатой и Пятой, ждала зеленый. Симпатичный парень спросил, не знаю ли я, где суши-бар. Я сказала, что не знаю. Светофор переключился, и все стали переходить улицу. Но мне хотелось продолжить разговор с парнем, потому что он, по правде говоря, был очень милым и... Я встречала не много парней, с кем хотелось бы погулять. Мы уже наполовину перешли, он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Меня зовут Кит. А вас?»

Бет грустно улыбнулась и покачала головой:

– Я не успела ему ответить. Помню громкий ревуший звук. По-моему, волна жара просто сбила меня с ног. Потом... Кажется, кто-то схватил меня за руку и велел убегать. Я побежала. Неслась сломя голову и слышала, как кричат люди, и, наверное, тоже кричала. Все, что я запомнила, – это как кто-то сказал: «Она еще жива». Я взбесилась. Конечно, я еще жива! Почему бы это мне не остаться в живых? Я открыла глаза и увидела, что надо мной склонились мистер Каплан и Джек.

Бет пристально посмотрела на Сестру.

– Мы... мы не единственные, кто выжил? Я имею в виду... не только же мы, да?

– Сомневаюсь. Те, кому это удалось, вероятно, ушли на запад, или на север, или на юг, – сказала Сестра. – Уверена, им незачем было идти на восток.

– Боже мой! – резко выдохнула Бет. – Мои мама и папа. Моя младшая сестра. Они живут в Питсбурге. Как вы думаете... Питсбург похож на то, что здесь? Он может остаться цел?

Она криво усмехнулась, но глаза оставались дикими.

– Что там бомбить в Питсбурге, правда?

– Правда, – согласилась Сестра и сосредоточилась на открывании маленьким ключом банки с анчоусами. Она понимала, что после соленой рыбки захочется пить, но еда есть еда.

– Кому передать?

Сестра подцепила пальцами кусочек и положила в рот. Филе чуть не обожгло ей язык, но она проглотила его, рассудив, что в рыбе есть йод или еще что-то полезное. Арти и Бет взяли по штучке, а латиноамериканка отвернулась.

Они доели хлеб. Сестра убрала оставшиеся ломтики ветчины, потом вылила масло из баночки из-под анчоусов и положила ее в сумку. Ветчина и рыба могли поддержать их еще пару дней, если употреблять их экономно. А завтра необходимо найти питье.

Путники тесно сидели у костра, а за стенами бушевала непогода. Время от времени случайный вихрь залетал внутрь здания, взметал пепел и уносился наружу. Слышались только завывание ветра да потрескивание костра, и Сестра загляделась на кипящую оранжевую сердцевину пламени.

– Сестра?

Она посмотрела в сторону Арти.

– Вы не будете... не будете против... Вы позволите мне поддержать его? – с надеждой спросил он.

Женщина поняла, что он имеет в виду. Ни она, ни он не рассматривали кольцо с тех пор, как нашли его в развалинах магазина хрустали Штойбена. Сестра залезла рукой в сумку, раздвинула вещи и коснулась предмета, завернутого в мятую полосатую рубашку. Она вынула и развернула так и не просохшую ткань.

В тот же момент стеклянное кольцо с пятью колосьями на ободке и драгоценными камнями внутри засверкало, затмевая свет костра. Оно сияло, как огненный шар, наверное, даже ярче прежнего. Оно билось в такт сердцу, как будто жизненная энергия питала его, и нити из золота, платины и серебра, казалось, бурлили светом.

– Ах! – выдохнула Бет. Свет камней отражался в ее глазах. – О... что это? Я никогда... никогда не видела такого... за всю жизнь.

– Его нашла Сестра, – ответил Арти. Его голос звучал почтительно, глаза были прикованы к стеклянному кольцу. Он осторожно протянул к нему обе руки. – Можно... пожалуйста?

Сестра дала ему сокровище. Когда Арти взял его, пульсация камней изменила скорость и ритм, сливаясь с биением его сердца. Он с изумлением покачал головой. В его глазах отражались все цвета радуги.

– Когда я держу его, мне становится хорошо, – сказал Арти. – Оно дает мне ощущение... будто красота в мире еще не умерла.

Он погладил колосья и указательным пальцем обвел изумруд размером с крупный миндаль.

– Такой зеленый, – прошептал он. – Такой зеленый...

Ему почудился чистый, свежий аромат соснового бора. Он держал в руках бутерброд – ржаной хлеб с копченой говядиной, политый жгучей горчицей со специями. Как раз такой, как он любил. Изумленный, он посмотрел вверх и увидел вокруг себя звенящий птичьими голосами лес и изумрудные луга. Рядом с ним в ведерке со льдом стояла бутылка вина, под рукой – бумажный стакан, полный до краев. Сам он сидел на зеленом полосатом покрывале, а плетеная корзинка для пикника ломилась от еды.

«Я сплю, – подумал Арти. – Боже мой, я сплю с открытыми глазами».

Но тут он увидел свои руки в волдырях и ожогах. На нем по-прежнему была красная пижама и меховое манто, на ногах – крепкие черные туфли. Однако боли он не ощущал, а солнце было ярким и теплым, и ласковый ветерок шевелил сосновые ветки. Он услышал, как хлопнула дверца автомобиля.

В тридцати футах от него стоял красный «тандерберд». Высокая молодая женщина с кудрявыми каштановыми волосами с улыбкой шла ему навстречу. Транзистор на ее плече наигрывал «Дым застилает глаза» Джерома Керна.

– Денек – лучше не придумаешь, – сказала молодая женщина, перекладывая радио на другое плечо.

– О... да, – ответил Арти, оторопев. – Думаю, да.

Он никогда раньше не дышал таким чистым, свежим воздухом. И этот «тандерберд»...

«Боже мой...» – подумал он.

На заднем крыле «тандерберда» качалась антенна. Он вспомнил теперь эту тачку. Это был лучший, самый быстрый автомобиль из всех, которые он когда-либо имел, и...

«Подождите минутку, – подумал он, когда молодая женщина подошла. – Постойте! Что за черт!...»

– Выпей вина, – предложила женщина. – Разве ты не хочешь пить?

– А... да. Ага, хочу.

Арти подхватил стакан и в три глотка опустошил его. В горле у него пересохло. Он налил еще и с такой же жадностью выпил снова. И тут Арти взглянул в нежные голубые глаза женщины, увидел овальное личико и узнал ее, но это не могла быть она! Ей было девятнадцать лет, и вот они снова на пикнике в тот день, когда он сделал ей предложение.

– Ты разглядываешь меня, Арти, – сказала она укоризненно.

– Извини, это просто... Я имею в виду, что ты опять молода, а я сижу здесь, как французский фразер, в красной пижаме. Я имею в виду... все это – понарошку.

Она нахмурилась, как будто не улавливая, о чем это он.

– Ты ведешь себя глупо, – решила она. – Тебе не нравится сэндвич?

– Нравится. Конечно, нравится.

Арти откусил, чувствуя, как ветчина тает у него на языке. И если это было не во сне, то вкуснее сэндвича он никогда не пробовал. Он налил себе третий стакан вина и жадно выпил. Душистый аромат соснового бора наполнял воздух, и Арти глубоко вдыхал его. Он разглядывал зеленый лес и луга и думал: «Боже мой! Боже мой! Как хорошо жить!»

– Все в порядке?

– А?

Голос ошеломил его. Он моргнул и увидел покрытое волдырями лицо Сестры. Стекло-ное кольцо все еще находилось у него в руках.

– Я спросила, с тобой все в порядке? – повторила она. – Ты с полминуты глядел на эту вещь, просто сидел и разглядывал.

– О!

Арти увидел костер, лица Бет и латиноамериканки, разрушенные стены здания.

«Не знаю, где я только что был, – подумал он, – но теперь я вернулся».

Ему почудилось, что во рту у него остался вкус сэндвича, горчицы со специями и вина. Его желудок теперь был полон, и он больше не испытывал жажды.

– Ага, со мной все в порядке.

Он позволил пальцам поиграть со стеклом еще немного, потом вернул его Сестре.

– Спасибо, – поблагодарил он.

Сестра взяла кольцо. На мгновение ей показалось, что от него пахнет – чем? Вином? Но тут слабый аромат исчез.

Арти Виско откинулся назад и икнул.

– Можно мне подержать его? – попросила Бет. – Я осторожно.

Она взяла кольцо у Сестры, а латиноамериканка через плечо любовалась им.

– Что-то оно мне напоминает. Что-то, что я видела, – сказала Бет, – хотя и не могу вспомнить.

Девушка вгляделась в сверкавшие внутри искорки топазов и бриллиантов.

– Господи, вы знаете, сколько это может стоить?

Сестра пожала плечами:

– Думаю, что несколько дней назад это кое-чего стоило. Теперь я в этом не уверена. Может, цена этому кольцу – несколько банок еды и консервный нож. Может, коробок спичек. Самое большее – кувшин чистой воды.

«Воды», – подумала Бет.

Уже прошло больше суток с тех пор, как она пила имбирный эль. Во рту пересохло, как в пустыне. Глоток воды, только глоточек... было бы так чудесно.

Пальцы ее вдруг погрузились в стекло. Только теперь это было не стекло, а поток, бежавший над разноцветными камешками. Она отдернула руку, и капли, как бриллианты, упали с кончиков пальцев обратно в текущую воду.

Бет почувствовала, что Сестра наблюдает за ней, но была уже далеко от этой женщины, далеко от катастрофы, разразившейся над их городом. Она ощущала присутствие Сестры, но

так, будто та находилась в другой комнате волшебного дома, к которому Бет только что нашла ключ. Прохладный водный поток, пробегающий по сверкающим камешкам, манил громким журчанием.

«Столько воды не может течь прямо по моим коленям», – подумала Бет, и поток дрогнул и стал исчезать, превращаясь в туман, испаряясь под испепеляющим солнцем логики.

«Нет, – сказала она себе, – еще рано!»

Вода вновь заструилась из ниоткуда в никуда. Бет погрузила руки в поток. Такая прохладная, такая прохладная! Она набрала воды в пригоршню и поднесла ко рту. Вода была вкуснее, чем французская минералка «Перье», вкуснее всего, что Бет когда-либо пила. Она снова хлебнула из ладони, а потом наклонила голову к потоку и стала пить из него, а вода омывала ее щеки продолжительным поцелуем.

Сестра решила, что Бет Фелпс впала в транс. Она увидела, что глаза Бет вдруг остеклели. Как и Арти, Бет около тридцати секунд неподвижно всматривалась в кольцо.

– Эй, – сказала Сестра и хлопнула Бет по плечу, – что с тобой?

Бет подняла взгляд. Глаза ее прояснились.

– Что?

– Ничего. Думаю, пора нам немного отдохнуть.

Сестра стала заворачивать стеклянное кольцо в ткань, но латиноамериканка вдруг вцепилась в него и отползла в сторону. Она уселась среди битого камня, прижимая кольцо к себе. Женщины вскочили, и Бет почувствовала, как в животе у нее булькнуло. Сестра подошла к латиноамериканке. Та всхлипывала, опустив голову.

Встав на колени рядом с ней, Сестра нежно сказала:

– Отдай его, пусть оно будет у меня, хорошо?

– Ми нинья ме пердона, – всхлипывала девушка. – Мадре де Диос, ми нинья ме пердона.

– Что она говорит? – спросила Бет, подойдя к ним.

– Не знаю.

Сестра взялась за стеклянное кольцо и осторожно потянула к себе. Латиноамериканка вцепилась в него, качая головой взад и вперед.

– Отдай, – настаивала Сестра. – Пусть будет у меня.

– Мое дитя простило меня! – неожиданно сказала латиноамериканка. Ее широко раскрытые глаза были полны слез. – Матерь Божья! Я видела в нем ее лицо! И она сказала, что прощает меня! Я свободна! Матерь Божья! Я свободна!

Сестра изумилась:

– Я... не думала, что ты знаешь английский.

Теперь настала очередь латиноамериканки изумленно моргать.

– Что?

– Как тебя зовут? И почему же ты до сих пор не говорила по-английски?

– Меня зовут Хулия. Хулия Кастильо. Английский? Я не... знаю, что вы имеете в виду.

– Или я сумасшедшая, или она, – сказала Сестра. – Давай. Пусть оно будет у меня.

Она потянула кольцо, и девушка отпустила его.

– Хорошо. Почему же ты раньше не говорила по-английски, Хулия?

– Но компрендо, – ответила она. – Доброе утро. Добрый день. Рада видеть вас, сэр. Спасибо.

Хулия пожала плечами и рассеянно махнула в сторону юга.

– Матансас, – сказала она. – Куба.

Сестра повернула голову к Бет. Та отступила на два шага, на ее лице появилось странное выражение.

– Кто это спятил, Бет? – спросила у нее Сестра. – Хулия или я? Эта девушка знает английский или нет?

– Она говорила по-испански. Она не сказала ни слова по-английски. Ты... поняла, о чем она говорила? – удивилась Бет.

– Черт возьми, да, я поняла ее! Каждое словечко! Не...

Сестра внезапно умолкла. Ее руку, державшую стеклянное кольцо, слегка покалывало. Арти вдруг сел и икнул у костра.

– Эй! – сказал он слегка охрипшим голосом. – А где же вечеринка?

Сестра опять протянула стеклянное кольцо Хулии. Латиноамериканка неуверенно коснулась его.

– Что ты говорила про Кубу? – спросила Сестра.

– Я... из Матансаса, с Кубы, – ответила Хулия на чистейшем английском. Ее глаза озадаченно расширились. – Моя семья приплыла сюда на рыбацкой лодке. Отец немного говорил по-английски, и мы поехали на север, чтобы работать на швейной фабрике. Как это... вы понимаете мой язык?

Сестра посмотрела на Бет и спросила:

– Что ты слышала? Испанский или английский?

– Испанский. А вы слышали что-нибудь другое?

– Да.

Она взяла кольцо из рук латиноамериканки.

– Теперь скажи что-нибудь. Что угодно.

– Ло сиенто, но компрендо, – покачала головой Хулия.

Сестра бросила на нее взгляд, а затем медленно поднесла кольцо к лицу, чтобы всмотреться в его глубину. Ее рука дрожала, и она чувствовала какие-то толчки энергии, проходящие от кисти к локтю.

– Это она, – сказала Сестра, – эта стеклянная вещь. Я не знаю, как и почему, но... кольцо позволяет мне понимать Хулию, и она тоже понимает меня. Я слышала, будто она говорит по-английски, Бет... А ей, наверное, казалось, что я говорю по-испански.

– Это безумие, – отозвалась Бет, но тут же подумала о прохладном потоке, омывавшем ее колени, и о том, что ее горло уже не казалось высохшей пустыней. – Это ведь просто стекло и драгоценные камни?

– Вот. – Сестра подала ей кольцо. – Проверь сама.

Бет провела пальцем по одному из колосьев.

– Статуя Свободы, – сказала она.

– Что?

– Статуя Свободы. Вот что оно мне напоминает. Даже не саму статую, а... венец на ее голове.

Она подняла кольцо к голове, колосьями кверху.

– Это могла бы быть корона?

– Я никогда не видел принцессы красивее, – произнес мужской голос из темноты за костром.

Бет тут же опустила кольцо, чтобы защитить его от чужих глаз, и отпрянула в противоположную от прозвучавшего голоса сторону. Сестра напряглась:

– Кто здесь?

Она почувствовала, что кто-то медленно идет по развалинам, приближаясь к костру.

В освещенный круг вступил мужчина. Его взгляд по очереди задержался на каждом из путников.

– Добрый вечер, – вежливо произнес он, обращаясь к Сестре.

Это был высокий широкоплечий человек с царственной бородой, одетый в пыльный черный костюм. Коричневое одеяло окутывало его плечи и шею, как крестьянское пончо, а на бледном, с острым подбородком лице, будто следы кнута, розовели шрамы от глубоких ожо-

гов. Запекшаяся рана зигзагом пролегла по широкому лбу от левой брови до скулы. Большая часть рыже-седых волос сохранилась, хотя на голове виднелись пятна голой кожи размером с долларовую монету. Из рта и носа шел пар.

– Не возражаете, если я подойду поближе? – спросил он с расстановкой. В голосе его слышалась боль.

Сестра не ответила. Человек ждал.

– Я не кусаюсь, – сказал он.

Мужчина дрожал, и она не могла отказать ему в тепле.

– Подходите, – осторожно разрешила она и отступила, чтобы дать ему пройти.

Морщась, он прохромал к костру. Сестра увидела, что причиняет ему боль: зазубренная полоска металла пронзила его правую ногу выше колена и вышла на три дюйма с другой стороны. Он прошел между Сестрой и Бет прямо к огню и протянул к нему руки:

– Ах, как хорошо! Снаружи, должно быть, изрядно ниже нуля!

Сестра тоже почувствовала холод и вернулась к костру. За ней последовали Хулия и Бет, которая все еще прижимала к себе кольцо, словно защищая.

– Кто вы, черт возьми? – Арти уставился на него через костер затуманенными глазами.

– Меня зовут Дойл Хэлланд, – ответил мужчина. – Почему вы не ушли с остальными?

– С какими остальными? – спросила Сестра, все еще смотревшая на него с опаской.

– С теми, кто ушел. Вчера, кажется. Сотни таких. – Он слабо улыбнулся и сделал рукой круг в воздухе. – Бежавших из Гарден-Сити. Может, дальше на западе есть укрытия. Я не знаю. Как бы то ни было, я не ожидал, что кто-нибудь остался.

– Мы пришли из Манхэттена, – сказала ему Бет. – Пробрались через туннель Холланда.

– Я не думал, что кто-нибудь выжил после того, что постигло Манхэттен. Говорят, было по меньшей мере две бомбы. Джерси-Сити сгорел моментально. А ветры... Боже мой, какие ветры! – Он сжал кулаки над огнем. – Это был смерч. И, думаю, не один. Ветер просто... срывал дома с фундаментов. Мне, считайте, повезло. Я попал в подвал, а здание над моей головой развалилось. Это сделал ветер.

Дойл осторожно коснулся металлической пластины в ноге:

– Я слышал, что смерчи иногда протыкают соломиной телефонные столбы. Мне кажется, это того же порядка?

Он взглянул на Сестру.

– Я чувствую, что выгляжу не лучшим образом, но почему вы так пристально смотрите на меня? – спросил он ее.

– Откуда вы пришли, мистер Хэлланд?

– Я был неподалеку и увидел ваш костер. Если не хотите, чтобы я оставался, так и скажите.

Сестра устыдилась своих мыслей. Дойл снова поморщился, и она увидела, что из раны, где торчала пластина, начала сочиться кровь.

– Это место мне не принадлежит. Вы можете сидеть где угодно, – ответила она.

– Спасибо. Не самая приятная ночь для прогулок. – Его взгляд переместился на мерцающее стеклянное кольцо, которое держала Бет. – Эта вещь сверкает? Что это?

– Это... – Бет не могла подобрать верное слово. – Оно волшебное, – выпалила она. – Вы не поверите, что сейчас произошло! Видите вон ту женщину? Она не говорит по-английски, а эта вещь...

– Это так, баракло, – вмешалась Сестра, забирая кольцо у Бет.

Она все еще не доверяла незнакомцу и не хотела, чтобы он узнал что-нибудь еще об их сокровище.

– Просто блестящий хлам, вот и все, – уточнила она и положила кольцо на дно сумки – камни потускнели и погасли.

– Так вы интересуетесь блестящим хламом? – спросил мужчина. – Я могу показать вам еще.

Он огляделся, отошел, хромая, в сторону на несколько ярдов и с трудом нагнулся. Там он поднял что-то и принес к костру.

– Видите! Сверкает, как ваш, – показал он находку.

Это был кусок разноцветного витражного окна, смесь темно-синего и пурпурного.

– На этом самом месте раньше стояла моя церковь, – объявил он и раскрыл одеяло на груди, чтобы показать запачканный белый воротник священника.

Горько улыбнувшись, он бросил осколок в костер.

Глава 23

Туннельные тролли

Шестнадцать гражданских – мужчины, женщины и дети – и трое раненых членов армии полковника Маклина изо всех сил трудились во тьме, стремясь разобрать плотно спрессованную массу камней и освободить коридор нижнего уровня. «До еды всего шесть футов, – сказал им Маклин, – всего шесть. У вас это не отнимет много времени, как только вы пробьете отверстие. Тот, кто первый доберется до еды, получит тройную норму».

Семь часов они проработали в полной темноте. Внезапно опоры потолка обвалились им на головы.

Роланд Кронингер, стоявший на коленях в кухне кафетерия, почувствовал, как пол содрогнулся. Сквозь вентиляционное отверстие донеслись крики, а затем наступила тишина.

– Проклятье! – проговорил он, сообразив, что случилось.

Кто теперь возьмется расчищать коридор? Но с другой стороны, мертвые не расходуют воздух. Он вернулся к своему занятию: стал соскребать кусочки пищи с пола и собирать их в пластиковый мешок для мусора.

Он предложил, чтобы полковник Маклин устроил штаб в спортивном зале. Они нашли бесценную вещь: ведро для мытья полов, в котором можно было хранить воду из туалетных бачков. Роланд, измученный голодом, покинул их, чтобы собрать еду, раскиданную по кухне. Маклин и капитан Уорнер спали, а Роланд остался с автоматическим «ингремом» на плече и священным топором, рукоять которого для безопасности была заткнута за пояс. Рядом с ним на полу лежал фонарик, освещавший разметанное по кухне содержимое банок, ранее стоявших в кладовой. В кухонных бачках для отходов тоже нашлись кое-какие сокровища: кожура от бананов, ошметки помидоров, банки с остатками содержимого и несколько бисквитов от завтрака. Все, что попадалось съедобного, шло в мешок Роланда, кроме бисквитов, которые он сразу же слопал, так как не ел с самого момента катастрофы.

Подняв черный кусок чего-то непонятного, мальчик стал запихивать его в мешок, но приостановился. Черный предмет напомнил ему, что он сделал с хомячками Майка Армбрустера в тот день, когда одноклассник принес их на биологию. Хомячки оставались в кабинете после занятий, а Майк ушел на футбольную тренировку. Роланд, не замеченный уборщицами, вынес клетку и крадучись пробрался в школьную автомастерскую. Там в углу стоял металлический чан с зелено-коричневой жидкостью, и над ним было написано: «Надень перчатки!»

Роланд надел пару тяжелых асбестовых перчаток, поворковал над двумя маленькими хомячками и вспомнил, как Армбрустер смеялся над ним и плевал в него, когда он валялся в пыли. Потом он взял клетку за ручку и опустил ее в чан с кислотой, которой пользовались для очистки заржавевших радиаторов, после чего те блестели.

Он держал хомячков в жидкости, пока не перестали идти пузыри. Когда он вынул клетку, то заметил, что кислота подействовала и на металл: он очистился до белизны. Потом Роланд снял перчатки и на черенке метлы отнес клетку обратно в кабинет биологии.

Мальчик часто представлял, какое лицо было у Майка, когда тот увидел, что стало с его питомцами. Армбрустер так и не узнал, думал потом Роланд, как много у Рыцаря Короля способов сводить счеты.

Роланд бросил непонятный ошметок в мешок. Потом перевернул банку овсянки и – чудо из чудес! – увидел зеленое яблоко. И то и другое пошло в общий запас. Он продолжал ползать, поднимая мелкие камни и обходя трещины в полу.

Забравшись слишком далеко от фонарика, Роланд остановился. Мешок для мусора уже кое-что весил. Король должен быть доволен. Мальчик пошел на свет, ловко переступая через мертвых.

Позади послышался шум. Даже не шум, а звук шевельнувшегося воздуха. Роланд понял, что он не один.

Прежде чем он успел повернуться, ему зажали рот рукой.

– Отдай мешок, – сказал мужской голос. – Быстро!

Пакет выдернули у Роланда из рук.

– У маленького засранца «ингрем»!

Пистолет-пулемет тоже сорвали с его плеча. Рука освободила рот, но переместилась на горло.

– Где Маклин? Где он прячется, этот сукин сын?

– Я не могу... Я не могу дышать, – прохрипел Роланд.

Мужчина выругался и швырнул его на пол. Очки слетели, а на спину ему поставили ногу.

– В кого ты собирался стрелять, детка? Ты думал, вся эта еда достанется тебе и полковнику?

Кто-то вытащил фонарик и посветил в лицо Роланду. Он решил, что, судя по голосам и движениям, их было трое, но точно не был в этом уверен. Он вздрогнул, услышав клацанье спущенного предохранителя на «ингреме».

– Убей его, Шорр, – настаивал другой. – Вышиби ему чертovsky мозги!

Шорр. Роланд знал это имя. Сержант Шорр, отвечающий за прием гостей.

– Я знаю, что он жив, детка. – Сержант возвышался над ним, придавив ногой к полу. – Я спускался в центр управления и нашел тех, кто работал в темноте. И капрала Прадоса. Он рассказал мне, что какой-то пацан вытащил Маклина из ямы и что полковник ранен. Он просто бросил капрала Прадоса подыхать.

– Капрал... не мог двигаться. Он и стоять не мог из-за ноги. Нам пришлось оставить его.

– Кто еще был с Маклином?

– Капитан Уорнер, – с трудом произнес Роланд. – Больше никого.

– И он послал тебя сюда искать еду? Это он дал тебе пистолет и велел убивать других?

– Нет, сэр. – Мозги у Роланда бешено работали, ища выход из ситуации.

– Где он прячется? Сколько у него оружия?

Мальчик молчал. Шорр нагнулся к нему и приставил ствол «ингрема» к виску.

– Там, недалеко отсюда, еще девять человек, нуждающихся в пище и питье, – коротко сказал Шорр. – Мои люди. Я думал, что уже умираю, и видел такое... – Он запнулся, потрясенный, не в состоянии продолжать. – Такое, что никто не должен видеть и вспоминать. Во всем этом виноват Маклин. Он знал, что это убежище не продержится, обязан был знать.

Ствол ткнулся в голову Роланда.

– Великий и могущественный Маклин со своими оловянными солдатиками и поношенными медалями! Марширующими туда и сюда сосунками! Он знал, что должно было произойти! Разве не так?

– Да, сэр.

Роланд ощутил рукоятку топора за поясом и медленно стал подводить ладонь под себя.

– Он знает, что до неприкосновенного запаса ни за что не добаться! И он послал тебя сюда, чтобы собрать объедки раньше, чем успеют другие? Ах ты, маленький паршивец!

Шорр схватил его за воротник и встряхнул. Это помогло Роланду подобраться поближе к священной секире.

– Полковник хочет собрать все в одно место, – сказал Роланд. «Тяни время!» – подумал он. – Он хочет собрать всех и разделить поровну еду и во...

– Врешь! Он хочет все заграбастать сам!

– Нет! Мы все еще можем добраться до аварийного продовольствия.

– Чушь собачья! – заревел человек, и в его голосе прозвучали безумные нотки. – Я слышал, как остатки нижнего уровня обвалились! Я знаю, что там все мертвы! Он хочет всех нас убить, а еду забрать себе!

– Кончай его, Шорр, – сказал другой мужчина. – Вышиби ему мозги.

– Подожди, подожди. Я хочу узнать, где Маклин! Где он прячется и сколько у него оружия?

Пальцы Роланда почти коснулись острия. Ближе... ближе...

– У него много автоматов. Есть пистолет. И еще пулемет, – сказал мальчик.

Ближе и еще ближе...

– Там у него целый арсенал, – соврал он.

– Где там? В каком месте?

– В одном... помещении. Это дальше по коридору.

Почти получилось!

– В каком помещении, ты, говнюк?

Шорр опять сграбастал его, сердито затряс, и Роланд воспользовался этим движением: он вытянул топор из-за пояса и лег на него сверху, крепко сжимая рукоять. Когда он решит ударить, это нужно сделать быстро: если у тех двоих есть автоматы, его прикончат.

«Плачь!» – сказал он себе и выдавил хныканье.

– Пожалуйста... Пожалуйста, не бейте меня!

Он притворился, что его рвет, и почувствовал, как ствол «ингрема» отводят от его головы.

– Маленький говнюк! Маленький вонючий говнюк! А ну! Стой как мужчина! – Шорр рванул Роланда за руку, чтобы он поднялся на ноги.

«Пора! – подумал Роланд очень спокойно и взвешенно. – Рыцарь Короля не боится смерти!»

Он уступил силе мужчины, тянувшего его вверх, а затем распрямился, как пружина, извернулся и нанес удар священной секирой, на лезвии которой еще оставалось немного засохшей крови Короля.

Луч фонарика блеснул на секире. Лезвие врезалось в щеку Шорра, как будто отрезало кусок индейки в День благодарения. Тот был настолько ошеломлен, что на мгновение замешкался. Из раны брызнула кровь, а палец непроизвольно дернулся на спусковом крючке, послав очередь пуль, просвистевших над головой Роланда. Шорр отшатнулся назад. Половина его лица была содрана до кости. Роланд кинулся на него и озверело ударил, прежде чем сержант смог направить на него пистолет-пулемет.

Один из оставшихся схватил Роланда за плечо, но мальчишка метнулся в сторону, разорвав рубашку чуть ли не пополам. Он опять кинулся на Шорра и попал топором по мясистой части его руки, сжимающей оружие. Сержант споткнулся о мертвое тело, и «ингрэм» выпал, брякнув о камни рядом с Роландом.

Мальчик подхватил оружие. Лицо его исказила дикая гримаса, и он рывком повернулся к человеку с фонарем. Расставив ноги в положение для стрельбы, как его учил полковник, он прицелился и нажал на спуск.

Пистолет-пулемет застучал, как швейная машинка, но отдача отбросила Роланда на кучу обломков, и он уселся на пол. Падая, он увидел, что фонарик в руке мужчины разлетелся, раздался стон, сменившийся криком боли. Кто-то застонал и пополз по полу. Роланд дал очередь в темноту: красные траектории от пуль зарикошетили от стен. Еще один вскрик перешел в бульканье и стал отдаляться. Роланд подумал, что кто-то из мужчин, должно быть, ступил в расщелину в полу и свалился внутрь. Он обдал кафетерий струями пуль и лишь затем прекратил стрельбу, поняв, что снова остался один.

Он прислушался, сердце бешено колотилось. Сладкий запах пороха висел в воздухе.

– Ну давайте! – заорал он. – Еще хотите? Давайте!

Тишина. Уцелел ли кто-нибудь, он не знал, но был уверен, что одного-то прикончил точно.

– Сволочи, – выдохнул он, – в следующий раз всех убью.

Роланд захохотал. Собственный смех ошеломил его. Он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь так смеялся. Ему хотелось, чтобы они вернулись. Ему хотелось получить еще один шанс убить их.

Он поискал очки. Нашел свой мешок с едой, но очки пропали. Теперь все будет расплываться, но это ничего, все равно света нет. Руки его наткнулись на теплую кровь и тело, из которого она вытекла. Минуту или две он остервенело пинал труп по голове. Потом поднял мешок и, держа наготове «ингрем», осторожно двинулся через кафетерий туда, где, как он знал, должен находиться выход. Носами ботинок он проверял, нет ли провалов. Ему удалось пройти в коридор.

Мальчишка все еще дрожал от возбуждения. Вокруг было темно и тихо, только где-то размеренно капала вода. Он на ощупь шел к спортзалу, неся мешок с добычей, горя желанием рассказать Королю, что он победил трех злобных троллей из подземелья и что одного из них звали Шорр. Но здесь еще может быть много врагов! Они просто так не уступят, и, кроме того, он не был уверен, убил ли сержанта Шорра.

Роланд широко улыбался во тьме, его лицо и волосы были мокры от холодного пота. Он был очень, очень горд тем, что защитил Короля, хотя и жалел, что потерял фонарик. В коридоре под ноги ему попадались тела, раздувшиеся, как газовые баллоны.

Жизнь превратилась в самую великую игру, в какую он когда-либо играл. Она обогнала компьютерные геймы на целый световой год.

Прежде ему не приходилось стрелять в людей. И никогда еще он не ощущал себя таким сильным.

В окружении темноты и смерти, неся мешок, полный обьедков, и прижимая к себе теплый автоматический пистолет-пулемет «ингрем», Роланд Кронингер переживал настоящий восторг.

Глава 24

Сберечь дитя

Громкий писк, который шел из угла подвала, заставил Джоша повернуться на бок за фонариком и включить его. Немошная лампочка выбросила смутное желтое световое копьё, и Джош направил его в тот угол, чтобы узнать причину.

– Что это? – спросила Сван, сидевшая в нескольких футах от него.

– По-моему, крыса.

Он поводел лучом, но увидел только нагромождение досок вперемешку с соломой и холмик земли, под которым лежала Дарлин Прескотт. Джош быстро отвел свет от могилы. Ребенок только-только стал приходить в себя.

«Похоже, точно крыса, – решил Джош. – Вероятно, у нее где-то тут гнездо».

– Эй, мистер крыса! – окликнул он. – Не возражаете, если мы временно воспользуемся вашим подвалом?

– Кричит так, будто ему больно.

– Наверное, для него наши голоса тоже звучат не лучше.

Джош отвел луч фонарика от девочки. Он уже взглянул на нее при слабом свете, и этого было достаточно. Почти все ее красивые светлые волосы сгорели, лицо представляло собой сплошные красные водянистые волдыри. Глаза, которые запомнились ему как изумительно голубые, глубоко запали и были мутно-серого цвета. Он понимал, что взрыв не пощадил и его: отблеск света обнажил серые ожоги, покрывавшие его руки. Больше этого он знать не хотел. Вероятно, сам он похож на зебру. Но по крайней мере, они были живы; и хотя у него не имелось возможности следить за временем, прошедшим после взрыва, он думал, что они тут уже четыре или пять дней. Еды им хватало, они нашли много банок с соком. И хотя в подвале было душно, воздух все же откуда-то поступал. Самой большой неприятностью являлся устоявшийся запах отхожего места, но сейчас с этим ничего нельзя было поделать. Может, позже Джош придумает какую-нибудь более опрятную систему санитарии – например, с помощью пустых банок, если закапывать их в землю.

В луче света что-то шевельнулось.

– Смотри, – сказала Сван, – вон там!

Маленький, слегка обгоревший зверек копошился на холмике земли. Его головка повернулась к людям, он опять пискнул и скрылся в холмике.

– Это не крыса! – сказал Джош. – Это...

– Суслик, – закончила за него Сван. – Я знаю, я видела их около трейлерной стоянки, их было много.

– Суслик, – повторил Джош. И вспомнил голос Поу-Поу: «Суслик в норе!»

Девочка обрадовалась, что, кроме них, тут есть еще кто-то живой. Она слышала, как суслик фыркает в земле – там, где холмик был побольше, под которым... Она не стала думать об этом, потому что не могла. Но теперь маме больше не больно. Сван слушала, как зверек нюхает вокруг себя. Она очень хорошо знала повадки этих грызунов, потому что суслики копались в ее садике...

«Рыли норки», – подумала она.

– Джош, – обратилась Сван к великану.

– Да?

– Зверушки-норушки! Суслики роют норы, – сообщила девочка.

Джош едва заметно улыбнулся, приняв ее слова за простое детское утверждение, и вдруг его улыбка застыла: его осенило, на что намекала Сван. Если у суслика здесь гнездо, тогда должен быть и ход наружу! Может, это оттуда поступает воздух! Сердце у Джоша подпрыгнуло. Наверное, Поу-Поу знал, что суслик проделал ход в подвал, и в бреду пытался сообщить им это. Нору можно расширить и сделать лаз.

«У нас есть топор и лопата, – подумал Джош. – Может, мы сможем раскопать выход сами!»

Джош подполз туда, где лежал старик.

– Эй! Вы меня слышите? – Он дотронулся до руки Поу-Поу и прошептал: – Господи помилуй!

Тело старика было холодным. Поу-Поу лежал прямо, вытянув руки вдоль тела. Джош посветил в мертвое лицо, увидел пятнистые розовые ожоги на щеках и носу, похожие на странные родимые пятна. Глазницы были черно-коричневые, пустые. Поу-Поу был мертв по меньшей мере уже несколько часов. Джош хотел было закрыть глаза старику, но их не было, они испепелились и испарились.

Суслик пискнул. Джош пополз на звук. Пошарив лучом фонаря по обломкам, он увидел, что зверек облизывает обожженные задние лапки. Грызун быстро скрылся за доской, прикрывавшей гнездо. Джош потянул ее, но она не поддавалась. Стараясь быть как можно терпеливее, он начал выламывать ее.

Пушистик сердито заворчал на захватчика. Джош медленно раскачал расщепленный кусок доски и отогнул его в сторону. Луч фонаря осветил небольшое круглое отверстие в грязной стене примерно в трех дюймах от пола.

– Нашел! – воскликнул Джош.

Он лег на живот и посветил фонариком внутрь. Свет проникал в отверстие сверху. Примерно в двух-трех футах от дыры лаз поворачивал налево и уходил дальше, за пределы видимого.

– Нора должна вести на поверхность! – Джош был возбужден, как ребенок в новогоднее утро.

В дыру свободно вошел его кулак. Земля не поддавалась, даже на этой глубине она была выжжена и утрамбована до плотности асфальта. Раскапывать ход стало бы немыслимо трудным делом, но рыть параллельно ему было бы легче.

Однако Джоша терзал один вопрос: стоит ли им в ближайшее время покидать подвал? Радиация за его стенами может очень быстро убить их. Одному богу известно, что творится наверху. Осмелятся ли они выяснить это?

Он услышал позади себя какой-то шум. Это были хрипы, точно больные легкие втягивали воздух.

– Джош? – Сван тоже слышала звуки, от которых остатки ее волос на затылке встали дыбом. Она ощутила: несколько секунд назад что-то двигалось в темноте.

Хатчинс повернулся и посветил на Сван. Она смотрела направо. И опять послышалось непонятное дребезжание. Джош повел фонариком в сторону и увидел такое, что ему почудилось, будто ледяная рука схватила его за горло.

Труп Поу-Поу вздрагивал. Это он издавал жуткие звуки.

«Старик все еще жив, – не веря своим глазам, подумал Джош. И тут же возразил: – Нет-нет! Он был мертв, когда я коснулся его! Мертв!»

Труп начал сгибаться. Медленно, по-прежнему держа руки вдоль тела, мертвый стал садиться. Голова его, дюйм за дюймом, словно какой-то механизм, поворачивалась к Джошу Хатчинсу, пустые глазницы уставились на свет. Сожженное лицо сморщилось, и рот напрягся, чтобы открыться. Джош подумал, что если эти мертвые губы зашевелиятся, то он растеряет все остатки разума.

Рот Поу-Поу с шипением раскрылся. Оттуда донеслось что-то вроде шелеста ветра или сухих тростников. Сначала это были почти неслышные звуки, слабые и далекие, потом они стали усиливаться, и послышалось:

– Сбе... ре... гите...

Глазницы глядели на свет фонаря, как будто в них еще были глаза.

– Сберегите, – повторил страшный голос.

Серые губы, казалось, напрягались, чтобы выговорить слова. Джош отпрянул, и тут рот проскрипел:

– Сбе... ре... гите... ди... тя...

Потом воздух вытек с тихим «у-у-ш». Глазницы трупа воспламенились. Джош застыл, замороженный, и услышал, как Сван испуганно охнула. Голова трупа превратилась в огненный шар, и пламя распространилось, охватив все тело колеблющимся красновато-голубым коконом. Волна плотного жара дохнула в лицо Джошу, и он поднял руку, чтобы прикрыть глаза. А когда убрал ее, то увидел, как труп растворяется в этом огненном саване. Мертвец сидел прямо, неподвижно, весь объятый пламенем.

Горение продолжалось еще секунд тридцать, потом огонь стал сникать, превращаясь в слабое мерцание. Последними догорели подошвы ботинок Поу-Поу.

Наконец затухла белая зола, сохранявшая форму сидящего человека.

Огонь погас. Зола рассыпалась. Не осталось ничего, кроме пепла, даже кости стали прахом. Он осыпался на пол. То, что было когда-то Поу-Поу, теперь уместилось бы на лопате.

Джош остолбенело смотрел. Пепел медленно опадал в луче света.

«Я, кажется, тронулся, – подумал он. – Все это меня доконало!»

Испуганная Сван, прикусив губу, еле сдерживала слезы.

«Я не заплачу, – твердила она себе. – Ни за что». Желание расплакаться исчезло, и ее взгляд сам нашел черного гиганта.

«Сберегите дитя» – так послышалось Джошу. Но Поу-Поу был уже мертв, рассудил он. Сохраните дитя. Сю Ванду. Сван. Что бы ни заставило губы мертвеца произнести эти слова, теперь оно исчезло. Остались только они, Джош и Сван.

Он верил в чудеса, но в чудеса библейские: например, что могло расступиться Красное море, а воду можно превратить в вино и накормить пятью хлебами тысячи людей. Однако до последнего момента считал, что век чудес давно миновал. Но может быть, маленьким чудом было уже то, что он попал в эту бакалейную лавочку, раздумывал он. И действительно – настоящее чудо, что они все еще живы. Впрочем, труп, который садится и говорит, тоже увидишь не каждый день.

Позади Джоша в земле копошился суслик. Борец решил, что зверек чует запах остатков пищи в банках. Может, эта сусличья нора – тоже маленькое чудо. Он не мог отвести застывший взгляд от кучки пепла. Голос, шелестевший как тростник, запомнился ему на всю оставшуюся жизнь, сколько бы ее ни выпало.

– Как ты? – спросил он Сван.

– Нормально, – едва слышно ответила она.

Джош кивнул. Если что-то недоступное его пониманию хотело, чтобы он сберег дитя, подумал он, то, черт побери, он сделает все, чего бы ему это ни стоило.

Немного погодя, когда нервное напряжение спало, он пополз за лопатой, для экономии выключив фонарик. И в темноте засыпал прах Поу-Поу Бриггса землей.

Глава 25

Прогулка во сне

– Сигарету?

Ей протягивали пачку «Уинстона». Сестра вынула одну штучку за фильтр. Дойл Хэлланд щелкнул золотой газовой зажигалкой с инициалами «РБР». Сигарета задымилась, женщина сделала глубокую затяжку – теперь не было смысла бояться рака – и выпустила дым через ноздри.

В маленьком деревянном коттедже, где путники решили остановиться на ночь, уцелел камин, где сейчас полыхал огонь. Все окна оказались выбиты, но им удалось сохранить немного тепла в гостиной благодаря тому, что нашлись одеяла, молоток и гвозди. Они прибили гвоздями одеяла на самые большие окна и столпились у камина. В холодильнике нашлись банка шоколадного соуса, немного лимонада в пластиковой бутылке и кочан салата. В чулане стояла полупустая коробка с изюмом и несколько банок и фляг с какими-то остатками продуктов. Тем не менее все это было съедобно, и Сестра сложила банки и фляги в раздувшуюся от всего, что она насобираала, сумку. Скоро надо будет искать еще один вещмешок.

За день они прошли чуть больше пяти миль по безмолвным пригородам восточной части Джерси, направляясь на запад по двести восьмидесятому шоссе через автостоянку Гарден-Сити. Колючий холод пронизывал до костей, а солнце казалось серым пятном на низком

грязно-коричневом небе, озаряемом красными всполохами. Однако Сестра заметила, что чем дальше они уходили от Манхэттена, тем больше им попадалось неповрежденных зданий, хотя почти во всех окнах были выбиты стекла, а стены заваливались, будто их сбили с фундамента. Путники добрались до района двухэтажных коттеджей – здесь их были тысячи, тесно прижавшихся друг к другу или стоявших, как готические особняки, посреди крошечных лужаек, обгоревших до цвета палой листвы. Сестра заметила, что на деревьях и кустах не осталось ни одного листочка. Ни пятнышка зелени – все было окрашено в однообразные серые и черные цвета смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.